

Հարգելի՛ ընթերցող.

ԵՊՀ հայագիտական հետազոտությունների ինստիտուտը, չհետապնդելով որևէ եկամուտ, իր կայքերում ներկայացնելով հայագիտական հրատարակություններ, նպատակ ունի հանրությանն ավելի հասանելի դարձնել այդ ուսումնասիրությունները:

Մենք շնորհակալություն ենք հայտնում հայագիտական աշխատասիրությունների հեղինակներին, հրատարակիչներին:

Մեր կոնտակտները՝

Պաշտոնական կայք՝ <http://www.armin.am>

Էլ. փոստ՝ info@armin.am

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

Музей-институт геноцида армян

РОССИЯ
И
АРМЯНСКИЙ ВОПРОС

В монографии исследуются проблемы русско-армянских отношений от начала присоединения Армении к России до начала 20 в. Рассматривается решение армянского вопроса — освобождение армянского народа в тесной связи с чаяниями национальных деятелей, международными договорами России, позицией ведущих держав. Армянская политика самодержавия излагается в контексте геополитического противоборства на Ближнем Востоке, показываются взаимоотношения России с Османской Турцией и Персией, раскрывается русско-английское соперничество в Малой Азии. Русско-армянские отношения рассматриваются как союзнические, способствовавшие поступательности развития армянского народа. Приводятся различные точки зрения историков по поднятым проблемам, дается анализ их представлений на основе ввода широкого круга источников в научный оборот. Работа предназначена для преподавателей, научных работников, всех интересующихся историей Армении и политикой России.

Глава I. РОССИЯ И АРМЕНИЯ

Гюлистан Начало XIX века потребовало от Петербургского двора определения содержания политики к Армении. Российскую державу беспокоило положение дел в сопредельных азиатских державах — Турции и Персии, переживавших далеко не лучшие времена своей истории. Развитие Высокой Порты шло по нисходящей линии исторического прогресса. В 1800 г. первоприсутствующий коллегии иностранных дел граф Ф. В. Ростопчин предложил в «Записке» императору Павлу I осуществить раздел Османской империи: «Порта, разстроенная во всех частях, отнимает нерешимостью и последняя силы своего правления. Все меры, ее ныне предпринимаемые ничто иное, как лекаство, даваемое безнадежному больному, коему медики не хотят объявить об его опасности»¹. Лечение «больного» предусматривало переход к России Румынии, Молдавии и Болгарии, Австрии — Боснии, Сербии и Валахии, Франции — Египта. Намечалось из Греции с островами Архипелага, по примеру «венецианских островов», образовать республику под патронажем вышеуказанных трех держав и Пруссии. Упразднение европейских владений Турции не затрагивало судьбы ее азиатских владений². Несмотря на симпатию к проекту, Павел I отдал приоритет союзническим отношениям с Турцией для борьбы против притязаний Наполеона на Ближнем Востоке³.

Иной подход Россия проявила к агрессивным поползновениям Персии. Летом 1800 г. Баба-хан, сконцентрировав войска в Арабатской долине и предав разорению первопростольный Эчмиадзинский монастырь, потребовал от руководства Картли-Кახетинского царства восстановления вассальных отношений. Угроза опустошительного похода объединила освободительные усилия армянских и грузинских деятелей. В сентябре глава российских армян кн. И. Аргутинский-Долгорукий представил прошение графу Ростопчину об оказании Россией мер для спасения Эчвиадзина и Грузии. Аналогичную позицию занимал царь Картли-Кახетии Георгий 12⁴, запросивший, через специальное посольство, «непосредственного подданства» России⁵. Претензии руководства Персии отвергнуты. 12 сентября 1801 г. царь Александр I подписал манифест о присоединении Грузии к России. Решение объяснено грузин-

скому народу исторической преемственностью политики России перед христианским населением Закавказья: «Покровительство и верховная власть российской империи над царством Грузинским всегда налагали на монархов российских и долг защиты. В 1796 году против сильного владения к вам Аги махмет хана в бозе почивающая великая г. и. Екатерина Алексеевна послала часть войск своих. Столь успешное тогда не токмо спасение царства Грузинского, но счастливое покорение всех областей и народов от берегов Каспийского моря до рек Куры и Аракс ограждали нас от всяких опасностей. Оставалось токмо внутренним благоустройством благоденствие ваше утвердить на веки. Но внезапное и скоропостижное отступление войск российских из Персии, Армении и из пределов ваших испровергли справедливое ожидание ваше»⁶.

В тот же день главнокомандующему русскими войсками в Грузии ген. лейт. К. Ф. Кноррингу поставлена задача привлечь на сторону России закавказских ханов — Еревана, Гянджи, Карабаха, Баку и других, занимавших колебательную позицию в признании власти Баба-хана, для улучшения коммуникационных сообщений через Каспийское море из Астрахани. Специального наставления удостоена почетительная политика к армянскому народу: «К особенному же наблюдению вашему предоставляем привлечь к себе нацию армянскую всякими обласканиями. Способ сей по многочисленности сего племени в сопредельностях Грузии, есть один из важнейших к преимущественному усилению народной и вместе к утверждению по верности христиан. На сей конец соизволяем, чтобы вы оказывали ваше по возможности покровительство араратскому патриаршему монастырю Эчмиадзину, содержали с главою церкви онаго приятельные сношения»⁷. Фронда представителей грузинского царского дома, подстрекательская деятельность Баба-хана⁸, побудили уточнить геополитическую установку. 26 сентября 1802 г. рескриптом на имя главноначальствующего Кавказа П. Д. Цицианова Александр I предписал, после обсуждения в Негласном комитете плана графа В. Зубова, очертить границы закавказских владений по рекам Аракс, Кура и Риону. Требуется «особенное внимание» к армянскому народу, призванному, — «яко народ промышленности», — содействовать процветанию новых владений⁹.

Противоборство русско-персидских интересов обусловило возникновение в 1804 г. войны между двумя державами. Узловым пунктом боевых действий стало Ереванское ханство. Решалась триединая цель: разгром персидских сил на их территории, «поелику граница Грузии со стороны Персии открыта и натуральных препятствий неприятелю противопоставить не может»¹⁰; недопущение боевых действий в Грузии, чреватых разорением населения и сепаратизмом верхов местной знати¹¹; приобретение Эчмиадзинского

монастыря, религиозно-политического ориентира армянского народа. План военной компании Цицианова предусматривал занятие Еревана, затем Нахичевана и после Карабаха для решения державного вида: «тем самым из предполагаемого занятия границ по Куру и Аракс выполнить главную часть со стороны Персии, в течение сей же компании»¹². 20 июня Цицианов занял Эчмиадзинский монастырь. Кратковременная схватка с арзерградом сына владетеля Персии Аббас-Мирзой завершилась успехом. 30 июня был занят пригород Еревана селение Канакер¹³. Ереванскому Мегмет-хану предложено принять вассальство от царя, предусматривающее выплату дани в восемь тысяч червонцев, размещение русского гарнизона в Ереванской крепости и принятие торжественной присяги. Затребовано признание верховным католикосом константинопольского патриарха Даниила, означающее отказ Петербургского двора от поддержки притязаний лже-патриарха Давида, учитывание мнения верхов российских армян в лице дворянско-предпринимательской фамилии Лазаревых¹⁴.

Требования Цицианова оказались отвергнуты. Поставленная цель не решена. Сказалось упорное противодействие противника, использовавшего все ресурсы. Нахичеванский союзник Кейбалихан, видевший в падении Еревана потерю самостоятельности, требовал от Баба-хана помощи под предлогом спасения его сына. 14 июля состоялось соединение 15 тыс. войска Баба-хана с армией Аббас-Мирзы при речке Гарни-чай. Происшедшее на следующий день столкновение с Цициановым, сопровождавшееся вылазкой осажденных крепости Еревана, остудило пыл персов. Потери Баба-хана составили 1000 человек, а осажденных — 500. Персидская сторона заняла выжидательные позиции, держа под надзором блокаду Еревана. Русский отряд практически оказался между осажденными и персами. Поставок съестных припасов армянским купечеством и духовенством, из-за противодействия неприятеля, катастрофически не хватало. Сухари стали изысканным лакомством¹⁵. Удачно маневрировал Мегмет-хан. Отчаянное сопротивление сопровождалось уверениями в дружбе и лояльности. На предложение о сдаче Ереванской крепости 30 августа в день тезоименитства царя последовал лукавый ответ: «навсегда расположен служить всеми лостивейшему г. и. всероссийскому верно. Сторону персидского владения держать не намерен. В. с. прошунокорно, дайте мне время и возьмите терпения, дабы Баба-хан отсюда удалился, тогда что вы мне не прикажете, исполнить не откажусь»¹⁶. 31 августа военный совет принял трудное решение прекратить осаду крепости Еревана. Персидская конница уничтожила в окрестностях Эчмиадзина и Еревана скошенную пшеницу. Провиантский транспорт из Тифлиса стремился перехватить мятежный грузинский

царевич Александр Мегмет-хан не сдавался, а Баба-хан ждал оплошек. Неудача со штурмом, предложенным Цициановым для сохранения престижа, могла катастрофически сказаться на спокойствии Грузии и ходе войны¹⁷. Учтена опасность проведения этой сложной операции: «по невозможности штурмовать, имея перед собою в несколько раз сильнейший гарнизон и сзади в виду многочисленную неприятельскую армию»¹⁸. Отступление имело организованный характер. В Грузию переселилось около 400 армянских семейств во главе с мелик Габриелем и юзбани Оганес Гехамяном¹⁹.

Неудача на ереванском фронте усилила волнения среди титулов, осетин и кабардинцев. Мutila настроенная горских народов Высокая Порта, не желавшая усиления России на Кавказе. Замирив недовольных, успокоив грузинскую знать²⁰, Цицианов вернулся к противоборству с Персией. 29 марта 1805 г. главнокомандующий русскими сил направил письмо шаху Персии с изложением геополитических устремлений Петербургского двора: присоединение Закавказья от Каспийского моря до Черного, от Волги до рек Куры и Аракса. Мнение мотивировано якобы указанием царя восстановить «древнюю Иверию в прежнее ее царствующее положение», присоединить к России все зависимые территории от Гурджистанского валийства (Грузии), обеспечить естественную и благоустроенную границу между обоими державами. Реализация вида обоснована боееспособностью русских войск: «показал сыну вашему силу непобедимых войск и прогнав его как зайца с тридцатью тысячами войск из Кизляра, взял его лагерь, провиант и проч.» Для поражения восточного воображения Цицианов пригрозил даже осуществить индийский поход: «Таков мой всемогуществейший государь император, таковы его и воины, моему начальству вверенные, с конями не остановившись пройду и в Индию, буде единое слово изреци соизволить»²¹.

Политический максимализм в посланиях и жизненные реалии соседствовали в деятельности Цицианова. Учтя ереванский опыт, главнокомандующий принял решение державного вида начать с Карабахского и Бакинского ханств, находящихся в удалении от активной помощи персидских войск. Отвлечению внимания Бабахана содействовало установление в марте 1805 г. протектората над Артикским Будаг-султаном, а в мае занятие Эчмиадзинского монастыря. Лже-патриарх Давид удалился в Ереван, чем усилил свою изоляцию от армянского населения. Неудачная стычка Мегмет-хана с ген. м. П. Д. Песветаевым побудила правителя запереться в Ереванской крепости²². Растерянность в рядах противника вызвала желание занять крепость. 17 мая майор Матушевич, руководи-

тель русского отряда, обосновал ее Цицианову экономическими выгодами: «Всякому верноподданному российской империи весьма желательно, чтоб Эриванская провинция поступила в подданство с. и. в. От устья реки Занги, просторная долина на левом берегу реки Аракс, бесподобная... частыми селениями, изрядно построенными. Плодородные поля, удобренные и орошенные частью водопроводами, усеяны сарачинским пшеном, хлопчатую бумагою и разным хлебом. Всякое поселение имеет замок и фруктовые сады, в виду гора Арарат и продолжение от оной к западу, покрытой снегами цепи гор к вершинам Аракса заслоняет до 20-ти селений от южных сухих ветров»²³. На помощь Ереванскому владельцу пришел Келбели-хан с двумя тысячами войска, укрепив беззащитный гарнизон.

Шум вокруг Ереванской крепости понадобился Цицианову для беспрепятственного занятия Карабахского ханства. Акция обусловила приведение в боевую готовность сил Аббас-Мирзы. Недостаток войск не позволил шахзаде ни оказывать помощь Ереванской крепости, ниже вести активные действия против русских формирований²⁴. Продвижение в Восточное Закавказье Цицианов мотивировал подчиненностью всех местных владетелей Агванскому патриаршеству (Агванскому царству). В обращении от 19 мая 1805 г. сказано: «Карабахским хамсам*, шемахийским, нухинским, бакинским, дербентским меликам, кедхудам, монахам, священникам великим и малым из обывателей. По сему имеете вы знать, что как поныне вы повиновались и по порядку и закону отдавали доход церкви Св. Григория внука Григория просветителя агванского и ее пречестнейшему патриарху, так и теперь имеете отдавать доходы и служить, и также повиноваться во всем касающемся до вышесказанной церкви по закону и порядку»²⁵. Восстановление предшествующего порядка связывалось с признанием полномочий верховного католикоса Даниила, которому, как главе первопрестольного Эчмиадзинского монастыря, подчинялось агванское патриаршество. Для Карабахского Ибрагим-хана возникла тяжелая ситуация. Персы бездействовали, ханство оказалось занятым русскими частями, а Цицианов угрожал использовать против него наследственные права карабахских армянских меликов. Выход усмотрен в принятии покровительства России: выплата дани в восемь тысяч червонцев, принятии русского гарнизона в крепость Шуши с обеспечением провольствия, улучшение дороги к Джавату, предоставление аманатов в качестве верности²⁶.

Ответом персидской стороны явилось свержение ереванского Мегмет-хана представителем Каджарской династии Мехти-Кули ханом. Бывший правитель обвинен в «вероломстве», двойной политической игре между Россией и Персией²⁷. Укрепление персид-

ского режима явилось очередной причиной переселения армянских семейств в пределы российской власти, вызвавшей жалобы руководства Ереванского ханства²⁸. Активизировался Аббас-Мирза, сумевший временно занять форпост Елисаветпольской крепости, но не более. Успех Цицианова в Карабахе оказался тактического характера. Утверждение новых границ упиралось в «занятие Ереванской крепости. В декабре 1805 г. Невзетаев представил рапортом умонастроения баязетских и макинских армян, выразивших желание переселиться в российские пределы лишь при занятии Еревана²⁹. Реакция Цицианова оказалась явно скоропалительной. 10 января 1806 г. Невзетаеву сообщено: «я должен сказать в. пр., что хотя бы область Ереванская была и наша, то мне переселять их туда незачем, а мне нужно заселить Грузию и для того, естли они не пожелают перейти на жительство во внутрь Грузии, то мне их почти не надобно. Ибо поселив их в Ереванской области, трудно будет держать в должном повиновении и они безпрепятственно будут бегать или иметь сношения за Аракс»³⁰. Вышеизложенное означало, что Ереванскую крепость Цицианов может занять в любом случае, а удовлетворить желание переселиться сможет лишь при принятии его требований. Однако, воплотить державный вид о новых границах не удалось. В ходе февральских переговоров с Бакинским ханом вероломная смерть прервала его замыслы. «Естли бог поможет мне взять Баку,— указано Невзетаеву 10 января, — так как он еще доселе не оставлял меня помощию своею святою, то я нимало медля возвращусь в Елисаветполь, где устроивши дела один без войск поеду в Тифлис, каже потеперешним обстоятельствам необходимо бы было и Ереван на нынешней же зиме взять, потому что когда крепость сия будет в наших руках, тогда Баба-хану незачем уже будет летом приходить на сию сторону Аракса»³¹. В персидском стане возникла надежда на иной характер развития событий в Закавказье. Питательной основой явилась начавшаяся русско-турецкая война (1806—1812).

Вступление в должность главноуправляющего Грузии И. В. Гудовича потребовало разъяснения военно-политических видов России к Персии. Сущность державного подхода, раскрытая в письме главы внешнеполитического ведомства Н. П. Румянцева от 20 декабря 1807 г., сводилась к приобретению естественной и благоустроенной границы: «В сем уважении нельзя положить приличнейшей границы между Россиею и Персиею, как реки Куру, Аракс и Арначай». Дагестан и Ширван сочтены давно утерянными для Тегеранского двора, Шаки и Карабах перенедшими под российский протекторат, а оставшиеся в Восточном Закавказье — Ереванское и Нахичеванское ханства приносящими доход до 100 тыс. руб. Практически война, на взгляд министра, велась Персией за эту

сумму: «Вот все, что теряет существенно Баба-хан в замен прочного мира с Россиею»³². В случае отказа же от этих территорий Россия могла бы содействовать укреплению позиций Баба-хана в Персии, развивать коммерческие связи, оказать любую помощь как союзнику. При заключении мира допущено признание Баба-хана нахон Персии, а Аббас-Мирзы престолонаследником³³. Временное перемирие, призванное активизировать борьбу против турок и получить облегчение в Закавказье, не принесло желаемого мира. Франция сулила различные посулы Персии для отвлечения российских военных сил с европейского театра противоборства. Размах франко-русской конфронтации не позволял Петербургскому двору выделять дополнительные воинские формирования для Закавказья. Свои интересы защищала английская миссия в Персии. Негласная информация Гудовича показывала стремление Наполеона заполнить порт Бендер-Бушир на Персидском заливе для организации Ост-Индийской экспедиции, обеспечить свободный проход французских частей через Персию в Индию, запастись продовольствием. При всей скарачности плана приходилось с ним считаться из-за успешного египетского похода Наполеона, прозванного английской дипломатией³⁴.

Осенью 1808 г. фельдмаршал Гудович задумал взять Ереванскую крепость с пятитысячным отрядом³⁵. Временное перемирие с турками, напряженность в Константинополе, трудности у персов по мобилизации большого войска, казалось содействовали долгожданному успеху. Сардар Гусейн Кули-хан ереванский потерпел поражение 29 сентября при Антараке и уступил без боя Эчмиадзинский монастырь. Новая стычка открыла путь на Ереван. Отряд русских войск из Карабаха, предводительствуемый ген. м. Небольсиным, одновременно двигался для покорения Нахичеванского ханства. Отряд Небольсина сумел по дороге разбить войско Аббас-Мирзы, спешившего на помощь сардарю, почти без боя занял Нахичеван. Успех россиян встревожил Баба-хана, приславшего к Гудовичу секретаря французского посольства Лажара с целью сохранения предшествующего статус-кво. Предложение отвергнуто. 17 ноября был предпринят штурм Ереванской крепости. Гарнизон защищался отчаянно, поскольку залогом их боевитости остались семьи в Персии, используя подсоветы для освещения нападавших. Задействовав все имеющиеся под рукою средства, Гудович, тем не менее, вынужден был 30 ноября снять осаду. Решение объяснено рапортом царю комплексом факторов: укрепленностью Ереванской крепости по европейской системе, отсутствием тяжелой осадной артиллерии, тяжелым климатом и невозможностью вернуться в Грузию даже при осуществлении успешного штурма. Существенным фактором сочтено наличие активных угроз двух не-

приятелей — персов и турок. Присмотра и защиты требовала Грузия.

Неудача под Ереваном обернулась для Гудовича уступкой должности А. П. Тормасову. Военные действия возобновились ни шатко ни валко³⁶. Вялый их ход определялся борьбой против турок в Мингрелии, овладением Имеретией, закреплением Грузии. 10 сентября 1809 г. Тормасов обосновал министру Румянцеву затишь на персидском фронте занятостью в грузинских землях: «утвердя прежде порядком весь правый фланг Грузии, удобно уже будет обратить наступательные действия на Персию и заняться приобретением границ по рр. Куру, Аракс и Арпачай, не опасаясь сзади никаких беспокойств или развлечений наших сил»³⁷. В апреле — мае следующего года Тормасов провел переговоры о заключении перемирия, завершившиеся неудачей из-за неприемлемости встречных требований Тегеранского двора. Они, в основном, клонились к следующему: уступки Мегринского округа, признание независимости Тальшинского ханства от Персии, неприменение сил против Ахалцихского и Карсского пашалыков Турции. Провал переговоров, как считал Тормасов, являлся следствием происков английского министра в Персии Г. Джонеса, «который приложил все усилия не допустить персиян к заключению перемирия чрез золото, щедрою рукою разсыпанное при тейранском кабинете, так же чрез вредные для нас внушения персидскому правительству о подкреплении их Англиею против российских войск и о выгодах, какие выне предлежат Персии в возвращении назад потерянных ими провинций во время войны с Россиею»³⁸. Продолжению борьбы Персии содействовала Османская Турция. Замирения требовала Имеретия³⁹. Сходные трудности в решении державного вида испытали последующие правители Кавказа — маркиз Ф. О. Паулуччи и Н. Ф. Ртищев.

Активное участие в русско-персидской войне приняли различные сословия армянского народа — духовенство, купечество, ремесленники и крестьяне. Выразителем национальных чаяний на правительственном уровне являлся «поверенный в делах армянского народа» над. сов. Минас Лазарев. В его руках концентрировалась информация о военно-политическом развитии событий в Армении и Закавказье, получаемая из доверительных источников. Через него представлялись просьбы перед различными инстанциями по защите интересов армянских меликов, покровительстве армянскому народу в Грузии и Армении, учете общественных нужд. 30 сентября 1806 г. Лазарев запросил содействия Гудовича к потребностям армянского народа: «о принятии в милость и покровительство обитавших в Грузии и Армении как духовного, так и гражданского звания армян»⁴⁰. Потребности армян Закавказья по-

лучили развитие в письме мелика Джимшида Мелик-Шахназарова к Минасу Лазареву от 2 декабря 1806 г.: «Но если вы, мил. гос! желаете, чтобы народ армянский совершенно избавлен был от ига варварского, чтобы собран он был в древнее свое отчество и чтоб имел готовые корпусы войск, всегда были готовы на службу второму спасителю своему всемилостивейшему г. и. нашему, то испросите, дабы повелено было первое всем разсеявшимся и находящимся в странах ширванских и грузинских народам нашим возвратиться в свое отчество. Второе, чтоб на три года свободны они были от всех податей и не несли бы никакой тягости в продолжении того времени. Третье, чтоб народ армянский не был под властью магометан, дабы удобнее им было употреблять злые умыслы свои, и, наконец, четвертое, чтоб пожалована была нам сумма на изготовление орудий для предполагаемого заведения, дабы на будущия времена без всякой нужды во всякое время готово было войско итти вместе с российскими отрядами против неприятеля до самой реки Ерасха. Таковая милость августейшего монарха нашего, конечно, одобрит силы армянского народа и обяжет их из всяких стран стекаться к поселению под сладчайшее покровительство с. и. в.»⁴¹.

3 июля 1806 г. мадрасские армяне выразили желание видеть Армению в составе России: «Весь народ вообще, благославляя вступление высочайшего имени и непобедимой империи твоей, всемилостивейший государь, в страну нашу, повергает к стопам твоим с давних времен, скопившиеся слова признательности и беспредельной благодарности к тебе, спасителю нашему, за неизреченное попечение и богоподобные милости на народ наш изливаемые, и молим благодать твою о продолжении высокомонаршего милосердия и о принятии его в число народов твоих, чем самым преклонившуюся главу нашу да возможем мы поднять везде и радостными восклицаниями да будем прославлять августейшее имя в. и. в.». Преследовалась цель консолидации всех разбросанных частей армянского народа в отчизне под российским скипетром: «там собравшись весь народ наш восдино да возшлем благословение ко всемышнему»⁴². Прошение передано Минасом Лазаревым на усмотрение царя в 1807 г. Заключение царю подготовил дипломат А. Я. Италинский. Податели прошения представлены как богатые коммерсанты, производящие «знатную торговлю» в Ост-Индии, переселение которых встретит противодействие английских властей. Рекомендовано объявить через Лазарева о благосклонном отношении к содержанию прошения, необходимости конкретизировать российские провинции для места жительства, возможности признания их российскими подданными лишь по приезду в страну⁴³.

В декабре 1808 г. Лазарев осуществил ходатайство перед монархом об утверждении главы российских армян архиепископа Ефрема Дзорагехци преемником верховного католикоса Даниила как избранного им наследника, имевшего российскую ориентацию и популярность среди армян различных стран. Лже-патриарх представлен дискредитированным в политических и общественных кругах: «Давыд же, напротив того, разоривший первопрестольный монастырь Ечъмиадзинский и столь много зла причинивший, восхитив сан патриарший не перестает и поныне все возможное в действо употребляет к достижению своей цели, изменяя державе Российской и союзничеству с персиянами и вообще с врагами России»⁴⁴. Мнение разделял фельдмаршал Гудович, доносивший о невозможности пребывания Давида главой армянской церкви «в разуждение его приверженности к персиянам»⁴⁵. 31 сентября 1809 г. Александр I подписал грамоту об утверждении Ефрема верховным католикосом. Сознавая значение Эчмиадзинского престола в жизни армянского народа, ерванский сардар посетил и пригласил Ефрема в родные пенаты, а Аббас-Мирза установил годовое жалованье. Ставилась цель изолировать верховного католикоса от участия в общественных делах и превратить в покорного персидского служащего⁴⁶.

Анализ вышеприведенного показывает, что армянскими деятелями в начале первого десятилетия XIX в. отстаивалась концепция благоденствия армянского народа в составе России. Составными компонентами являлись: переход Армении в состав Российской державы; консолидация армянского народа вокруг Эчмиадзина; организация вооруженных сил; обеспечение интересов социальных слоев — меликов, духовенство, ремесленников, купечества и масс; создания благоприятных условий развития для нации при наличии удельных ханств в Закавказье; использование Эчмиадзинского престола как проводника национальных интересов и политической ориентации. Программа имела жизненность. Переселенцам армянам на государственные земли в Грузии предоставлялись льготы, а для владельческих земель понадобилось принятие специального законодательного акта. «Положение о принятии помещиками в Грузии поселенцев, выходящих из заграницы и о водворении их на собственных землях» от 22 октября 1819 г. освобождало переселенцев на три года от земской повинности и на шесть лет от платежа казенных податей⁴⁷. Утверждены в дворянстве Гехамяны и известный негодичант Гевурк Ага Арцруни⁴⁸.

Успешное противоборство России с Францией побудило Ртищеву обратиться к верховному католикосу Ефрему Дзорагехци 28 мая 1813 г. с просьбой выступить в роли посредника по заклю-

чению мира между Россией и Персией. Обращено внимание на аномальность ситуации в Европе и Закавказье: «Знамена Российской империи развеваются далеко уже за Эльбой»⁴⁹. Успешный Бухарестский мир с Османской Турцией 1812 г. закрепил за Россией западное Закавказье с частью северной Армении. Лишь персидская сторона продолжала упорствовать. Верховному католикосу посоветовано призвать Тегеранский двор к голосу благоразумия, а в случае потери осторожности приготовиться к более значительным территориальным потерям: «персидское правительство само против себя погрешает, не пользуясь в свое время, которое еще не ушло, миролюбивым расположением е. и. в. моего всемилостивейшего г. и. Ибо естли оно не поспешит и в нынешнее лето заключением мира, то на будущее время конечно не должно уже будет ожидать той умеренности в основаниях мира, которую теперь может воспользоваться, и правительство сие само будет виною, естли упорством своим возвысит в последствии требования Российской империи, которые по всей справедливости должны будут распространяться гораздо далее, по мере упорства владетеля Персии и успехов российского оружия»⁵⁰.

Голос рассудка взял верх. 12 октября 1813 г. в армянском урочище Гюлистан Талышского меликства Карабаха состоялось подписание «Договора о мире и дружбе между Россией и Персией». Основу мира составил принцип статус-кво, фактического владения сложившейся границей. Персия отказалась в пользу России от Дагестана, Шаки и Ширвана, территорий от Кавказской линии до Карабаха и озера Севан. За ней сохранены Ереванское и Нахичеванское ханства. Русский военный флаг должен был реять в гордом одиночестве на Каспийском море. Установлены коммерческие льготы, но ввоз и вывоз товаров подданными обеих держав подлежал пятипроцентному сбору. Признавались права того престолонаследника, которого впоследствии признает Фетх-Али шах (Баба-хан). Весь трактат состоял из одиннадцати статей. Также был подписан «Сепаратный акт», предусматривающий визит послов в столицы обеих стран. Главнокомандующий войсками на Кавказской линии и в Грузии взял обязательство поддерживать возмозные требования персидской стороны при высочайшем дворе⁵¹.

Заключенный мир имел ряд особенностей, сказавшихся в последствии. В процессе подготовки выявилось упущение с «Сепаратным актом». Министр иностранных дел Румянцев 9 октября обратил внимание Ртищеву на недопустимость внесения в мирный трактат акта, предоставляющего право послам обеих держав излагать государственные интересы перед монархами. Раздосадованный Румянцев писал: «он неминуемо ослабит и почти уничтожит всю силу мирного трактата, которого при таком акте нельзя назвать

окончательным, ибо он доставит Персии все выгоды продолжительного перемирия, а у нас во все время долгого пути и пребывания здесь персидского посла отымет власть действовать силою оружия, но заставит нести все те издержки и оставит нас в безпрерывном беспокойстве»⁵². Затребовано «уклонение» от подписания «Сепаратного акта», а при невозможности вынести за пределы мирного договора, что и осуществил Ртищев⁵³. Нарекания обусловило установление равного пятипроцентного сбора с товаров, ввозимых в оба государства, поскольку он превышал Азиатский тариф на два процента. Значение для заключения мира имела информация епископа Персеса Аштаракеци, посланного верховным католиком, о трудностях персов с восставшими вахабитами и туркменами⁵⁴. Недовольство вызвало также общее наименование пограничных мест, уточнение которых подлежало осуществить комиссарам обеих стран. Признание Фетх-Али шахом Персии оказалось опущенным из-за противодействия персидского уполномоченного Мирзы-Абдул-Хасана, считавшего достаточным наличие такого упоминания в начале текста трактата. В качестве знака уважения осуществлен дар персидскому шаху в лице Мегринского округа, намеченного стать пограничною чертою между Карабахом и Персией. Такая уступка понадобилась для окончательного закрепления Талышинского ханства за Россией⁵⁵.

15 сентября 1814 г. состоялся обмен ратификационными грамотами. Недочеты при составлении трактата сыграли свою роль, побудили царский манифест о мире с Персией опубликовать лишь 16 июля 1818 г.⁵⁶ Двойственное отношение шаха к миру проявилось в заключении Тегеранского договора 1814 г. с Англией, предусматривающего союзнические отношения. Обе стороны отказывались «признавать границу, установленную Гюлистанским договором». Вершителем судьбы русско-персидской границы признавался Туманный Альбион⁵⁷. Тегеранский двор использовал промахи в договоре и стал поднимать спорные вопросы вокруг Капана, Мегри, озера Севан и Талышинского ханства. Претензии Каджаров получили поддержку не только со стороны Англии, но и Блистательной Порты. Их размах вызвал трения между Россией и Сент-Джеймским кабинетом. Управляющий министерством иностранных дел К. В. Нессельроде поручил послу Х. А. Ливену в Лондоне 16 апреля 1816 г. осуществить демарш перед королевским правительством. Было обращено внимание на «своеобразие» азиатской политики у закавказских границ. В отличие от Европы, на взгляд Нессельроде, здесь не действовала система выработанной международной ответственности: «Тут все основывается на взаимности и добросовестности; у народов азиатских, напротив, только страхом можно себя обезопасить, и святости трактатов у них не

существует. Не трудно предвидеть, насколько ослабнет этот двигатель у азиатских народов, если они проникнутся идеею, что при помощи третьей державы они могут добиться того, в чем им отказывает правительство, с которым они находятся в споре»⁵⁸. В июле Туманному Альбиону указано, что британские офицеры под руководством Аббас-Мирзы «нисколько не служат доказательством чувств С. Джеймского кабинета» к России⁵⁹.

Преобразование «удельных ханств» Шаки, Ширвана и Карабаха (1818—1822) в российские провинции резко сбавило требования Персии, лишившейся опоры в ханской фронде. Положительная взаимосвязь между этими явлениями отмечена в инструкции Нессельроде поверенному в делах Персии С. И. Мазаровичу 18 августа 1823 г.: «В самом деле, мы заметили, что Гюлистанский договор перестал служить основанием для жалоб или новых требований; от прежних претензий отказались, и вместо выражения недовольства и неосуществленных надежд мы получаем теперь от персидского правительства лишь свидетельства доверия и предложения о сотрудничестве. Не подлежит сомнению, что режим, который существует в наших провинциях, сопредельных с Персией, во многом способствовал подобной перемене»⁶⁰. Склонивши голову перед русской силой, персы затаили око на армянских деятелей. Епископ Персес Аштаракеци вынужденно возглавил армянскую епархию Грузии, а вокруг верховного католика Ефрема Дзорагехци была создана тяжелая атмосфера преследований и моральных истязаний. В 1822 г. он перешел в Карабах под сень попечения российского монарха. Эчмиадзинская печать вручена Персесу Аштаракеци⁶¹, а католикос стал формальным монахом Ахпатского монастыря. Акция призвана была не осложнять отношения между Россией и Персией. Гюлистанский трактат оказался временным компромиссом, не позволившим закрепить границу по реке Аракс, присоединить Ереванскую и Нахичеванскую провинции. Тегеранский двор сохранил мечты о восстановлении своей власти в Закавказье. Секретная статья Эрзерумского договора, заключенного между Тегераном и Стамбулом 23 июля 1823 г., намечала помощь Блистательной Порты Персии в войне против России⁶².

Туркманчай Вступив на престол Николай I уделил «особенное внимание» Персии. 31 января 1826 г. главноначальствующему Закавказья А. П. Ермолову предписано сохранять статус-кво между Ираном и Россией на основе Гюлистанского мира. «Мы должны всемерно стараться прекращать дружелюбно возникающие распри, и уверить их в неограниченности желаний нашего утвердить мирные с ними связи»¹. Предписание мотивировалось верностью международным трактатам, обострен-

ностью взаимоотношений с Османской Турцией, напряженностью среди горцев Северного Кавказа и заинтересованностью России в мире между двумя сопредельными державами. «Сомнительное престолонаследие» нового царя вызвало реванистские настроения в Персии. Из восстания декабристов нам сделали вывод о междоусобной борьбе. Отмечая реакцию персидских верхов, Ермолов 4 марта сообщил Нессельроде: «Сам Аббас-Мирза, в понятие которого не иначе еще должно случиться, из собственного чувства боязни подобного события, поверил молве и, не дождавшись достоверных известий, отправил нарочного с донесением к шаху, стараясь всячески воспламенить его к войне, думая воспользоваться вымышленными раздорами внутри России. Войскам повсюду дано повеление быть в готовности. Аббас-Мирза выезжает к стороне нашей Карабахской границы»². 16/28 июля военные действия открыл Ереванский сардар. Подспудные причины войны выяснились из показания пленного Угурлу-хана Елисаветпольского: Ост-Индская компания, выделявшая ежегодно на содержание Тегеранского двора 800 тыс. руб. сер., пригрозила прекратить дотацию в случае отказа от войны с Россией; расчет на междусобицу в России после отречения вел. кн. Константина Павловича, заместника царства Польского, от Петербургского трона; информация ереванского сардара Гусейн-Кули-хана о нестабильности в Грузии и неготовности Кавказского корпуса к войне. Показания высвечивали роль Туманного Альбиона, стремившегося отвлечь Россию от поддержки греческих бунтовщиков и конфронтационности с Высокой Портой.

Вторжение персов в закавказские владения застало правящие круги России врасплох. Соответствовали истине сведения сардара о «разбросанности» русских частей и фактической неготовности правителя Кавказа к военному повороту событий³. Сыграло роль большое самомнение сардара-Ермулу в грозности своего имени. Тайная полиция сообщила царю: «Он некоторым своим любимцам позволяет говорить себе иногда правду и даже требует этого, но никогда не следует советам»⁴. Недооценена персидская агрессивность. Письмо царя от 1 августа Ермолову отразило сложную гамму чувств самодержца: «С прискорбием читал Я донесение Ваше, Алексей Петрович! Стало, не всегда добрые намерения венчаются успехом, и за скромность и миролюбие наше платят нам коварством. Сколь не избегал Я войны, сколь ни избегал Я оной до последней крайности, но не дозволю никогда, чтобы достоинство России терпеть могло наглость людей безумных и неблагодарных»⁵. Царь затребовал от Персии причин «нарушения мира и междонародного права»⁶. Циркулярная депеша Нессельроде от 16 (28 августа) отразила миролюбие России: «Нападение совершено без

уважительной причины, без открытого объявленной цели, без какого-либо предупреждения, невзирая на состояние мира, когда наши демарши, с одной стороны, и характер высказываний персидского правительства с другой, казалось, предвещали лишь упрочение взаимного согласия. Это нападение, по-видимому, не нуждается в дальнейших разъяснениях; оно столь неожиданно, что император все еще не хочет верить в то, что оно является деянием самого персидского двора»⁷. Уверившись в неслабости характера происходящих событий, российское правительство 16 сентября приняло декларацию о войне с Персией. Заявлено о денонсировании Гюлистанского трактата, необходимости обеспечить безопасность границ, утвердить прочный мир с геополитических позиций⁸.

Для внесения изменения в ход войны Николай I назначил доверенного генерала И. Ф. Паскевича командиром Кавказского корпуса под руководством главнокомандующего Ермолова⁹. Перед коронаванием в Москве самодержец показал ему рапорт Ермолова о вторжении 160 тыс. армии персов, восстании мусульманских провинций и необходимости подкреплений для «сохранения» закавказских владений. Паскевичу поручено выяснить корни сложившейся ситуации: причины войны, затяжки похода Ермолова на Ереван, провинтских затруднений крепости Шуши и разбросанности русских формирований¹⁰. В помощь руководству Кавказа выделена двадцатая пехотная дивизия, третья уланская дивизия и осадный парк¹¹. 29 августа Паскевич прибыл в Тифлис¹², а 4 сентября представил царю итоги блиц-расследования. Крепость Шуша признана неоперационной, испытывавшей затруднения с заготовкой провiantа по местным обстоятельствам: «ибо в сем краю зерно более года не держится». Возникновение войны связано со слухами о междоусобице вокруг престола в России. Разбросанность войск, использованная противником, объяснена сложностью продовольствия формирований. Отложение ереванского похода связано с перевесом сил противника: «Неприятель на Куре и во многих местах оную перешел, т. е. Аббас-Мирза со всеми силами Персии, с взбунтовавшимися ханами, и хотя недостоверно, но известие есть, что и сам шах персидский, может быть соединился с Аббас-Мирзой, что составит около 50 тыс. человек; у Аббас-Мирзы с регулярными 15 батальонами будет до 20 тыс. человек не считая возмущившихся ханов; с другой стороны, ериванский хан или сардир от 15 до 17 тыс. человек. В сем положении генерал Ермолов с 12 тысячами ничего не намерен был предпринять до тех пор пока горы, разделяющие нас от Ереванской провинции, не покроются снегом, что обыкновенно случается в конце сентября или в начале октября и тогда бы он мог употребить 10 батальонов пехоты на главную атаку персиян, т. е. противу Аббас-Мирзы»¹³. До

генерального сражения первоочередной задачей сочтено снятие осады Шуши. Ереванский поход представлен делом будущего.

Доклад Паскевича содержал негативную характеристику Ермолова, подготавливал его замену и передачу управления Кавказского корпуса в руки фаворита царя. Ход военных событий на время отложил заготовленную смену руководства Кавказа. Ермоловский план ведения войны получил воплощение. 3 сентября любимец правителя Кавказа, известный армянский деятель князь В. Мадатов, с двухтысячным отрядом разбил десяти тысячное войско Аббас-Мирзы и занял г. Елисаветполь с прилегающими территориями. Потери противника составили более 15000 чел. Совершенно уничтожена шахская гвардия. Незначительный урон понес русский отряд, составивший 12 человек. «Потеря наша, в сравнении с неприятельской и по важным последствиям сей блистательной победы, совершенно незначительна, что обязан я приписать, — отмечено Мадатовым в рапорте Ермолову, — отважности и хладнокровию, быстрому движению пехоты, и неприятельским батареям, кои принуждены были немедленно обратиться в бегство, наконец, по чрезвычайно смелому и храброму преследованию; окончательное поражение неприятеля неотъемлемо принадлежит неустранимым нашим казакам, с коими весьма похвально действовали ополчение и казачья конница». Мадатов имел все основания рапортовать по-суворовски: «Так воины храбрые императора нашего исполнили приказание вашего высокопревосходительства — идти с малыми силами и победить неприятеля, в 5 раз его числом превосходившего»¹¹. 13 сентября при Елисаветполе русские формирования под руководством Паскевича и Мадатова нанесли поражение 35-тысячной армии персов. Главнокомандующий разрешил Паскевичу вести преследование неприятеля лишь до реки Аракс, чтобы подготовить основы прочного перенесения войны в глубь Персии¹². Успех позволил занять Карабах. В Лори-Памбаке активно действовал герой Отечественной войны Д. Давыдов. Сардар заперся в Ереванской крепости.

Освобождение закавказских владений от неприятеля позволило руководству державы приступить к формированию политического курса в отношении Персии. В разработке приняли участие представители различных ведомств. В октябре министр финансов Е. Ф. Канкрин подал Николаю I программную записку «Мысли о Грузии». Причиной войны названо расширение пределов державы и их необеспеченность защитой: «Бесперывные притезания к персиянам и несимение войск нигде в куче дало повод к неприятному их вторжению». Для закрепления Закавказья за Россией предлагалось установить новую границу с Персией по р. Аракс. От нее усматривалась двоякая польза. С одной стороны, увеличивались

возможности для коммерческих оборотов с Персией и соседними государствами. «С другой стороны, Закавказский край может сделаться весьма богатою колониею для России — говорится колония, ибо провинциею, состоящими с прочими в равных отношениях и обязанностях — долго быть не может. Из сего впрочем следует, что сим краем должно управлять по благоразумной колониальной системе»¹³. Для освоения южной окраины Канкрин задумал привлечь армян Персии после заключения мира. В одной записке им указано: «Привлечение новых жителей, особливо армян, к климату Аракса привыкших, простым и справедливым управлением и умеренностью и простотою налогов»¹⁴.

Свою точку зрения представили военные круги. В январе 1827 г. полковник квартирмейстерской части И. Д. Энегольм подготовил аналитическую работу «Военно-политическое обозрение персидского государства», представленную начальнику главного штаба И. И. Дибичу в Тифлисе. В качестве стратегических целей русской армии представлены Ереван и Тавриз, взятие которых могло решить ход войны. Приведено «краткое описание» Ереванской крепости. Ее завоевание представлялось обязательным: «Покорение Эривани произведет сильное впечатление на умы самих персиян, но и на все окрестные народы, считающими оную непобедимую»¹⁵. Установление новой границы по Араксу мотивировалось военными потребностями: «Мы распространим пределы наши до Аракса за Эривань, дабы сим навеки предохранить Грузию от всегда могущих еще быть вторжений Персии»¹⁶. В экономических видах намечалось осуществить переселение христиан из Персии в новые пределы России. Обладание Эчмиадзинским первопрестольным монастырем, — «восстановим патриарший престол Армении», — рассматривалось важным рычагом воздействия на армянский народ. Мир с Персией должен был отвечать интересам добрососедства: «Завоевание Персии не совместно с истинною пользою Отечества нашего, но потрясение могущества одной из сильнейших держав на Востоке есть дело главное, предстоящее имени Русскому»²⁰.

В январе 1827 г. царь утвердил план военных действий против Персии, представленный Ермоловым. Главными военными целями признано покорение Еревана и Тавриза. Крепости Еревана и Сардарабада подлежали окружению, до прибытия тяжелой осадной артиллерии, для подготовки штурма. В промежуток этого времени предусматривалось «решительное» продвижение к Нахичевану и крепости Аббас-Абад. По ходу намечалось решение продовольствия войск. Обложение крепостей Еревана и Сардар-Абада вверялось командиру двадцатой пехотной дивизии ген. лейт. А. И. Красовскому. Главный авангард был доверен ген. К. Х. Бенкендорфу.

Карабахский отряд поручен кн. Мадатову. Крайним сроком начала военной кампании назначено 1 апреля²¹. Руководство Кавказского корпуса возглавил Паскевич. Согласно плану авангард русских войск осадил крепость Еревана, а Паскевич двинулся к Нахичевану. Намечено укрепить новую границу. 27 апреля военный комитет во главе с временно управляющим главным штаба графом Толстым принял решение об осуществлении переселения 80 тыс. казаков к персидской границе для создания пояса безопасности из христиан среди иноверцев и «сближения с армянами, по вере и усердию к России, не вовсе нам чуждыми»²².

В конце апреля министерство иностранных дел ознакомило начальника главного штаба Дибича с «окончательным» проектом мирного договора между Россией и Персией, конвенцией о торговле, дополнительными постановлениями о мире. Проект мирного договора, разработанный под «непосредственным руководством» Николая I, состоял из одиннадцати статей. В «Кратких замечаниях на проект» обоснована необходимость новой границы по Араксу миролюбивыми видами: «Причины побуждающие назначить течение Аракса будущою границею между обоими государствами, основаны не столько на желание присоединить к обширным своим владениям ханства Ереванское и Нахичеванское, сколько по необходимости иметь границу твердую и естественную, которая будет опираться на крепость довольно важную и доставит ощутительные выгоды в отношении политическом и военном. По сему статья, определяющая чтобы Аракс составлял раздельную пограничную черту, должна быть постановлением непреложным»²³. В интересах обладания геополитической границей допускалась уступка Макинского магалы: «Но поскольку небольшая часть ханства Ереванского лежит за Араксом, которую выгодно было бы удерживать за нами единственно только по тому уважению, что из оной снабжаются солью Грузия и другия смежныя области, то как цель наша не относится к приобретению земель, а только границ определенной и естественной, уполномоченные наши могут отказаться от той части ханства Ереванского, которая находится на правом берегу упомянутой реки»²⁴. Проект договора не содержал пункта о переселении христиан из Персии во владения России. Уполномоченными для ведения переговоров назначены генерал от инфантерии Паскевич и д. ст. с. А. М. Обрезков²⁵.

Умеренность требований России определялась несостоятельностью персидско-турецкого союза, наличием русско-английского протокола от 23 марта 1826 г. о посредничестве перед Османской Портой в конфликте с восставшей Грецией и принятии «необходимых мер» по реализации соглашения, желанием иметь доброжелательного соседа в лице Персии²⁶. Тем временем передовой

отряд русских войск осуществлял осаду крепости Еревана. 29 апреля ген. ад. Бенкедорф подписал прокламацию к населению г. Еревана о принятии подданства России: «Объявляю Вам именем Великого Российского императора, что со дня вступления моего в Эчмиадзин, Эриванская и Нахичеванская провинции принадлежат Российской державе на вечныя времена! И так, покорясь благоденствовать под сенью Мудрого правительства России»²⁷. Осада оказалась неподготовленной из-за отсутствия тяжелой артиллерии. Обложение крепости поручено отряду ген. лейт. Красовскому. Инструкцией Паскевича ему вверена защита границы и ведение боевых действий при активизации персов, поскольку противник уклонялся от наступательных действий²⁸.

Война побудила к определению позиции армянских верхов. Глава церкви Ефрем Дзорагехци находил агрессию Тегеранского двора безрассудством: «кто рост яму, тот в нее попадет»²⁹. Первенствующий член Эчмиадзинского Синода, архиепископ Персес Аштаракец 29 июля 1826 г. обратился с призывом ко всем армянам Закавказья оказать всемерную поддержку российскому воинству: «Верность нашей нации непоколебима. Чувствование собственного добра и зла беспримерна. Твердость ее и терпение, сопряженные с пронизательностью, неимоверны». Контрастно противопоставлены персидский режим и российское правление: «Ислечение мнужества христиан, потоки крови старцев и чад их, предание пламени святых монастырей и церквей Тифлиса породили милость и сострадание богоспасаемой Всероссийской державы, которая свойственным ее человеколюбием приняв нас под свое покровительство, успокоила, подняв от всякого злосчастия». Война представлена потерей благоразумия персидской стороной, несущей разрушения и ожесточения в сердца армян: «Но, против чаяния всех благомыслящих, персы, вступив в пределы Всероссийской империи и минуя победоносные пограничные войска России, нападают разбойнически на армянскую нацию, обитающую без всякой предосторожности и опасения в селениях, пленяют и бесчеловечно терзают»³⁰. Сыны Гайка призваны сомкнуть ряды с россиянами: «Не страшитесь гласа и вопли персов — вся сила их состоит в одном шуме и угрозах, но никогда в штатном могуществе и благоразумии. И как вопли их и шум на одну лишь минуту поражая воздух, скоро исчезают, так ничтожны все крики их и угрозы! Мужайтесь, не страшитесь, нечаянное нападение их на безоружных, мирных поселян не поколебит непобедимое войско Всероссийского монарха России»³¹. Армянское население приняло активное участие в боевых действиях. Создано ополчение, сформированы армянские

дружине»³². Царским рескриптом на имя Нерсеса Аштаракци от 2 февраля 1827 г. выражено «благоволение» армянскому народу за верность России. Заявлено о продолжении попечительной политики: «Доколе прибудет непоколебима верность народа вашего, обретшего надежное убежище под сенью российского правительства, мы вменяем себе в обязанность неусыпно пендись о его счастье и успокоении»³³.

В начале 1827 г. глава армянских церквей С. Петербурга архимандрит Серовбе Карнеци, приближенный к фамилии Лазаревых, обратился с прошением к самодержцу Николаю I об устройстве Армении. Поднят вопрос эффективности управления закавказских владений и необходимости его улучшения. Присоединенные Грузия и персидские территории по Гюлистанскому трактату представлены тяжелой обузой для России ввиду содержания значительного войска на южной окраине. Военное противоборство с Высокой Портой и Персией обусловило спад в развитии торговли и сельского хозяйства, а российская администрация не сумела осуществить преобразования в условиях военного времени. Закономерным признано стремление державы «к так называемым естественным границам», призванных легко отразить внезапное вторжение неприятеля и обеспечить условия для развития сельского хозяйства. Война с Персией представлена России удобным поводом утвердить границу на Араксе. Приобретя Ереванскую и Нахичеванскую провинции, Россия получила бы сельскохозяйственную житницу, «чудесную страну, производящую в большом количестве пшеницу, хлопок, вино, рис и число коих легко можно было бы увеличить другими произведениями». Обладание Россией армянской столицей г. Ереваном и духовным центром Эчмиадзинским монастырем предоставило бы право верховному католикосу, нашедшему с 1822 г. убежище в Грузии, вернуться к религиозному поприщу. Возвращение Айрапета зрелось залогом концентрации армян в Российских пределах: «Католикос имея большое влияние приблизительно на пять миллионов армян соберет их большую часть вокруг себя. Нет никакого сомнения, что благодаря благодати правительства вашего и. в. Ереванская и Нахичеванская провинции станут безопасными и нет никакого сомнения, что более 300000 армянских семейств, находящихся сейчас в некоторых областях Турции и Персии, соберутся вокруг их духовного предводителя, местожительством изберут Ереван и окрестные местности»³⁴. Многочисленные армянские богачи, в том числе из Индии, представлены жаждущими момента возвратиться на родину. Развитие сельского хозяйства в новых провинциях позволило бы, на взгляд автора, обеспечить провиантом русские войска в Грузии. Местные соляные источники, славящиеся качеством и дешевой продукцией, обес-

печили бы все потребности населения закавказских владений. Армянское же население, в течение времени, смогло бы взять на себя защиту части южной территории империи. Из всего сказанного сделан вывод о необременительности для державы приобретения Ереванской и Нахичеванской провинций.

Желание Ефрема Дзорагехци видеть Эчмиадзинский престол в составе России отмечено лавинным. По словам архимандрита, «программу католикоса» он был призван осуществлять еще в 1813 г., когда в мае получил предписание главы церкви направиться в Тифлис для ее воплощения. В ходе переговоров с главным управляющим Кавказа Ртищевым намечалась передача ряда важных документов. Однако к этому времени состоялось заключение перемирия между Россией и Персией: «я был вынужден отложить программу католикоса до лучших времен»³⁵. После чего Серовбе Карнеци оказался в России, став духовным предводителем армянских церквей Москвы и С. Петербурга. К прошению архимандрит приложил ряд документов, предназначенных облегчить действия русских формирований в Арагатской стране и свидетельствующих о достоверности поручения Айрапета: план Ереванской крепости и ее описание 1813 г.; письмо главы армянской церкви к Ртищеву от 15 апреля 1813 г.; письмо Ефрема Дзорагехци к архимандриту от 4 октября 1826 г., полученное им 27 января 1827 г. Последнее письмо, выражавшее негативное отношение католикоса к агрессии Персии, содержало приписку: «Я надеюсь, что мой старый друг и покровитель князь Голицын не забыл меня. Пойдите и поговорите с ним обо мне и вокруг всего того, что Вы сочтете удобным. Я никогда не забуду его благодетельствий». Необходимость обращения к бывшему обер-прокурору св. Синода, министру духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицыну раскрывают строки указанного письма о пребывании католикоса в Тифлисе, «куда наш архиепископ (Нерсес Аштаракци — В. Т.) предоставил мне возможность переместиться»³⁶. Опущено сложение сана главы армянской церкви, преобразование в монаха Ахпатского монастыря, после ухода из Эчмиадзинского монастыря. Архимандриту доверен карт-бланш для ведения переговоров.

Прошение Серовбе Карнеци имело двоякую цель: подготовить почву к возвращению Ефрема Дзорагехци в Эчмиадзинский первостольный монастырь и изложить концепцию присоединения Арагатской страны — ядра исторической Армении — в состав Российской державы. Изложены предположения и последствия программы католикоса. Приведенные мысли буквально перекликаются с представлениями полковника Энегольма в труде «Военно-политическое обозрение персидского государства»: переселение армян из Персии, укрепление безопасности Грузии и «возстановим патри-

арший престол Армении». Тождество соображений объясняется, очевидно, личным знакомством. Пропиение сыграло свою роль, поскольку в ходе войны произошла чудная трансформация Ефрема Дзорагехци из монаха в Айрапета для масс, но не для политики. Великовозрастность верховного католикоса, приближавшимся к восьмому десятку, не позволяла надеяться на его активное участие в ходе персидской войны. Это бремя взывали на свои плечи архиепископ Нерсес Антаракеци. Успешность выполнения поручения позволила Серовбе Карпечи покинуть, в дальнейшем, С. Петербург и отправиться в Тифлис к католикосу³⁷.

1 июня 1827 г. чиновник внешнеполитического ведомства Христофор Лазарев, возглавлявший сбор разведывательной информации при шефе корпуса жандармов, подал правительству записку «Об армянах». Показана самобытность развития армянского народа: «Армяне издревле составляли собою государство, имели царей из своего племени, свои письмена, свою веру». Отмечена разрушительная роль турок и персидских Сефевидов в истреблении армянского царства, которые, однако, не сумели изменить этнического сознания народа. Предлагалось учесть значение армян в качестве христианского союзника: «Сия нация по единоверию с нами, по просвещенному убеждению в сильном покровительстве России и по преданности, которую нам многократно оказывала, заслуживает, чтобы государь император воскресил ее из небытия. Война с Персией представляет к сему особенное удобное время»³⁸. Главной идеей записки являлось предложение о восстановлении царства Армении, то есть образования армянской государственности в составе России. Она рассматривалась основным звеном политической цепи, могущей решить проблему консолидации армян в Восточной Армении, оживить местную экономику и составить опору правительства в регионе: «Приобретение областей Эриванской и Нахичеванской, в которые включается округ Араратский, и Эчмиадзинский монастырь, палиадиум народный, дают право России восстановить древнее царство Армянское. Манифест о сем и включение в число императорских регалий короны и скипетра Тиридата Великого, которые бы с благоволением сохранялись в Эчмиадзинской соборной церкви, возобновление некоторых титулов, как-то меликов уважаемых по преданию, привлекут бы мгновенно в пределы наши из Османской империи и даже из отдаленной Индии людей с достатком, промышленных и усердных нашему правительству. Создалась бы национальная милиция, вернейший пограничный оплот, в пособие и убавление нужных на содержание в тамошнем крае русского войска»³⁹. Реализация предложения, по мнению Лазарева, позволила бы России расширить свои пределы за счет Османской империи: «И при

первой войне с Турцией мы с сей стороны дружественно были приняты многочисленным народонаселением армянским и могли бы, если это согласно с высшими предначертаниями, удержаться в наших завоеваниях к западу до Трансзунда и к югу до пашалыка Багдадского без излишнего и обременительного размножения гарнизонов»⁴⁰. Содержание записки было принято к высочайшему сведению.

В правящих кругах России продолжалась шлифовка позиции к Персии. 7 июня глава внешнеполитического ведомства Нессельроде возвратил Дибичу рапорт командира отдельного Кавказского корпуса с соображениями о заключении мира с Персией. Паскевич пометкой к его установлению находил требование России о возмещении военных издержек в 35 млн. руб. Допускалась возможность уменьшения контрибуции, либо отказа от нее. Такая постановка вызвала возражение Николая I: «Издержки наши для продолжения войны скоро превзойдут требуемую сумму»⁴¹. Размер вознаграждения был признан минимальным, могущим возрасти. Командир Кавказского корпуса предложил отказаться от приобретения Талышинского ханства для успокоения общественности Персии из-за уступки Ереванской и Нахичеванской провинций. Считено «даже выгоднейшим Ереван и Нахичеван отдать в награду ханам, которые заслугами своими будут его достойными; ибо нравы жителей и местные обстоятельства, соделывают неудобным наше правление образованное»⁴². Данная точка зрения не нашла понимания. Паскевичу вменено было обеспечить за Россией Талышинское ханство. Негативно воспринято предложение создать самостоятельное ханство из Персидского Азербайджана под протекторатом России. Царь присоединился к мнению главы внешнеполитического ведомства, что создание независимых ханств «вместо приближения к миру, еще более сделает оный затруднительным»⁴³. Николай I учитывал европейскую реакцию: «Подает неминуемую и справедливую причину думать это стремлением водворить со временем исключительное наше владычество в Азии, и тем самым охладить дружественные наши связи с первенствующими державами в Европе»⁴⁴.

27 октября 1827 г. Канкрин представил самодержцу записку «Меры, предполагаемые по присоединению Ереванской провинции, по части министра финансов». Предлагался комплекс мер по политико-экономическому освоению новоприобретаемой территории: статистическое и камеральное описание, геологическая разведка, сохранение налоговой системы на уровне персидского владычества (ок. 3,6 млн. руб.), создание специального финансового управления (ок. 3,6 млн. руб.), создание специального финансового управления, из колонизационных видов осуществить разработку общей системы управления. Предусматривалось массовое заселение про-

винции разноплеменным населением: «Нет сомнения, что перейдут к нам многие армяне, которые занимаются наиболее торговлею и разведением шелка шафрана, собиранием дурного духа, и проч., по менее настоящим хлебопашеством. Землепашцы суннитской секты, вероятно, с охотою останутся и даже начнут переселяться вновь к нам, если им не препятствовать. Оседлые персияне — шииты, может быть, частью не возвратятся или даже перейдут в Персию»⁴⁵. Запиской, по повелению царя, занялся межведомственный комитет в составе Канкрин, глав внутренних и иностранных дел — Нессельроде и В. С. Ланского, начальника штаба Дибича и ген. лейт. И. А. Вельяминова, управляющего гражданской частью и пограничными делами в Грузии при Ермолове. 9 декабря комитет принял журнал: управление Ереванской провинции (Ереванское и Нахичеванское ханства) вернуть временной военно-гражданской администрации под руководством Паскевича; допустить поселение христиан и мусульман; принять меры к освоению провинции в составе Российской империи. Журнал послан Паскевичу⁴⁶.

Принятое постановление пришлось вскоре скорректировать. Армянские деятели (Лазаревы и Персес Аштаракци) внесли предложения о переселении в Ереванскую провинцию лишь христиан, сохранении Макинского магала, создании армянских воинских формирований. 17 декабря 1827 г. Христофор Лазарев внес на усмотрение правительства предложение образовать армянский политический очаг внутри Российской державы: «В прежних делах бывшего в царствование императрицы Екатерины II епархиального в России обитающих армян архиепископа Иосифа князя Арутинского Долгорукова, который потом был верховным патриархом, находятся некоторые сведения о предположениях князя Потемкина — основать царство Армении. Главнейшая цель состояла в том, чтобы сколько для блага народа, сколько же ограждения империи на границах ее из разных частей, как то, из Шекинской, Шемахинской, Карабахской, Нахичеванской и Ереванской областей — обще с первопрестольным Эчмиадзинским монастырем — яко средоточием образовать на особых правах особый удел и одно целое, составляющее страну Северной Армении. Оный архиепископ пользовался отменными милостями Великой Екатерины; притом был в большой доверенности у князя. Все прежние предположения — могут ныне при благоприятной эпохе совершиться»⁴⁷. Царь Николай I, еще до этого представления, учел ряд предложений армянских деятелей. Санкционировано было переселение армян. 21 декабря Паскевич из Дей-Каргана принял волю самодержца к исполнению: «Мудрое предположение изъясненное в собственноручном рескрипте Вашего Императорского Величества о недозволении мусульманам селиться в Ереванской области, я

вошел с ним в круг предписаний... и перед выступлением из Еревана поставил на соображение временному правительству»⁴⁸.

Полное развитие идеи создания армянского политического очага Христофор Лазарев изложил в проекте «Некоторые предположения о Грузии и сопредельных ей областях». Документ датирован входящей датой 25 декабря 1827 г. и зарегистрирован под номером 871 в секретном журнале. В нем суммированы предшествующие предложения по восстановлению автономной армянской государственности в пределах территории Северной Армении. В пункте «Война с Персией и плоды побед» подведено геополитическое значение двухлетнего противоборства России с Персией: «Разрыв с Персией, война с оною, после всех поражений и побед, одержанных победоносным оружием преславного царствующего монарха Николая I, доставили России все средства к заключению выгоднейшего мира. Настоящая компания сближает к тем основным видам, кои со времени Петра Великого имелись в предположении. Давно желаемое ныне совершается. Твердые границы по Араксу представляют естественный оплот против вероломного Владетелина тамошних стран, преградою река и крепости. Сухопутная Азиатская торговля, получив новую жизнь и распространение обещает источники богатств»⁴⁹. Принятие титула царя Армении, после заключения мира с Персией, представлено «возрождением царства Армянского». Последствия этой меры признаны благотворными для южных рубежей державы: создание из переселенцев-армян пограничного оплота против турок, персов и горцев; образование формирований для охраны границы и замены русских войск, непривычных к южному климату; использование в правительственных видах армянского духovenства; основание в С. Петербурге специального комитета из «первых доверенных армян» для разработки плана и положения о военных поселениях и пограничной стражи; учреждение при самодержце в северной столице гвардейского армянского эскадрона. К проекту прилагался штат Армянского эскадрона при Кизлярской крепости от 23 июня 1736 г. и грамота императрицы Анны Иоановны от 23 января 1737 г. о производстве полковника Лазаря Христофоровича Ахыджанова в генерал-майоры при организации нерегулярного эскадрона в 1734 г. Представленный проект был изучен тщательным образом Дибичем. Карандашная помета Д 9/1827 свидетельствует о его сопоставлении с журналом комитета о правилах для управления Ереванской провинции, точное в этот день состоялось его заверение начальником главного штаба. Проекту не был дан ход⁵⁰.

10 февраля 1828 г. в деревне Туркманчай состоялось подписание трактата между Персией и Россией, провозглашавшего на «вечные времена» мир между соседними державами. Аннулирован

Гюлистанский трактат. Россия получила естественную и благоустроенную границу: от вершины малого Арарата по верховью нижнего Карасу и реке Аракс. Персии оставлен Макинский магал, а территориальное приращение окружностью в пол-агача получено на правом берегу Аракса перед крепостью Аббас-Абд. Фет-Али шах признал владениями России все территории, находящиеся между Кавказским хребтом и Каспийским морем до пограничной линии. За Россией подтверждено единоличное право иметь военные суда на Каспийском море. Размер контрибуции определен в 20 млн. руб. сер. или 80 млн. руб. асс. Наследником Тегеранского двора указан Аббас-Мирза. Весь договор состоял из шестнадцати статей. Интересы армянского народа в Туркманчайском трактате отразили ряд статей: определение границы между Россией и Персией (ст. 4), осуществление переселенчества, введение годичного и пятилетнего срока для продажи движимого и недвижимого имущества (ст. 12—15), регулирование коммерческих отношений (ст. X). Подписан также «Особый акт» о торговле между двумя странами, утверждавший пятипроцентную пошлину для ввозимых и вывозимых товаров⁵¹.

Николай I высоко оценил договор. В указе Правительствующему Сенату от 15 марта он был охарактеризован как «выгоднейший во всех отношениях мир», поскольку «пределы государства распространились за Аракс и присоединены к владениям Нашим область Армянская»⁵². В манифесте об окончании войны с Персией от 21 марта расширено значение завершения войны: «Выгоды сего мира и меряем Мы наипаче постановлением в сей стране твердых и безопасных границ. В сем единственном виде взираем Мы на пользу приобретенного Нами края»⁵³. Отмечено приобретение «части древней Армении — Ереванского и Нахичеванского ханств». Для общественности и великих держав опубликован Туркманчайский трактат⁵⁴. Араратские ханства согласно именному указу Правительствующему Сенату от 21 марта, получили наименование Армянской области: «Силою трактата, с Персией заключенного, присоединенные к России ханство Эриванское и ханство Нахичеванское. Повелеваем во всех делах именовать отныне Областью Армянской и включить оную в титул наш»⁵⁵.

Промежуток времени между подписанием мирного договора и образованием Армянской области явил собой завершающий процесс катализации чаяний деятелей армянского освободительного движения и их осмысления в высшем эшелоне руководства России. В конце февраля — начале марта Христофор Лазарев представил на усмотрение царя записку «Дополнение к предположениям о Грузии». В сжатом виде предложено вознаградить союзнические усилия армянского народа в войне против Персии приня-

тием титула царя Армении: «Главное и единственное в видах политики, в достижение истинной цели будущего благоустройства и существенной пользы, сосгоит в том, чтобы Государь Император к Высочайшему титулу, в довод благоволения Своего к подвигам армянского народа, вследствие мирного трактата с Персией, со- благоволил ныне присоединить наименование: царя Армении». Акция обоснована также наличием в составе России значительных армянских территорий: «Многие области, как-то: древнее Нахичеванское, Эриванское, Шекинское и Шемахинское с первопрестольным монастырем Эчмиадзинским составляя общее средоточие и главную основу древнего царства Армении»⁵⁶. Значение принятия титула «царя Армянского» представлено весомым: «подобно возрождению древнего государства Армении, произведет сильное влияние на армян, обитающих в большом числе в европейской и азиатской Турции»⁵⁷. Учитывая значение приближающейся русско-турецкой войны, Николай I пошел навстречу чаяниям армянских деятелей в осторожной форме — создании Армянской области. Османской Турции и Персии представлен вариант решения проблемы армян. Внесено изменение в титул е. и. в. Указом 25 марта Правительствующему Сенату царь был провозглашен «государем» Армянской области. Значение титула отражает следующая иерархия: император и самодержец Всероссийский, царь Казанский, Астраханский, Польский, Сибирский, Херсонеса-Таврического, Государь Псковский и Великий князь Смоленский, Литовский, Финляндский, князь Эстляндский, Карельский, Тверский, Государь и Великий князь Новгорода, Ростовский и прочес. Место Армянской области определено в ранге Кавказских владений: «Государь Иверския, Карталинския, Грузинския и Кабардинския земли, и Армянские области»⁵⁸. Перечисленное показывает, что принятие титула царя осуществлялось в момент присоединения, как правило, существующих царств. Другой подход представлен для грузинских царств — Картли-Кахетинского и Имеретинского. Нивелирование Армении в этом ряду означало признание ее важности, а, с другой стороны, проявлено желание избежать осложнения международных отношений с соседями и великими державами принятием титула царя Армении. Вместе с тем, внутри Российской державы признано существование армянских областей, части древней Армении, составивших с другими территориями Русскую Армению.

Адрианополь 28 января 1828 г. начальник главного штаба Дибич уведомил Паскевича о желании царя, не получавшего более двух недель донесений от главнокомандующего, ускорить заключение мира с Персией. Воля самодержца

объяснена предстоящей войной с Османской Турцией: «кажется, нам скоро предстоит новая война. Отношения наши с Оттоманской Портой приняли оборот, сводящийся к скорому и неизбежному разрыву». Кавказскому корпусу отводилась скромная роль участника событий, клонящаяся к отвлечению сил противника: «Его Величество находит, что продолжительное наступление в Анатолии было бы несоответствием высшим правилам войны, ибо долго бы производилось без твердой основы, и что оно вовлекло бы государство в значительные издержки и потерю людей»¹. Локальность задачи объяснена рядом соображений: содействовать Дунайской армии, — «отсечь часть сил Турецких и тем самым спешествовать главным усилием нашим против Порты от Дуная направленным», — в стратегическом плане; стремлением «избегать всякие обширные завоевания»; осуществить минимальные приращения на Кавказе для улучшения безопасности Грузии: «сделать, в случае удобности, единственно те завоевания, кои необходимы для твердого обеспечения границ Грузии и для ускорения полного спокойствия в сей стране»². Разрешалось ограничиться занятием Ахалакалака, Ахалциха и Поты. На покорение Анапы, удаленной от очерченного круга боевых действий, рекомендовалось не тратить усилий Кавказского корпуса. Успех на Балканах, по мнению царя, побудил бы турок уступить ее в ходе мирных переговоров. Умеренность задачи, малочисленность турецких сил Анатолии позволяли надеяться на сокращение численности Кавказского корпуса в течение летней кампании. Предусматривался вывод частей в Россию, направленных на южную окраину в ходе противоборства с Персией, как лейб-гвардейский сводный полк, вторую уланскую дивизию с конно-артиллерийской тринадцатой ротой, донские полки, отслужившие службу, двадцатую пехотную дивизию с тяжелой осадной артиллерией³.

Войну предусматривалось начать в конце марта из-за противодействия Порты решению греческого вопроса. Турецкая армия насчитывала 177 тыс. чел. Численность формирований противостоящих Кавказскому корпусу составляла 32 тыс.⁴ 10 февраля Дибич сообщил Паскевичу о внесении корректив в план военных действий. Намечено активизировать боевые действия на Кавказском театре, «ибо лучшее средство для обороны с малыми силами против Азиатских народов есть без сомнения решительное на них самих наступление». Предложено занятие Карсской крепости считать ключевой целью для воплощения поставленной задачи: «движение на Карс и взятие онаго обеспечит и самую нашу границы, при том же отдалит Ахалцихский пашалык от средоточия турецких сил Ерзерума и тем способствуя в последствиям действиям нашим против Ахалциха»⁵. Для штурма Карса указано использовать

отряд ген. лейт. Красовского, состоящий преимущественно из частей двадцатой пехотной дивизии, с осадной артиллерией. По занятию Карса предусматривалось здесь оставить часть отряда Красовского, а часть с осадной артиллерией направить к Ахалциху. Взятие последнего диктовалось осуществить совместно с отрядом войск выступившим бы из Грузии на покорение Ахалкалаки. Запрещено наступление вглубь Азиатской Турции: «государь император воспрещает всякое движение на Эрзерум или Требизонд»⁶.

Вторая армия, предназначенная к боевым действиям на Дунае, состояла из 115 тыс. чел.⁷ Паскевич, в лучшем случае, мог выставить 12 тыс. чел.⁸ Соотношение русских сил на Дунае и Кавказе диктовало приоритет балканского фронта. 18 февраля Дибич направил инструкции о войне главноуправляющему гражданской частью Кавказа ген. лейт. Н. М. Сипягину и главе Ереванского областного правления Красовскому. Перед руководителем Ереванского отряда обрисована общая задача овладения Ахалцихским и Карским пашалыками. Затребовано составление вооруженных формирований из армян, сосредоточение их в Талыни для подготовки наступления на Карский пашалык. Важное поручение отводилось архиепископу Персесу Аштаракеци, другому члену Ереванского областного правления. Известность среди азиатских соседей армянского народа позволяла учесть его возможности в державных видах. Дибич писал о надежде монарха, «что Архиепископ Персес, по тому отличному усердию, которое он постоянно оказывает, не оставит и в сем случае содействовать нам возможным старанием, дабы благоразумным внушением начальникам Куртинцев, склонить народ сей на соединение с нами по вторжению в пределы Турции, обещая им полную независимость и поддерживая их, буде удобно необходимым числом офицеров, а если понадобится и некоторым числом войска и даже артиллерии»⁹.

Затяжка ответа от Паскевича вызвала отложение срока начала войны. Лишь 13 апреля поступил рапорт Паскевича начальнику главного штаба от 17 марта из крепости Еревана. Выяснилось, что главнокомандующий не получил плана общего действия против Турции разминувшись с курьером, везшим его из Карабаха. Сообщено об ознакомлении с копиями инструкций, направленных Красовскому и Сипягину. Общая подготовка к войне не вызвала обеспокоенности командира Кавказского корпуса: «О компании Турецкой я не сделал еще распоряжений, зная что Турки ничего не начинают прежде апреля, то есть до наступления проходимости дорог»¹⁰. Озабоченность высказана лишь положением дел в Ереване, поскольку в городе оказалось мало провианта, а из имеющегося Красовский роздал жителям на посев 4500 четвер-

тей пшеницы. Поставка продуктов же из Грузии представлялась затруднительной. Отмечено отсутствие мер к организации народного ополчения. Сделанным распоряжением Паскевич надеялся выставить Ереванский батальон: мусульман — 1000 сарбазов и 1500 конницы, армян — 600 человек пехоты¹¹. В то же время отмечено хорошее состояние местного гарнизона: «Вчера и сегодня я был у развода и нашел все в порядке, люди чисто одеты, довольно выучены и разведены были хорошо»¹². Выражено недовольство Нерсесом Аштаракеци, отдававшим предпочтение армянам перед мусульманами.

Претензии Паскевича к Красовскому по форме, быть может, были обоснованы, а по сути являлись сведением личных счетов. Размолвка Красовского и Паскевича началась еще в бытность первого начальником штаба Кавказского корпуса. Жизнерадостный хохол стал героем после знаменитой Ошаканской битвы в августе 1827 г., предотвратившей захват персами осадной тяжелой артиллерии для штурма Еревана, выход армии Аббас-Мирзы на просторы Грузии и захват Эчмиадзинского монастыря, где силы самообороны возглавлял Аштаракеци. Паскевич обвинил Красовского, получившего боевое ранение в сражении, в преувеличении угрозы армии Аббас-Мирзы. Однако личный разбор сражения царем завершился награждением командира двадцатой пехотной дивизии орденом св. Владимира второй степени. Красовский, являясь фаворитом Дибича, держал себя с достоинством и служил отменно. В нем не без основания Паскевич видел личного соперника. Напряженность отношений с «ермоловцами», среди которых значились В. Мадатов и Н. Н. Муравьев, наложили отпечаток на характер Паскевича. 17 декабря 1827 г. Христофор Лазарев доложил Бенкендорфу о появлении капризности и мнительности в характере главы Кавказского корпуса: «Удивительная перемена последовала в главнокомандующем Паскевиче. Как он отличен в воинских подвигах, особенно в минуту сражения, так он суров и непостоянен в благоприятное время. Это уже не тот, которого знали в С. Петербурге и здесь его в начале вступления. Счастье людей часто портит и балует, а иногда возвышает, открывает их большие или посредственные способности»¹³. Провисневшая перемена в Паскевиче, по мнению Лазарева, не предвещала ничего хорошего в будущем ни грузинам, ни армянам.

Настороженность к Нерсесу Аштаракеци у Паскевича возникла с Ошаканского сражения. Защита им интересов армянского народа лишь усилила напряженность. В том же донесении Лазарева говорится о «недоброжелательстве» командира Кавказского корпуса к иерарху: «Архиастырь сей без требования, единственно по преданности к монарху и России, доставил от себя записку об

армянах для включения в переговоры о мире. Он с христианским терпением переносит настоящие огорчения, занимается по мере средств укреплением Эчмиадзинского монастыря и паствою своей, сожалея, что отчужден от общего дела для блага страны ему соплеменной». Вместе с Красовским Аштаракеци довольно успешно осуществлял управление Ереванской областью, завязывал отношения с курдами и руководством соседних пашалыков. Готовилось и ополчение, причем довольно успешно. 1 марта Дибич сообщил Красовскому: «Формирующиеся в Ереванской провинции 400 конных и 800 пеших солдат Его Величество полагают наименовать: пеших Ереванским Армянским батальоном и конным первым Армянским конным полком»¹⁴. Незнал Паскевич и еще одного обстоятельства, что Красовский предназначался царем в руководители проектируемой Персидской линии. Как бы то ни было, главнокомандующий в рапорте к Дибичу сумел нанести тень на плетень: «но мог ли я предвидеть, что генерал Красовский до того забудет политичку, что останется простым исполнителем односторонних видов Архиепископа»¹⁵. Монарху в предверии войны с Турцией пришлось выкинуть в напряженность личностных отношений внутри руководства Кавказского корпуса. 10 апреля Паскевичу передано по согласию самодержца уволить Красовского из Кавказского корпуса, подававшего рапорты о подлечении здоровья, с направлением в Россию. Ереванский отряд поручено возглавить ген. м. Панкратьеву¹⁶, а руководство Армянской области вверено ген. м. А. Г. Чавчавадзе. Напряженность отношений для общего дела была снята. Красовский, Мадатов и другие недовольные Паскевичем оказались в Дунайской армии. В защиту Аштаракеци вступился Христофор Лазарев, осуществивший его вызов в Бессарабию для содействия видам державы среди армян Трансильвании, Валахии и Молдовы¹⁷. Поиски же справедливости усугубили конфликт с Паскевичем и завершились оставлением его в Бессарабии епархиальным начальником¹⁸.

26 апреля 1828 г. Россия опубликовала манифест и декларацию о войне с Высокой Портой. До сведения иностранных держав доведены положения будущего мирного договора: определенные границы по Дунаю, сохранение привилегий Сербии, Молдавии и Валахии, приобретение Анапы и Поти, обеспечение прав Греции, достижение льгот русской торговли и свободы прохода судов через Босфор, возмещение военных издержек¹⁹. Оптимистические настроения царили в руководстве Кавказа. «Война с персиянами и заключение славного мира, — считал Силягин, — сделали большое влияние над турками. Они нас боятся, а христиане, живущие в пашалыках, желают нашего прихода»²⁰. Занятие Карса и Ахалциха не представлялось проблемой. 14 июня подразделения Кавказского

корпуса из Гюмри взяли направление на Карс. Совершив фланговое движение, Паскевич отрезал сообщение Карса с Эрзерумом и приступил к осаде. 23 июня в восемь часов утра русские знамена взвились над крепостью Карса. В течение трехчасового штурма пленено 6250 чел. Вспомогательный турецкий корпус Киос-Магмет наши запоздал на сутки. Совершив ловкий маневр, заставив противника повернуть в направлении на Эрзерум, Паскевич войска повел на Ахалкалак²¹. 24 июля сломлено упорное сопротивление гарнизона, хваставшегося своим бесстрашием: «Мы не эриванские и не карские жители, мы ахалцихцы. У нас нет ни жен ни имущества. Мы все в числе 1000 чел. решились умереть на стенах нашего города»²². Спешившие на помощь осажденным 1500 лазов застали гарнизон сдавшимся²³.

Двойной успех Кавказского корпуса имел важное значение для обеспечения безопасности западной Грузии. Занятая территория в треугольнике Гюмри—Карс—Ахалкалаки составляла зону безопасности для Тифлиса. В отношении к графу Нессельроде от 26 июля Паскевичем указано: «Принимая Тифлис за основной пункт владений наших по сию сторону Кавказа — ибо там постоянно пребывает главное управление края и сохраняются все запасы,— собственно же на Грузию взирая, как на область, прежде прочих в сем крае нами приобретенную, более других покорную и привыкшую уже к правлению нашему, естественным образом представляется необходимым, обеспечить сие средоточие нашей власти от набегов хищников и всяких неприятельских покушений. Присоединение к России ханств Эриванского и Нахичеванского с одной стороны отдалило уже границы наши от Тифлиса; но со стороны Турции пределы ее так сближаются к сему городу и самое местоположение столько способствует к проезду разбойничих шаек, что никогда не можно ожидать ни увеличения населения, ни улучшения земледелия по всей пограничной черте»²⁴.

Предложено расширить территориальные приобретения в Азиатской Турции. Для державы сочтено выгодным иметь границу от впадения реки Чорох в Черное море до Арарата, с приобретением Батума в качестве круглогодичного порта и Карса для торговли. Заинтересованность в Карсе обоснована возможностью организации «общей складки товаров», позволившей бы России продукцией «снабжать всю восточную часть Турции от Эрзерума до Багдада». Важным представлялось устранение конкуренции английских произведений в прилегающих районах и установление контроля над важными караванными путями. «Вообще торговля наша в сем крае может получить большое расширение, ибо ныне европейские товары привозятся не только в Азиатскую Турцию, но и в самую Персию через Эрзерум, считая торговый путь наш на

Эривань; но когда пашалык Карский будет в руках наших и главная дорога из Эрзерума в Багдад будет касаться наших владений, тогда весь транзит европейских товаров станет проходить уже безбоязненно через Закавказские провинции наши»²⁵. На крайний случай, предложено сохранить за Россией хотя бы весь Ахалцихский пашалык и турецкую часть Гурии с Батумом: «Тогда спокойствие Грузии будет обеспечено, и мы приобретем провинции, издавна принадлежавшие грузинскому царству»²⁶.

Самое яростное сопротивление Паскевичу оказал Ахалцих. Под стенами города оказались разбиты войска пашей Киос-Магмета и Мустафы, насчитывающих 27 тыс., а с гарнизоном осаждаемых — 30 тыс. чел.²⁷. При этом четырехтысячному турецкому отряду с Киос-Мегмет пашей удалось пробраться в Ахалцих, но это лишь затянуло ход событий. 16 августа крепость капитулировала. Победный рапорт Паскевич представил царю на следующий день: «С пенедица Ахалциха после штурма, 13 часов продолжавшегося, имея счастье поздравить в. и. в. с покорением сего города, известного во всей Азии. До 10 тыс. вооруженных жителей и до 4 тыс. пришедших войск составляли гарнизон и защищались с отчаянною храбростью, которую одно непоколебимое мужество русских преодолеть может; каждый дом должно было брать штурмом; в каждом переулке было противопоставляемо самое упорное сопротивление. По взятие городом приступом цитадель сдалась на капитуляцию, на которую я согласился, дабы прекратить кровопролитие и спасти хотя бы часть города, истребляемого пожаром»²⁸. Развивая успех, Паскевич предписал ген. м. Чавчавадзе выступить из Армянской области и занять Баязет, имевший малое количество турок, значительное количество провианта и сочувствующее армянское население. Сформированный армянский сарбазский батальон, армяно-татарское конное ополчение и регулярные части сумели 28 августа взять Баязетскую крепость и занять весь пашалык. Эрзерум оказался на расстоянии 90 верст.

Задачи кампании оказались первыполненными, но напряжение не спадало. Противник держал формирования Кавказского корпуса в напряжении, не хватало вспомогательных частей и продовольствия. Стала сказываться усталость частей, находящихся в походе с персидско-русской войны. Горный климат и наступающая суровая зима оказывали свое воздействие²⁹. Запрошено указание царя о дальнейшей цели войны. Тонким обстоятельством являлось желание наследного принца Персии Аббас-Мирзы вступить в войну против Османской Турции, чтобы получить территориальные приобретения, добиться отмены уплаты девятого и десятого курра контрибуции. Полномочный министр А. С. Грибоедов при Тегеранском дворе высказывался за использование персов для за-

корпуса из Гюмри взяли направление на Карс. Совершив фланговое движение, Паскевич отрезал сообщение Карса с Эрзерумом и приступил к осаде. 23 июня в восемь часов утра русские знамена взвились над крепостью Карса. В течение трехчасового штурма пленено 6250 чел. Всомогательный турецкий корпус Киос-Магмет наши запоздал на сутки. Совершив ловкий маневр, заставив противника повернуть в наступление на Эрзерум, Паскевич войска повел на Ахалкалак²¹. 24 июля сломлено упорное сопротивление гарнизона, хваставшегося своим бесстрашием: «Мы не эриванские и не карские жители, мы ахалцихцы. У нас нет ни жен ни имущества. Мы все в числе 1000 чел. решили умереть на стенах нашего города»²². Спешившие на помощь осажденным 1500 лазов застали гарнизон сдавшимся²³.

Двойной успех Кавказского корпуса имел важное значение для обеспечения безопасности западной Грузии. Занятая территория в треугольнике Гюмри—Карс—Ахалкалаки составляла зону безопасности для Тифлиса. В отношении к графу Нессельроде от 26 июля Паскевичем указано: «Принимая Тифлис за основной пункт владений наших по сию сторону Кавказа — ибо там постоянно пребывает главное управление края и сохраняются все запасы,— собственно же на Грузию взирая, как на область, прежде прочих в сем крае нами приобретенную, более других покорную и привыкшую уже к правлению нашему, естественным образом представляется необходимым, обеспечить сие средоточие нашей власти от набегов хищников и всяких неприятельских покушений. Присоединение к России ханств Эриванского и Нахичеванского с одной стороны отдалило уже границы наши от Тифлиса; но со стороны Турции пределы се так сближаются к сему городу и самое местоположение столько способствует к проезду разбойничих шаек, что никогда не можно ожидать ни увеличения населения, ни улучшения земледелия по всей пограничной черте»²⁴.

Предложено расширить территориальные приобретения в Азиатской Турции. Для державы сочтено выгодным иметь границу от впадения реки Чорох в Черное море до Арарата, с приобретением Батума в качестве круглогодичного порта и Карса для торговли. Заинтересованность в Карсе обоснована возможностью организации «общей складки товаров», позволившей бы России продукцией «снабжать всю восточную часть Турции от Эрзерума до Багдада». Важным представлялось устранение конкуренции английских произведений в прилегающих районах и установление контроля над важными караванными путями. «Вообще торговля наша в сем крае может получить большое расширение, ибо ныне европейские товары привозятся не только в Азиатскую Турцию, но и в самую Персию через Эрзерум, считая торговый путь наш на

Эривань; но когда пашалык Карский будет в руках наших и главная дорога из Эрзерума в Багдад будет касаться наших владений, тогда весь транзит европейских товаров станет проходить уже безбоязненно через Закавказские провинции наши»²⁵. На крайний случай, предложено сохранить за Россией хотя бы весь Ахалцихский пашалык и турецкую часть Гурии с Батумом: «Тогда спокойствие Грузии будет обеспечено, и мы приобретем провинции, издавна принадлежавшие грузинскому царству»²⁶.

Самое яростное сопротивление Паскевичу оказал Ахалцих. Под стенами города оказались разбиты войска пашей Киос-Магмета и Мустафы, насчитывающих 27 тыс., а с гарнизоном осаждаемых — 30 тыс. чел.²⁷. При этом четырехтысячному турецкому отряду с Киос-Мегмет пашей удалось пробраться в Ахалцих, но это лишь затянуло ход событий. 16 августа крепость капитулировала. Победный рапорт Паскевич представил царю на следующий день: «С пенедица Ахалциха после штурма, 13 часов продолжавшегося, имея счастье поздравить в. и. в. с покорением сего города, известного во всей Азии. До 10 тыс. вооруженных жителей и до 4 тыс. пришедших войск составляли гарнизон и защищались с отчаянною храбростью, которую одно непоколебимое мужество русских преодолеть может; каждый дом должно было брать штурмом; в каждом переулке было противопоставляемо самое упорное сопротивление. По взятие городом приступом цитадель сдалась на капитуляцию, на которую я согласился, дабы прекратить кровопролитие и спасти хотя бы часть города, истребляемого пожаром»²⁸. Развивая успех, Паскевич предписал ген. м. Чавчавадзе выступить из Армянской области и занять Баязет, имевший малое количество турок, значительное количество провианта и сочувствующее армянское население. Сформированный армянский сарбазский батальон, армяно-татарское конное ополчение и регулярные части сумели 28 августа взять Баязетскую крепость и занять весь пашалык. Эрзерум оказался на расстоянии 90 верст.

Задачи кампании оказались невыполненными, но напряжение не спадало. Противник держал формирования Кавказского корпуса в напряжении, не хватало вспомогательных частей и продовольствия. Стала сказываться усталость частей, находящихся в походе с персидско-русской войны. Горный климат и наступающая суровая зима оказывали свое воздействие²⁹. Запрошено указание царя о дальнейшей цели войны. Тонким обстоятельством являлось желание наследного принца Персии Аббас-Мирзы вступить в войну против Османской Турции, чтобы получить территориальные приобретения, добиться отмены уплаты девятого и десятого курра контрибуции. Полномочный министр А. С. Грибоедов при Тегеранском дворе высказывался за использование персов для за-

нения Багдада в качестве вспомогательной операции против Эрзерума³⁰. Учитывался отказ Фет-Али шах выставить вспомогательные войска султану против России в начале русско-турецкой войны³¹. Запрос командира Кавказского корпуса попал в болезненную точку царя, осмысливающего сложившуюся кампанию против Турции. Вторая армия под руководством фельдмаршала П. Х. Витгенштейна топталась на Дунае. Дибич положительно оценивал фельдмаршала: «он был первым из немецких генералов, который не ставил турок выше того, чего они на самом деле стоят»³². Дело, однако, не клеилось. Из вспомогательного фронта Кавказ превратился в решающий, приковывающий к себе внимание турок, обеспечивающий психологическое преимущество в ходе войны. 15 ноября в рескрипте на имя Паскевича самодержец отдал должное действиям Кавказского корпуса и его главнокомандующего: «Приближение зимы, прекратившее смелые предприятия вверенного вам корпуса, положило предел военных действий в Европейской Турции»³³. Общая цель войны с Османской Турцией сочтена в приобретение «большого числа залогов» для обеспечения прав России по договорам, заключенным со Стамбулом.

Прагматично определен предстоящий характер военной борьбы на европейском театре: «я предполагаю в продолжении будущей кампании за Дунаем более систематическую, нежели наступательную войну, ограничиться овладением Силистрии, Шумлы и других крепостей, остающихся доселе в руках турок на реке сей; стать на оной твердою ногою и с сего основания делать демонстрации к стороне Бургаса, а смотря по обстоятельствам, от сего рода войны к движительным более наступательным, ежели по собрании сил и движений неприятеля в открытом поле, представится к тому благоприятный случай»³⁴. Ход событий должен был привести не к новым территориальным приобретениям, а побудить Турцию заключить мир. Паскевичу предписано использовать «нравственное влияние» своих побед для дальнейшего разгрома турецких сил независимо от их местонахождения. Предписано занять Эрзерум с последующим покорением Батума и Трапезунда. Последние акции рассматривались вспомогательным средством для помощи черноморскому флоту, призванному действовать против Синопа и других морских баз турок³⁵. Дибич, долженствующий возглавить Дунайскую армию, извещен о поручении Кавказскому корпусу овладеть Эрзерумом и Трапезундом³⁶. Граф Нессельроде сообщил Грибоедову о возможном участии Персии в войне на стороне России против Турции на свой страх и риск, поскольку в случае согласия султана на условия Петербургского двора война была бы прекращена: «успехи Аббас-Мирзы при нынешнем откровенном и дружеском его расположении к России будут всегда

приняты государю императору»³⁷. Разгром Тегеранского посольства и гибель Грибоедова привели к отказу от идеи открытия нового фронта против османов.

Начало русско-турецкой войны усилило значение армянского вопроса. Внутренний аспект Христофор Лазарев высветил в записке, поданной царю через Бенкендорфа. Миграция армян из Персидской Армении и создание Армянской области обусловили внесение ряда предложений: ограждение прав и собственности каждого переселенца, в том числе от посягательства персов; предоставление налоговых льгот и освобождение от квартирного постоя; принятие положения об Эчмиадзинском первопрестольном монастыре и подчиненных церковных селений, чтобы «были совершенно ограждены во всех своих правах и принадлежностях»³⁸; возвышение роли духовенства для привлечения новых подданных из Турции и Персии в количестве до 100—200 тыс. чел.; усиление пограничного оплота России путем образования пограничной стражи и создание двух эскадронов императорской гвардии. Записка направлена Паскевичу³⁹. Переселенцам предоставлены льготы, на основании «Положения 1819 г.», а полномочному министру в Персии предписано осуществлять заботу об их имуществе. Осенью число переселенцев составило 8240 семейств, что в пересчете в среднем пять человек на семью равнялось 42 тыс. чел.⁴⁰

Канун войны потребовал уяснения национально-этнического состава предстоящего поля сражения. 24 апреля Христофор Лазарев представил сводку заграничных сведений с указанием частей Турецкой Армении: «Нашалык Ахалцихский, нашалык Кареский до Васпура-Кяль и до озера Ван, также Ерзерум и Трапизон — суть отдельные части бывшего Государства большой и малой Армении. Они представляют населенный и плодородный край, коим Порты весьма дорожит и коим Персия издавна помышляла завладеть». Знание общей установки войны побудило Лазарева в осторожной форме коснуться возможности их присоединения к России для укрепления закавказских владений: «Для границы Грузии, некоторые из сих ближайших городов, нужны не для расширения областей, но для совокупного утверждения пределов, с тою чертою новых границ, кои ныне Российским оружием приобретены»⁴¹. Направление в главную императорскую квартиру в Тульчине, выполнение служебных обязанностей в Румынии, Валахии и Молдове потребовали мобилизации сил. Осенью состоялось возвращение к национальной тематике, ставившей задачу определить последующее развитие армянских территорий. Соответствующее представление в октябре поступило из Кишинева в главный штаб. В смежных Васпураканском, Байазетском, Мушском

пашалыках армянское население определено в 60 тыс. дворов, из коих 15—20 тыс., по призыву верховного католика, либо Нерсеса Аштаракеци, могли переселиться в пределы России: Намечено Карсский пашалык — «удел древней Армении» — присоединить к Армянской области. Ахалцихский пашалык предложено, по географическому положению и смешанному грузино-армянскому составу, подчинить Грузии либо Сомхетии (Грузинской Армении). Желание Аббас-Мирзы отправиться в С. Петербург для представления царю прошения о сложении двух куруров констрибуции (16 млн. руб. асс.), в случае благоприятного разрешения, сочтено возможностью потребовать возвращения Макинского магала, составной части Ереванского ханства. Мнение мотивировано потребностью усиления безопасности Армянской области: «Означенное место для России к большому утверждению границ необходимо и важно, а для Персии уступка онаго не ощутительна»⁴².

Общий путь развития армянского народа в составе России затронут в докладной от 31 декабря 1828 г. из Кишинева. Созданию Армянской области, о котором было сообщено Лазаревыми заграницу через специальные послания, представлено явлением вызвавшим «совершенный восторг» у армян Австрии, Турции и Персии. Осознавался процесс возрождения нации: «Они имеют теперь отечество: вновь приобретенная Россией область соделается для них верным пристанищем, средоточием их обширной торговли. В Венеции заключение мира России и Персии армяне торжествовали большим праздником»⁴³. Такие же патриотические отклики отмечены из Индии и Америки. Предложено монарху принять Высочайшую грамоту о правах и привилегиях армянского народа в России, законодательно закрепившей бы национальное самоуправление: «Дабы наивяще воспользоваться национальным духом в цели умножения народонаселения и в видах настоящего и будущего благоустройства новоприсоединенной провинции — сверх того дабы при военных обстоятельствах существенно привлечь и водушевить Армян, нужно и полезно воздать справедливость за оказанные многим их заслугам, доводы преданности и пожертвований, по обыкновению прежних царствований и прошедших времен, Всемилостивейше даровав армянскому народу Высочайшую грамоту». Апофеозом благоволения рассматривалось дарование герба Армянской области: «В доказательство Монаршего внимания, по примеру прочих губерний, в той же грамоте пожаловать Армянской области герб древнего Армянского царства с присовокуплением в оном победоносного императорского Российского орла. Сия единая благоволительная мера без всякого иждивения правительства произведет благодетельные семена к обильной жатве в общепользных предприятиях»⁴⁴. Представлена копия с одной из

высочайших грамот, дарованной армянской общине. Армяне сочтены достойными внимания правительства по его поддержке в ходе бунтов в Кахетии 1812 г., войн против Персии и Турции⁴⁵. По сути дела предлагалось привилегии армянских общин в России (Нахичевана, Астрахани, Кизляра, Моздока, св. Креста) как Азиатский суд для купечества, Армянский судебник, магистратура, национальное делопроизводство распространить на Армянскую область.

Подача проскта представляла собой отражение недовольства патриотических кругов умеренностью вознаграждения самодеятельности заслуг армянского народа. Эта мысль наглядно представлена в письме кн. К. Б. Аргутинского-Долгорукого от 21 ноября 1828 г. из Одессы: «Действительно то, что правительство не воздало доселе ту справедливость, которую заслуживают наши соотечественники, столь много способствовавшие в блистательных успехах русского войска в войне с персами». Причина такой ситуации возложена на руководство южной окраины: «но правительство в ссем случае невиновно, оно готово всегда подвиги сего преданного народа вознаграждать, лишь бы начальники за Кавказскими горами обращали внимание его к тому». Речь шла о позиции графа Паскевича-Эриванского, его конфликте с Нерсесом Аштаракеци, необходимости сложения усилий для достижения благоденствия нации. Вознаградительной мечтой представлялось создание из Армянской области графства: «Графство Эриванское всех паче обязано было пенсися о том, чтобы воздать благодарения армянскому племени, которое тесно связано с сим графством»⁴⁶. Предложение учитывало опыт Наполеона и России при решении польского вопроса. Если первый создал Варшавское графство, то Александр I образовал царство Польское в составе России. Обладание статусом графства позволило бы иметь свои собственные законы, государственный статус и национальное самоуправление.

В начале января 1829 г. началась подготовка к завершению русско-турецкой войны. 2 января Дибич возвратил Нессельроде отношение Паскевича от 26 июля 1828 г. с предложением установить новую границу от реки Чорох до горы Арарат. Внешнеполитическое ведомство затребовало новые соображения командира Кавказского корпуса⁴⁷. В конце января царь санкционировал предложение Паскевича об использовании возможностей азиатских народов в борьбе против османов⁴⁸. Армянам Баязетского пашалыка роздано более тысячи ружей. В ряды волонтеров стали две тысячи армян. В Карсе создан армянский батальон из восьмисот человек конницы для охраны границы. Завязаны сношения с армянами Эрзерума⁴⁹. Наряду с этим, Николай I высказал порицание Паскевичу за конфликт с Нерсесом Аштаракеци, указав «о необ-

ходимости оказывать в пареде недавно присоединенном к Империи некоторое наружное уважение к лицам, пользующимся его доверенностью и расположением»⁵⁰. В военно-политических интересах Паскевич оперся на другое крыло армянского духовенства, в частности, приблизил архимандрита Серовбе Карнеци. В феврале Дунайскую армию возглавил Дибич, сумевший постепенно наращивать темпы наступления и перевалить за Балканы. В рядах армии отличился Красовский, взявший крепость Силистрию, удостоенного ордена св. Александра Невского⁵¹. 27 июня капитулировал Эрзерум. Содействие оказал епархиальный архиепископ Карапет Эрзерумский, сообщивший пути подходов и возможные направления атаки города⁵².

14 сентября 1829 г. состоялось подписание Адрианопольского мира между Россией и Турцией. Основу составила декларация от 26 апреля 1828 г. и сообщения о Кавказской границе. Имевшиеся проекты различались минимальными и максимальными территориальными притязаниями, но сохраняли целостность Османской Турции. Радикальность различий проявилась между представлениями внешнеполитического ведомства и Паскевичем о границах в Закавказье. 3 июня 1829 г. командир Кавказского корпуса сообщил вице-канцлеру Нессельроде сообщения о «будущей границе» в трех вариантах: А, В и С. Представлена соответствующая карта. Первый вариант предусматривал обладание естественной и благоустроенной границей от устья реки Чорох до Арарата. В распоряжение России переходили Турецкая Гурия с Батумом, Кабулети, полностью Ахалцихский и Карсский пашалыки, санджак Баязетского пашалыка. Вторым намечал отказ от санджака Баязета и части Карсского пашалыка. Третьим закреплялась Турецкая Гурия с Батумом, Кабулети, минимальные части Ахалцихского и Карсского пашалыков. Отказ от Ахалцихской крепости, в последнем случае, предусматривал ее полное уничтожение с получением гарантий турок о невозобновлении. Точка зрения командира Кавказского корпуса являла собой развитие представления от 26 июля 1828 г. Необходимым сочтено «исполнение первого из сих предложений» для закрепления закавказских владений⁵³. Учтено геополитическое значение предлагаемой границы: «В сем случае сама природа доказывает, где должны остановиться приобретения, и рано или поздно для блага здешнего края и для спокойствия самой России, непременно должны подвинуться до тех мест, которые в первом проекте означены»⁵⁴. Взгляд Паскевича разделял министр финансов Канкрин, считавший важным обладание Россией контроля над караванным путем Эрзерум—Тавриз, проходящим через Баязет⁵⁵.

Позицию внешнеполитического ведомства и уполномоченного

для ведения переговоров Дибича раскрывает разъяснительное письмо последнего к царю о заключении мира. В нем трудности определения новых границ отнесены к Азиатской Турции: «Я полагаю, что гораздо труднее будет добиться территориальных уступок в Азии. Турки опасаются всякого расширения в Азии несравненно более, чем в Европе, придавая своим владениям в последней значение лагерей. При редакции статей относительно Азии я руководствовался сообщением графа Нессельроде, и я не считал себя в праве прибавить во время переговоров новья требования к тем, которые я определил при открытии конференции; к тому же на этот счет турецкие уполномоченные не делали никогда ни малейших предложений»⁵⁶. Приведены обоснования отказа от Батума и Карса. Черноморский круглогодичный порт представлен продуваемой гаванью, не вносящий ничего существенного в укрепление юга грузинских владений и торговли России. Уступка Карса мотивирована наличием Еревана и владением Талына, который предлагалось укрепить на случай будущей войны⁵⁷. С такой же легкостью Дибич расстался бы и с Ахалцихом, если бы не наличие его в проекте текста соглашения из Петербурга⁵⁸. Объяснение Дибича русский историк Н. К. Щильдер находит поразительной наивностью⁵⁹. Жалкий левет уполномоченного имел связь со знаменем мнения Паскевича о новых границах на Кавказе. Валить все на Дибича, однако, нельзя. За его спиной стояло внешнеполитическое ведомство и царь Николай I, единолично определявший внешнюю политику России. Дм. Бантиш-Каменский в происшедшем видел проявление принципа легитимности: «великодушие Государя Императора пощадило Порту и доказало свету, что война была ведена только за правое дело, а не приобретение»⁶⁰. На деле же у высокопоставленных сановников не хватало смелости в отстаивании державных интересов перед самодержцем. Дальновидность проявил Паскевич, прошедший школу дипломатического мастерства у знатока Востока Грибоедова. Он как в воду глядел, предвидя последующую пятидесятилетнюю борьбу России и Турции вокруг Карса и Батума.

Шестнадцать статей Адрианопольского мира имели важное значение для народов, входящих в состав Османской империи. Высокая Порта признала автономию Греции, получившей независимость спустя год, расширены права Дунайских княжеств, привилегии Сербии получили новую трактовку с территориальными приращениями. Четвертой статьей султан Махмуд II признал российскими владениями все пространство, лежащее в Закавказье между Черным и Каспийским морями. На вечные времена уступлены России Ахалцих, Ахалкалаки, территория от устья реки Кубани до гавани св. Николая. Взамен Блестящей Порте возвраще-

ны большая часть Ахалцихского, Каресского пашалыков, Баязет и Эрзерум. Закреплены льготы за коммерсантами, а российским торговым судам обеспечен свободный проход через проливы Босфор и Дарданеллы. Свободный режим плавания установлен для стран, ведущих торговлю с Россией и Турцией. Тринадцатая статья, исходя из восстановления дружбы между обеими странами, предоставляла право подданным в течение восемнадцати месяцев переселиться в пределы другой стороны⁶¹.

Договор утвердил Закавказье в составе Российской державы и обеспечил политико-экономические преимущества на Ближнем Востоке. Воплощен один из пунктов предложений армянских деятелей. В российские пределы переселилось 84 тыс. армян из Турецкой Армении⁶², содействовавших дальнейшему укреплению южной окраины. Массовая миграция была обусловлена тяжестью турецкого режима, русско-армянскими союзническими отношениями, стремлением жить в христианской и цивилизованной стране. Спад международной напряженности получил отражение на всей программе национального самоуправления. Об этом свидетельствует реакция Дибича. После молебствия, посвященного заключению мира с Турцией, состоялся трюжественный обед. В ходе которого зашла речь о закавказских провинциях и взаимоотношениях Ермолова с Паскевичем. Затронутой оказалась деятельность чиновника особых поручений И. О. Корганова («Ванька-Каин») при Паскевиче, известного преданностью «армянскому делу», отнесенного главнокомандующим Дунайской армией к числу «самых умных людей». Об устремлениях армянских деятелей Дибич заявил: «У нас есть армянская партия, имеющая целью возстановить единство Армянского народа, иметь свои войска: свои законы, как то сделано с Польшей и Финляндией; я почитаю сии меры вредными, так как учреждение Литовского корпуса; государь Александр Павлович сие сделал по врожденному в нем чувству уважения к добродетели; по сей причине он уважал в завосанных народах и главнейшую добродетель, то есть, любовь к отчеству, по в последние годы своей жизни он в них раскаивался. Митрополит Нарцисс был один из главных ревнителей Армянского общества»⁶³. По мнению Дибича, находившегося в курсе представлений Христофора Лазарева и знакомого с Нерсесом Аштаракецци еще с Кавказа, истоки армянских чаяний имели связь с национальной политикой Александра I. Умолчено о собственной роли в организации «армянских войск» в ходе инспекции Закавказья в марте 1827 г. по приказанию царя для использования местных ресурсов в борьбе против Персии. Являясь доверенным лицом Николая I, он также показал реакцию высших кругов на предложения Лазарева, спроецировавших их на опыт Литовского корпуса, Польши и Финляндии. Вос-

стане в Польше, усмиренное Паскевичем, усилило игнорирование национального фактора внутри страны⁶⁴.

Закрепив Закавказье, самодержавие получило возможность усилить влияние в сопредельных регионах. В июле 1833 г. Россия и Турция подписали Ункяр-Искелесийский договор, предусматривающий открытие проливов в случае войны. Обеспечена безопасность черноморского побережья, при этом русские военные корабли получили право свободного прохода через проливы. Режим проливов отнесен к компетенции обеих держав⁶⁵. С успехом России вынуждена была считаться Англия. Министр иностранных дел Г. Пальмерстон, имея в виду установившееся добрососедство России и Персии, вынужденно заявил о желательности раздела сфер взаимного влияния: «С того момента, как Россия и Англия между собою согласны, мир в Азии обеспечен»⁶⁶. Добрые отношения Петербургского двора с Османской Турцией предусматривали сохранение ее территориальной целостности и ограждение собственных интересов от посягательства других держав. В инструкции русскому поверенному в Вене в 1839 г. указано: «Сегодня, как тогда (в 1833 г.— В. Т.), государь твердо решился: воспользоваться всеми зависящими от него средствами, чтобы влиянием и действием поддерживать существование Оттоманской империи под ныне царствующей династией; противодействовать всякому плану, который бы клонил к нарушению независимой власти султана; не признавать порядок вещей, который мог бы посягнуть на настоящее существование Оттоманской империи»⁶⁷. Турецко-египетский конфликт явился удобным поводом европейским державам ущемить интересы России. Лондонскими конвенциями 1840 и 1841 гг. черноморские проливы закрывались для военных кораблей всех держав. Черноморская эскадра России лишалась права прохода в Средиземное море вплоть до первой мировой войны. Западные державы приобрели право контроля над султаном в этой сфере. Усилился кризис Оттоманской Порты⁶⁸.

Адрианонополь побудил султана Махмуда II (1808—1839) усилить попытки по реорганизации национальных институтов⁶⁹. Процесс реорганизации затронул все слои армянского общества Османской Турции. Резко усилилась роль армянского ростовщическо-предпринимательского капитала. Заменяв греков, армянские предприниматели заняли ключевые позиции в экономике. Концентрируясь в Стамбуле, политико-экономическом центре державы, они негативно относились к национальным идеалам. Русский дипломатический служащий К. М. Базили дал их портрет в середине тридцатых годов: «Для них любовь к родине, честолюбие и славыхимера, они самые положительные из людей; все их мечты, все

желания стремятся к золоту, и все прибыльные промышленности открыты их деятельности; это восточные Англичане, и с некоторого времени захватили в свои руки всю внутреннюю торговлю Турции, и кажется заперли в своих сундуках, как в гробницах, все капиталы»⁷⁰. Деятельность армянских нуворишей являлась составной частью более сложного процесса, когда происходило усиление проникновения продукции европейской промышленности на турецкий рынок: «Все получается из Европы, начиная от предметов роскоши, до простой домашней посуды»⁷¹. Значение происходящего не без юмора отмечено Базили: «Промышленная Европа подражалась одевать турок, не достает только, чтобы какое-нибудь государство взялось готовить пилав для турецкой кухни»⁷².

Основная масса армянского народа в Азиатской Турции подвергалась эксплуатации и угнетению. Национальные чаяния этого народа имели направленность на освобождение христианской Россией⁷³. В ноябре 1839 г. султан Абдул-Меджид (1839—1861) подписал Гюльханейский хатт-ы шерифе, вошедший в историю как танзиматский фирман, провозглашавший религиозное, национальное и правовое равенство подданных державы. Сутью реформы являлась трансформация страны к новым условиям существования при возрастании влияния великих держав, опережающих в развитии Турцию. Осуществленные преобразования, в определенной степени, содействовали улучшению положения земледельческого и ремесленного армянского населения⁷⁴. Сложным являлось положение Константинопольского армянского патриархата. Под давлением султанских властей признавалось лишь номинальное верховенство Эчмиадзина. Благодаря избранию Нерсеса Аштаракци в 1843 г. верховным католикосом, при активной поддержке фамилии Лазаревых, состоялось признание фактического главенства первопрестольного Эчмиадзинского монастыря. Возвысилось значение армянского народа в политике ведущих держав. Численность армян в середине сороковых годов XIX в. равнялась: Османская империя — 2,5 млн., Россия — 500 тыс., Австрия — 22 тыс. и Индия — 20 тыс. Главенство Эчмиадзинского верховного католикоса, ориентирующегося на Россию, усилило воздействие великих держав на армянскую церковь для подчинения собственным видам⁷⁵.

Восточные территории Армении стали включаться в состав управления Российской державы. 20 марта 1833 г. Сенатским указом был принят герб Армянской области⁷⁶. На нем была изображена гора Арарат с Ноевым ковчегом, символизирующая библейскую страну. Представлена корона Тиграна Великого и Эчмиадзин, отражающий древность славы Армении и самобытность христианской религии. Двуглавный орел и императорская корона, атрибуты са-

модержавия, олицетворяли попечительство России⁷⁷. В 1836 г. принято положение «Об управлении делами Армяно-григорианской церкви в России». Верховному католикосу предоставлялись представительские функции. Хозяйственные вопросы разрешил Эчмиадзинский Синод. За церковь закреплена религиозно-культурная функция. Документ отразил установку самодержавия, «чтобы Эчмиадзин оставался Армянским Римом». Предприняты шаги к введению административно-правового единства в устройстве южной окраины с внутренними губерниями. Основой территориального деления признан главным образом религиозно-географический фактор. В 1838 г. упразднено Верховное правительство Грузии, а спустя два года — Армянская область. Учреждением 1840 г. созданы Грузино-Имеретинская губерния и Каспийская область. На население Закавказья распространено общее гражданское законодательство, ликвидированы военные суды. Военные чины стали уступать место гражданским служащим. Утравивание национального фактора проявилось в отказе от образования Армянской губернии, объединением Армянской области с Карабахской провинцией. Соответствующий проект был представлен сенатором П. Д. Ганом.

Наличие различных общественно-экономических укладов у народов, населяющих регион, явилось препятствием для слияния окраины с державой. В 1845 г. создано Кавказское наместничество для централизации власти в крае. Созданием пяти губерний — Тифлисской, Кутаисской, Шемахинской, Дербентской (1846) и Ереванской (1850) — в определенной степени учтено национально-территориальное межплеменное деление закавказских народов. Промежуточное решение национальных отношений намечало организацию Грузино-Армянской губернии. Ереванская губерния разделялась на пять уездов: Ереванский, Александропольский, Нахичеванский, Новобаязетский и Ордубадский. Урегулированы податные отношения. В 1826 г. на одного жителя Ереванского и Нахичеванского ханств приходилось 7 руб. 19 коп. сер. налогов, а в 1850 г. — 2 руб. 50 коп. сер. в Ереванской губернии. Национальные деятели разрабатывали определенные программы. В 1843 г. верховному католикосу Нерсесу Аштаракци был представлен «Проект» известного деятеля И. М. Манук-бея (зятя Лазаревых), долженствующий составить основу прошения Айрапета к царю для «улучшения судьбы соплеменников»⁷⁸.

В исторической мысли существуют два подхода к понятию «Армянский вопрос». Одно рассматривает его возникновение с момента потери независимости (Анийское царство и Киликийская Армения), определяя содержание как борьбу за достижение свободной Армении. В внешней политике России армянская проблематика представляется с 17 в.⁷⁹. Другое трактует как выражение

определенного уровня борьбы армянского народа за независимость, включением в сферу международных отношений. Исходным началом этого процесса признается Восточный кризис пятидесятых годов XIX в.⁸⁰, либо Берлинский конгресс 1878 г.⁸¹. Локализация армянского вопроса дипломатическими комбинациями великих держав на Востоке приводит лишь к изучению проблемы освобождения Западной Армении. Вне поля исследований остаются национальные устремления Восточной Армении. Игнорируется роль России в решении армянского вопроса включением «армянских статей» в международные договоры с сопредельными державами.

Армянская историография положительно оценивает для армянского народа международные договоры России первой трети XIX в.— Гюлистан, Туркманчай, Адрианополь. Армянский вопрос рассматривается как составная часть восточного вопроса, либо ближневосточной политики России. Существующие разногласия касаются роли той или иной страны и отдельных личностей в заключении международных договоров⁸². Концепция дробного существования армянского вопроса представлена в творчестве ираниста Б. П. Балаяна. В первой трети XIX в. столкновение вокруг Восточной Армении России и Персии представлено «локальной» международной проблемой, взаимосвязанной с восточным вопросом и Западной Арменией, политикой Англии, Франции, России, Персии и Турции в регионе. Гюлистанский мир характеризуется как победа русской дипломатии над английской, при весомом вкладе армянского народа. Усиление военно-политического влияния России на Востоке получило отражение в Туркманчайском трактате⁸³. А. А. Кюркчяном обращено внимание на расчлененность по Гюлистану территорий Северной Армении, оставившего Ереван, Нахичеван и Карадаг в составе Персии, заинтересованности армянского народа в продолжении расширения владений России. Персидско-русская война 1826—1828 гг. предоставила армянскому народу возможность завершить присоединение Восточной Армении к России⁴.

Концепция об Армении как субъекте и объекте международного права в системе восточного вопроса принадлежит известному исследователю Дж. С. Киракосяну. В развитии восточного вопроса выделен ряд фаз. Первая с 1822 г., когда впервые на Вероискском конгрессе вводится это понятие, до 1853 г. Борьба за турецкое наследство осуществляется между Россией, Францией, Англией и Австрией. Армения представлена объектом военных конфронтаций, дипломатических раутов великих держав. Исходным началом включения армянского вопроса в состав восточного сочтен Туркманчайский трактат. Адрианопольский мир подтвердил переход Араратской страны к России, закрепил за ней районы Ахалциха и

Ахалкалаки. Опущено значение Гюлистана в системе армянского вопроса, наличие острых международных столкновений вокруг него в первой четверти XIX в. Дипломатические инсинуации Европы, побуждившие Россию отказаться от завоеванных Карса, Баязета и Эрзерума отнесены лишь к Адрианополью, «Это первая отрицательная роль европейской дипломатии, осуществленная к армянам, которая затем будет повторяться десятилетиями, причиняя новые беды армянскому народу»⁸⁵. Важным является включение в понятие армянский вопрос борьбы двух частей армянского народа — восточного и западного за освобождение от иностранного рабощения⁸⁶.

Отголоски чаяний деятелей освободительного движения получили отражение в армянской историографии в виде легенды о существовании обязательства Николая I создать Армянское графство, введенной в оборот А. Перперяном⁸⁷. Развивая этот подход М. Мурадянц считает, что Россия нарушила «обещания» предоставить независимость Армении после окончания русско-персидской войны⁸⁸. По мнению А. Чобаняна, русско-турецкая война 1828—1829 гг. обусловила появление перед армянским народом «миража» царства, эфмерного и недолгого⁸⁹. Более резок Е. Гехамян, находивший, что армянские деятели русской ориентации от Исраеля Ори до Лазаревых и Персеса Аштаракени оказали большие услуги российской дипломатии, оказавшиеся недооцененными: «Так что, если при взвешивании взаимных услуг оказанных правительством и армянским народом — тяжесть весов, несомненно, оказалась бы на стороне армян»⁹⁰. Н. Б. Саруханян считает, что в 1828 г. имелось представление о воплощении национального идеала по возрождению Армении. Однако армянские деятели 20-х годов, как и грузинские начала XIX в., не поняли, что им уготована роль жить не при независимости, а при царском режиме⁹¹. На взгляд Е. Шахазиза, Армянская область имела бы национальное самоуправление, если бы не деятельность Паскевича по вводу общегосударственной системы управления⁹².

В этих построениях проявляется недооценка значения Армянской области как национального очага, ядра Русской Армении, приведшего к восстановлению армянской государственности в форме республики Армения. Еще Христофор Лазарев отмечал значение акта создания Армянской области: «Превосходная сия мысль одна дарует, так сказать, некогда самостоятельной древней Армении твердыбытие, сыны ее стекутся при неусыпном попечении правительства и духовенства, и число оных возрастет»⁹³. Не учитываются конкретные цели самодержавия и достижения деятельности представителей освободительного движения в ракурсе политики России. Иллюзорность отдельных историков была отвер-

гнута В. А. Парсамяном: «Царское правительство созданием Армянской области не ставило цели создать на юге России ни «буферной», ни «автономной», ни «независимой Армении». Оно не имело намерения создать в громадной державе новое государство, тем более иностранное»⁹⁴. Критический подход к политике самодержавия имеет связь с относительным знанием державных видов и реальных предложений армянских деятелей, процессом их взаимодействия. Концепция прерывности взглядов освободительного движения выдвинута В. А. Дилояном. Аннексионистская политика царизма на южной окраине с 1801 г., по мнению исследователя, сохранила русскую ориентацию армянского народа, но привела освободительную мысль к «неопределенности целей». Вплоть до 20-х годов XIX в. восстановление Армении представлено абстрактной идеей. Лишь война 1826 г. заставила армянских деятелей осознать наступление времени для рациональных чаяний. Воплощением идеи возрождения армянской государственности указана записка Х. Лазарева «Некоторые предположения о Грузии», представления которой правительству отнесено к ноябрю 1827 г.⁹⁵. В полном объеме не учтены предложения армянских деятелей.

Исследованный материал позволяет выделить в восточной политике России первой половины XIX в. ряд направлений: закавказское, средневосточное, малоазиатское и балканское. Армянский вопрос являлся составным компонентом закавказского направления. В самом начале XIX в. Россия застала Закавказье находящимся под властью ослабевших Турции и Персии. Призывы о помощи армянских и грузинских деятелей обусловили формирование державного вида об установлении естественной и благоустроенной границы по рекам Куре—Аракс и Риону, впоследствии замененной на Арпа-чай. Наличие двух сильных азиатских противников, имевших за спиной Англию и Францию, усложнило воплощение геополитической установки. При этом не ставилась задача раздела Османской империи и шахской Персии, захвата Константинополя и обеспечения выхода к Индии. Имевшиеся проекты графа Ростопчина и Цицианова не отражали общих настроений в высшем эшелоне России. Реальная политика заключалась в сохранении и развитии дружественных отношений с ослабевшими азиатскими соседями — Стамбульским и Тегеранским дворами. Победы России обеспечивали решение политических задач. Гюлистанский договор оформил начальный этап борьбы России с Персией за обладание Персидской Арменией и Восточным Закавказьем. Реваншизм Тегеранского двора привел к завершению этой борьбы Туркманчайским трактатом. Аналогичную роль сыграл Адрианопольский мир в отношении Османской Турции, завершив-

ший присоединение Западного Закавказья и северных территорий Армении.

Армянскими деятелями первой четверти XIX в. выдвинута концепция благоденствия Армении в составе Российской державы, разработанная М. Лазаревым, меликом Шахназаровым и католиком Ефреямом. Составными компонентами являлись: освобождение армян от власти мусульман; переселение армян в пределы российских владений; образование вооруженных формирований; присоединение к России Ереванской и Нахичеванской провинций; обеспечение прав и преимуществ социальных слоев; создание благоприятных условий для развития нации. Умеренность концепции объясняется знанием геополитической установки самодержавия по обладанию границей по рр. Аракс—Куре и Арпа-чай. Закавказские войны конца двадцатых годов подняли политическую мысль на новый уровень. Концепцию восстановления армянской государственности Х. Лазарев изложил правительству России 1 июня 1827 г.: образование армянского государства в державе; принятие царских регалий (скипетра и короны царя Грдатка); приобретение Ереванской Нахичеванской областей; сохранение роли Эчмиадзина; переселенчество и создание национальных формирований; превращение Армении в пограничный оплот России; обеспечение социальных льгот. Сохранена ответственность к концепции благоденствия Армении добавлением к ней идеи восстановления царства Армении под российским скипетром. Декабрьская записка 1827 г. «Некоторые предположения о Грузии и соседственных ей областях» и начала 1828 г. «Дополнение к предположениям о Грузии» содержат концепцию образования армянского политического очага в составе России. Суммированы предшествующие предложения. Новым является предоставление решения самодержавием форм армянского образования; от восстановления царства до ее фикции путем принятия лишь титула царя Армении.

Решение Николая I о создании Армянской области учитывало военно-политические соображения в предверии русско-турецкой войны и экономические виды для освоения южной окраины. Зафиксировано существование внутри державы армянского образования как части древней Армении. Османской Турции и шахской Персии представлен вариант решения армянского вопроса. Принятием титула государя Армянской области обеспечена возможность расширения армянских территорий державы. Армянская область по территории и населению не охватывала исторических и этнографических границ Восточной Армении. Русско-турецкая война позволила выдвинуть концепцию национального самоуправления: образование графства, принятие высочайшей грамоты о привилегиях армянского народа; наличие герба и собственных за-

конов; объединение армянских исторических земель вокруг Армянской области и их переход под покровительство России; принятие положения об армянской церкви как национального института; консолидация армян путем переселенчества; создание национальных частей — милицейских формирований, пограничной стражи и двух гвардейских эскадронов. Столкновение национальных и державных видов сказалось на ее воплощении.

Гюлистан

- ¹ С. Соловьев. Восточный вопрос 50 лет назад.— Древняя и новая Россия. 1876, т. 1, с. 129.
- ² Там же.
- ³ Восточный вопрос во внешней политике России. От ред. Н. С. Киняпина. М., 1978, с. 48, 49, 51.
- ⁴ Институт народов Азии Академии Наук (ИНА АН), ф. 58, оп. 1, д. 188, л. 1—2.
- ⁵ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис, 1866, т. 1, № 121, с. 179—181.
- ⁶ Присоединение Восточной Армении к России (ПВА). Под ред. Ц. П. Агаяна. Ер., 1972, т. 1, № 32, с. 60.
- ⁷ Там же, № 33, с. 66.
- ⁸ АКАК, т. 1, № 985, с. 686.
- ⁹ Там же, т. 2, № 5, с. 8.
- ¹⁰ Архив Государственного совета. Спб., 1876, т. 3, ч. 2, стлб. 1249.
- ¹¹ Там же, стлб. 1249—1250.
- ¹² ПВА, т. 1, № 130, с. 164.
- ¹³ А. Хаханов. Письма князя П. Д. Цицианова и А. П. Тормасова.— Русский архив. 1899, кн. 2, вып. 5—6, с. 170.
- ¹⁴ Архив внешней политики России (АВПР), ф. Гл. архив. 1—10. 1804, д. 2, л. 1—2.
- ¹⁵ ПВА, т. 1, № 185, с. 230—233; № 199, с. 273.
- ¹⁶ Там же, № 196, с. 256.
- ¹⁷ Там же, с. 254—256.
- ¹⁸ Там же, с. 276.
- ¹⁹ Архив Государственного совета..., т. 4, ч. 1, стлб. 485.
- ²⁰ Н. С. Киняпина, М. М. Блиев, В. В. Дегоев. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984, с. 111—112.
- ²¹ Деловые письма князя П. Д. Цицианова генералу И. И. Завалишину.— Древняя и новая Россия. 1877, т. 4, с. 422.
- ²² ПВА, т. 1, № 218, с. 292; №№ 229—231, с. 299—302.

- ²³ Там же, № 326, с. 308.
- ²⁴ Там же, № 241, с. 31.
- ²⁵ Там же, № 238, с. 309.
- ²⁶ А. Хаханов. Письма князя П. Д. Цицианова..., с. 172.
- ²⁷ ПВА, т. 1, № 249, с. 316.
- ²⁸ Архив Государственного совета..., т. 3, ч. 1, стлб. 821.
- ²⁹ ПВА, т. 1, № 282, с. 340, 341.
- ³⁰ Там же, № 286, с. 343.
- ³¹ Там же, № 287, с. 343, 344.
- ³² Там же, № 381, с. 434.
- ³³ Там же, с. 431—435.
- ³⁴ Там же, № 382, с. 436; № 391, с. 444, 445; № 397, с. 447—450; № 398, с. 450.
- ³⁵ Дм. Багдасарян. Биография российских генералиссимусов и фельдмаршалов. М., 1990, ч. 3, с. 23.
- ³⁶ ЦВА, т. 1, № 414, с. 463—471; № 423, с. 479—485; № 440, с. 529.
- ³⁷ Там же, № 440, с. 533.
- ³⁸ Там же, № 454, с. 545.
- ³⁹ Там же, с. 544—547.
- ⁴⁰ Там же, № 511, с. 577.
- ⁴¹ Там же, № 329, с. 393.
- ⁴² Там же, № 297, с. 357.
- ⁴³ Там же, № 368, с. 420.
- ⁴⁴ Там же, № 422, с. 479.
- ⁴⁵ Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 21, ед. хр. 134, л. 33.
- ⁴⁶ ПВА, т. 1, № 441, с. 533, 534; № 446, с. 537, 538; № 460, с. 551, 552.
- ⁴⁷ Центральный государственный исторический архив республики Армения (ЦГИА АР), ф. 90, оп. 1, д. 435, л. 1—2.
- ⁴⁸ Там же, ф. 57, оп. 3, д. 5, л. 12.
- ⁴⁹ ПВА, т. 1, № 490, с. 618.
- ⁵⁰ Там же, с. 619.
- ⁵¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. От ред. А. Л. Нарочницкий. (ВПР). М., 1970. Серия 1, т. 7, № 168, с. 403—418, 425.
- ⁵² Там же, № 167, с. 402.
- ⁵³ Там же, № 168, с. 425.
- ⁵⁴ Матенадаран, ф. Архив Лазаревых, п. 137, ед. хр. 12, л. 1.
- ⁵⁵ ПВА, т. 1, № 494, с. 624—636.
- ⁵⁶ ВПР, т. 7, с. 757.
- ⁵⁷ Б. П. Балаян. Дипломатическая история русско-иранских войн и присоединения Восточной Армении к России. Ер., 1988, с. 100, 101.
- ⁵⁸ Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией и иностранными державами. Спб., 1895, т. 11, с. 265.
- ⁵⁹ Там же, с. 270.
- ⁶⁰ ВПР, т. 13, № 80, с. 197.

- ⁶¹ Матенадаран, ф. Архив Лазаревых, п. 137, ед. хр.: 12, л. 1; ф. 37, оп. 1, д. 5, л. 12.
⁶² **Б. П. Балаян.** Трагедия А. С. Грибоедова. Ер. 1983, с. 25.

Туркманчай

- ¹ Письма императора Николая Павловича к А. П. Ермолову.— Чтения в обществе истории и древностей российских. М., 1862, кн. 3, отд. 5, № 4, с. 221.
² ВПР, т. 14, с. 760.
³ **А. П. Щербатов.** Генерал фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Спб., 1890, кн. 2. Приложения № 5, с. 66.
⁴ **М. М. Медведев.** Новое о Грибоедове и декабристах.— Литературное наследство. М., 1956, т. 60, кн. 1, с. 485.
⁵ Письма императора Николая Павловича..., № 7, с. 224.
⁶ ВПР, т. 14, с. 545.
⁷ Там же, № 206, с. 583.
⁸ Там же, № 214, с. 601—603.
⁹ Центральный государственный исторический архив Российской Федерации (ЦГИА РФ), ф. 1018, оп. 2, д. 38, л. 1.
¹⁰ ВПР, т. 14, № 210, с. 589.
¹¹ ЦГИА РФ, ф. 1018, оп. 2, д. 85, л. 68— 69.
¹² Там же, д. 95, л. 1.
¹³ ВПР, т. 14, с. 844.
¹⁴ Русско-армянское сотрудничество в период присоединения Восточной Армении к России 1826—1828. Под. ред. А. О. Арутюняна.— Вестник архивов Армении № 2, 1978, № 33, с. 62.
¹⁵ Там же, № 34, с. 63.
¹⁶ ЦГИА РФ, ф. 560, оп. 22, д. 18 б. л. 117.
¹⁷ Полное собрание законов Российской империи. Спб., 1830. 2-е изд. (ПСЗРИ), т. 2, № 1019.
¹⁸ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 446, оп. 1, д. 12, л. 50 об.
¹⁹ Там же, л. 53.
²⁰ Там же, л. 53 об.
²¹ Русско-армянское сотрудничество..., № 73, с. 104—106.
²² **В. Г. Туян.** Восточная Армения в составе России. Ер., 1989, с. 6.
²³ Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 728, оп. 1, л. 1517, л. 42.
²⁴ Там же, л. 42 об.
²⁵ Там же, л. 21, 21 об.
²⁶ ВПР, т. 14, № 153, с. 449, 450.
²⁷ ЦГАОР, ф. 728, оп. 1, д. 1457, л. 65.
²⁸ Русско-армянское сотрудничество..., № 110, с. 137—141.

- ²⁹ **В. Погосян.** Нововыявленные документы о присоединении Восточной Армении к России.— Вестник общественных наук. 1981, № 7, с. 113.
³⁰ ПВА, т. 2, № 124, с. 200.
³¹ Там же, с. 201.
³² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 894, л. 8.
³³ Русско-армянское сотрудничество..., № 76, с. 109.
³⁴ **В. Погосян.** Нововыявленные материалы..., с. 110.
³⁵ Там же, с. 111.
³⁶ Там же, с. 113.
³⁷ ЦГИА АР, ф. 400, оп. 1, д. 13, л. 7.
³⁸ **В. Г. Туян.** Материалы об организации управления Восточной Арменией в 1827—1828 гг.— Историко-филологический журнал, 1986, № 2, с. 209.
³⁹ Там же, с. 209, 210.
⁴⁰ Там же, с. 210.
⁴¹ ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 3643, л. 11.
⁴² Там же, л. 12 об.
⁴³ Там же, д. 3760, л. 5.
⁴⁴ Там же, л. 13 об.
⁴⁵ **В. Г. Туян.** Материалы правительственного комитета о включение Ереванского ханства в состав Российской империи.— Вестник общественных наук. 1985, № 2, с. 81.
⁴⁶ АКАК, т. 7, № 435, с. 482—484.
⁴⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35787, л. 7 об.
⁴⁸ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 3760, л. 13 об.
⁴⁹ Там же, ф. ВУА, д. 4388, л. 74.
⁵⁰ Там же, л. 74—77.
⁵¹ ПВА, т. 2, № 243, с. 446—454; **В. Г. Туян.** А. С. Грибоедов и Армения. Ер., 1995, с. 35—44.
⁵² Русский Инвалид. 1828, 17 марта.
⁵³ Там же, 29 марта.
⁵⁴ Там же.
⁵⁵ ПСЗРИ, т. 3, № 1888.
⁵⁶ **В. Г. Туян.** Материалы к новой истории Восточной Армении (1828—1849).— Вестник общественных наук. 1986, № 8, с. 82.
⁵⁷ Там же, с. 83.
⁵⁸ ПСЗРИ, т. 3, № 1897.

Адрианополи

- ¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 30.
² Там же, л. 30 об.
³ Там же, л. 30—41.
⁴ **В. И. Шеремет.** Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975, с. 23, 194, 205.

- 5 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 69, 69 об.
- 6 Там же, л. 70 об.
- 7 Там же, л. 70 об.
- 8 В. А. Шеремет. Турция и Адрианонопольский мир, с. 195.
- 9 Дм. Бантыш-Каменский. Биографии..., ч. 4, с. 250.
- 10 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 81 об, 82.
- 11 Там же, ф. 1, оп. 1, д. 3769, л. 277.
- 12 Там же, л. 277—278.
- 13 Там же, л. 290.
- 14 Там же, ф. ВУА, д. 35787, л. 6.
- 15 Там же, л. 6 об.
- 16 Там же, ф. 1, оп. 1, д. 3742, л. 7.
- 17 Там же, ф. ВУА, д. 1016, ч. 1, л. 105 об.
- 18 Русско-армянское сотрудничество..., № 16.
- 19 ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 3769, л. 59.
- 20 В. И. Шеремет. Турция..., с. 24—2.
- 21 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 768, л. 59.
- 22 ПВА, т. 2, № 289, с. 501, 502; № 296, с. 508, 50.
- 23 Там же, № 299, с. 511.
- 24 Там же, с. 510—513.
- 25 Ш. Чхетия, А. Иовидзе. Боевое содружество русского и грузинского народов.— Исторический вестник. Тбилиси, 1964, т. 17—18, № 50, с. 353.
- 26 Там же, с. 354.
- 27 Там же, с. 355.
- 28 ПВА, т. 2, № 302, с. 516; № 304, с. 524.
- 29 Там же, № 306, с. 524, 525.
- 30 Там же, № 313, с. 542—544; № 317, с. 547, 548.
- 31 А. С. Грибоедов. Сочинения М., 1988, с. 619, 620.
- 32 Русско-армянское сотрудничество..., № 171, с. 236.
- 33 Война России с Турцией в 1828 г. Переписка императора Николая Павловича с гр. Дибичем, в августе 1828 г.— Русская старина. 1880, т. 28, с. 411.
- 34 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1016, ч. 1, л. 193.
- 35 Там же, л. 194 об.
- 36 Там же, л. 192 об.— 220 об.
- 37 Император Николай Павлович: переписка с И. И. Дибичем с августа по декабрь 1828 г.— Русская старина. 1880, т. 29, с. 920.
- 38 Материалы к биографии А. С. Грибоедова.— Кавказский сборник. Тифлис, 1910, т. 30, с. 110.
- 39 Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 1252, оп. 1, д. 530, л. 3 об.
- 40 Там же, л. 1—4 об.
- 41 Рукописный отдел национальной библиотеки России (РО НБР); ф. 41, к. 169, сд. хр. 30, л. 4.
- 42 ЦГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 531, л. 1.
- 43 ПВА, т. 2, № 321, с. 552, 553.
- 44 ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 3707, л. 11.
- 45 Там же, л. 113, 113 об.
- 46 Там же, л. 112—113 об.
- 47 Русско-армянское сотрудничество..., № 183, с. 244.
- 48 ЦГАДА, ф. 30, оп. 1, д. 176, ч. 1, л. 33.
- 49 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1016, ч. 2, л. 47, 78—79.
- 50 Там же, д. 1019, л. 3.
- 51 Там же, д. 1016, ч. 2, л. 83 об.
- 52 Император Николай Павлович и гр. Дибич-Забалканский. Переписка 1828—1830 гг.— Русская старина. 1881, т. 32, с. 715, 715.
- 53 О. Гехамьянд. Архиепископ Карапет.— Пордз. 1876, № 1, с. 185, 186.— На арм. яз.
- 54 ЦГАДА, ф. 30, оп. 1, д. 176, ч. 1, л. 333—335 об.
- 55 Там же, л. 335 об.
- 56 В. А. Шеремет. Турция..., с. 114.
- 57 Н. К. Щильдер. Адрианонопольский мир 1829 года. (Из переписки графа Дибича).— древняя и новая Россия. 1879, т. 15, № 12, с. 572.
- 58 Там же, с. 569—572.
- 59 В. А. Шеремет. Турция..., с. 112, 113.
- 60 Н. К. Щильдер. Адрианонопольский мир..., с. 573.
- 61 Дм. Бантыш-Каменский. Биографии..., ч. 4, с. 33.
- 62 Армения в документах международной дипломатии и советской внешней политики. Составители Дж. С. Киракосян, Р. Д. Саакян. Ер., 1972, с. 73—82.— На арм. яз.
- 63 ЦГИА РФ, ф. 1377, оп. 1, д. 29, л. 12.
- 64 А. Михайлевский-Данилевский. Выдержки из записок военного.— Памятники новой русской истории. Спб., 1873, т. 3, с. 424.
- 65 Н. К. Щильдер. Столетний юбилей рождения Николая I.— Русский вестник. 1896, т. 244, июнь, с. XI, XII.
- 66 Восточный вопрос во внешней политике..., с. 102.
- 67 Ф. Мартене. Собрание трактатов..., т. 12, с. 53.
- 68 А. Н. Шебунин. Россия на Ближнем Востоке. Л., 1926, № 29, с. 53.
- 69 Восточный вопрос..., с. 114—118.
- 70 М. Т. Боджолян. Танзимат и Западная Армения. Ер., 1992, с. 41, 42.
- 71 К. М. Базили. Очерки Константинополя. Спб., 1835, ч. 2, с. 285.
- 72 К. М. Базили. Босфор и новые очерки Константинополя. Спб., 1836, с. 13.
- 73 Там же, с. 14.
- 74 ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 12040, л. 7.
- 75 М. Т. Боджолян. Танзимат..., с. 43, 44, 78, 119.
- 76 В. Г. Тунян. Восточная Армения..., с. 88, 89, 96, 97.
- 77 ПСЗРИ, т. 8, № 6064.
- 78 М. Цугунян. К истории создания герба Армянской области.— Вестник общественных наук. 1986, № 6, с. 100, 101.

- 78 **В. Г. Тунян.** Восточная Армения... с. 39, 43, 56, 57, 78, 90, 156.
- 79 **Б. А. Борьян.** Армения, международная дипломатия и СССР. М.—Л., 1928, ч. 1, с. 19.
- 80 **А. А. Есаян.** Армянский вопрос и международная дипломатия. Ер., 1965, с. 6—8.— На арм. яз.
- 81 **А. Чобанян.** Ответственности.— Авант. 1899, № 3, с. 87.— На арм. яз.
- 82 **М. Г. А. С. Грибоедов.**— Нор тги. 1929, к. 2—3, с. 207, 213.— На арм. яз.; **С. Маркесян.** Русско-французские и русско-английское противоборство в Персии, в связи с завоеванием Закавказья. Ер., 1935, с. 3, 37, 127, 133, 136.— На арм. яз.
- 83 **Б. П. Балаян.** Дипломатическая история... с. 23, 193.
- 84 **А. А. Кюркчян.** Русско-иранская война 1826—1828. Ер., 1991, с. 24, 25.
- 85 **Дж. С. Киракосян.** Предисловие.— В кн.: Армения в документах международной дипломатии... с. 3.
- 86 Там же, с. 5—8.
- 87 **А. Перперян.** История Армении. Константинополь, 1871, с. 282.— На арм. яз.
- 88 **М. Мурадянц.** История армянской апостольской святой церкви. Иерусалим, 1872, с. 600, 601.— На арм. яз.
- 89 **А. Чобанян.** Россия и Армения.— Авант. 1906, № 3—4—5, с. 34.— На арм. яз.
- 90 **Е. Гехамян.** Размышления. Тифлис, 1907, с. 4.— На арм. яз.
- 91 **Н. Б. Саруханян.** Проблема присоединения Восточной Армении к России в дореволюционной армянской историографии. Ер., 1971, с. 58, 70.— На арм. яз.
- 92 **Е. Шахазиз.** Старый Ереван. Ер., 1931, с. 232.— На арм. яз.
- 93 **В. Г. Тунян.** Восточная Армения... с. 16.
- 94 **В. А. Парсамян.** Грибоедов и армяно-русские отношения. Ер., 1947, с. 138, 139.— На арм. яз.
- 95 **В. А. Дилоян.** Восточная Армения в первой трети XIX в. и русско-армянские отношения. Ер., 1989, с. 295, 330, 332, 340, 341.— На арм. яз.

Глава 2. РОССИЯ И ЕВРОПА

Восточный кризис Начало 50-х годов XIX в. ознаменовалось столкновением интересов великих держав на Ближнем Востоке, приведшим к Крымской войне. Важным элементом политики России, Франции и Англии на Среднем Востоке являлась забота о правах христианского населения Османской империи, преследующая виды политического закрепления в регионе. Забота о статусе единоверцев сказывалась на положении наставы армянской апостольской церкви. Представители Англии и Франции предоставляли новообращенным армянам деньги, материальную поддержку, освобождали от поставки рекрутов и рабочих на фабрики. Боровшийся против «протестантского соблазна» константинопольский патриарх Матевос Чухаджян, при содействии русской миссии, был отправлен в отставку. Избранный новый константинопольский патриарх Акоп оказался слабохарактерным и подверженным различным влияниям. Брат Акопа, перешедший в лоно англиканской церкви, был признан султаном патриархом армян-протестантов¹. Прозелитизм особенно усилился при великом везире Рашид-паше, ориентировавшемся на политику западных держав. Протестантизм получил распространение среди армян Хаскиси (под Золотым Рогом), в Измирли и Марашской области. Здесь стали отмечаться случаи добровольного перехода в мусульманство, что освобождало от налогов и угнетений. По мнению современника, молдавского боярина А. Радовича, турки на деятельность прозелитизма смотрели сквозь пальцы и осязательной угрозой для своих интересов считали лишь воздействие России: «Влияние англичан и французов ничто, лишь бы избежать влияния русского, через посредство Эчмиадзинского патриарха»².

В то же время росли умонастроения за обращение к России для сохранения этноса, охватившие даже антипрестольный Сисский католикосат: «Патриарх, духовенство и старейшины,— сообщал в записке боярин Радович главе российской миссии в Константинополе д. с. с. А. П. Озерову 22 августа 1852 г.,— готовы торжественно подчинить себя церковной зависимости Эчмиадзинского патриарха, имея в виду, что влияние России, могущее чрез это водвориться в сей части Турции, облегчит христиан и об-

легчит зверства турок, что это даст возможность явно защитить их, а сим прекратится обращение армян в иноверства. Благодарный народ этот в огонь полезет за Россию»³. Подчеркивалась храбрость марашских армян. Более или менее «процветающим» признавалось положение лишь нескольких армянских деревень Эрзерумского пашалыка. Для покровительства армян Россией предлагалось учредить в Малой Азии генерального консула, вице-консула и сеть корреспондентов. Отказ от покровительства рассматривался Радовичем как попрание российских интересов, могущее содействовать присоединению части армян к папской унии под влиянием Франции.

Анализ положения прихожан св. Эчмиадзина получил отражение в записке «О турецких армянах» драгомана константинопольской миссии М. А. Гамазова от 27 декабря 1852 г. Печальные условия существования объяснены комплексом факторов: державные льготы католикам и протестантам; воздействие пропаганды Англии и Франции; фискальный пресс налогового ведомства; попустительское правительственной власти насилием к армянам; массовое разорение земледельческого и ремесленного населения; упадок влияния богатых армянских верхов в лице амира и сафаров. Доминирующим фактором сочтен фанатизм окружающего мусульманского населения, смотрящего на христиан исключительно лишь как на источник обогащения: «фанатическая покушения и самые действия господствующего племени,— отмечено Гамазовым,— вообще под вечною угрозою которых как под мечом Дамокловым припала к земле эта заброшенная паства, все это довело до крайней степени упадка духа ее и заставляет ее искать выхода из этого убийственного положения»⁴. Альтернатива усмотрена в присылке поверенного первопрестольного Эчмиадзинского монастыря, который стал бы выполнять функцию посредника в Царьграде между местной общиной и верховным католикомосом Нерсесом Аштаракци. Для малоазиатских армян сочтено желательным вошлщение предложения Радовича об открытии дипломатических представительств⁵.

Пристальный интерес великих держав к положению армянского народа имел, конечно же, в первую очередь, геополитический характер. Англия была заинтересована в приобретении малоазиатского буфера против возрастающего влияния России на Среднем Востоке. Важное значение придавалось привлечению симпатий христианского четырехмиллионного армянского народа: Османская империя — 2,5 млн., Российская держава — 1,2 млн., Персия — 150 тыс., Австрия — 25 тыс., другие территории — 100 тыс.⁶. Историческая Армения привлекала внимание Запада также своими природными богатствами: «Армения, на относительно небольшом про-

странстве, производит почти все, чем богаты земли старого и нового света»⁷. Император Николай I в ходе визита в Англию в 1844 г. провозгласил Османскую империю «умирающим больным» и тем самым поставил в повестку дня ее раздел⁸ Самым и тем самым видами на историческую Армению, состоящую из трех частей — Турецкой, Русской и Персидской. В состав Турецкой Армении включались пашалыки: Карсский, Баязетский, Эрзерумский, Мушский и Ванский. Область Могк входила в Диарбекирский пашалык. За Русской Арменией признавалась территория Верхней Армении, а небольшая часть соотносилась с Персидской Арменией⁹. Франция, в лице нового императора Наполеона III, стремилась к активной политике на Востоке для обеспечения своего «величия». Возник англо-французский блок против России. Усиление России после венгерской кампании 1848 г. противоречило их интересам: «Запад вдруг понял, что Турция новсе не «умирает»: все увидели, что необходимо отстаивать целостность Порты и поддерживать ее христиан, отнимая у России ту нравственную силу, ту правду, которая могла обелять ее политику в Восточном вопросе»¹⁰. Понимание интереса политики великих держав и составляло основу гонений турок против армянского населения, применявших политику сознательного вытеснения коренного этноса вкупе с фальсификацией истории. Наименование Армении турки стали применять лишь к Баязетскому пашалыку, а Карс и Эрзерум причислять к Малой Азии либо Анатолии¹¹.

Обеспокоенность происходящими событиями охватила влиятельные круги западных армян. 3 октября 1852 г. уполномоченные светских и церковных кругов установили контакт с российским посольством в Константинополе через драгомана Гамазова. Амира О. Дадриан и логофет (секретарь) титулярного патриарха заявили о желании добиваться покровительства России армянскому народу. Векил Иерусалимского патриарха Вардан представил прошение о защите от притязаний католиков, требующих уступки армянского престола в Геосинии. В жалобе на ущемление интересов по «святым местам» испрашивалась отмена запрета вешать лампы в Вифлеемском армянском отделе на «цепи кукольные», содействие контролировать их наравне с греко-православной и католической общинами. Иерусалимский патриарх Ованнес желал получить ключи от монастырской двери и обладание самостоятельной литургией на месте вознесения Иисуса Христа. Векил Вардан просил дать указания российскому консулу Базили в Сирии и Палестине учитывать просьбы армянского духовенства, как и православного. Бывший константинопольский патриарх Матевос, участвующий в хитросплетениях политической жизни, жаждал получить папскую грамоту у верховного католикомоса Нерсеса Аштаракци.

кеци за «церковные услуги» в борьбе против католицизма и протестантизма. Отмечено потворство части амира политике султана, в частности, Погос Барутчи Баши активно содействовал антинациональным мерам. Представители Константинопольского патриархата запросили у российского посольства действенного ответа для «врачевания ран нации». Подчеркнуто, что не одно оно может выступить в защиту интересов армянской церкви.

Поверенный России в делах Османской империи Озеров 18 января 1853 г. посоветовал доверенным лицам патриархата обратиться к верховному католикосу для назначения духовного представителя с целью защиты интересов своей паствы. Секретарю Константинопольского патриарха Акопу Крджикяну было заявлено, что Иерусалимский вопрос не является предметом компетенции российского посольства. Жалобу о «святых местах» предложено принести греко-православному патриарху Кириллу. Отмечено, что «естественным стражем и покровителем святых мест» Россия признает лишь греко-православный патриархат. Обещано лишь оказать воздействие на патриарха Кирилла для благожелательного отношения к прошению. Полученный ответ был оценен как отказ от защиты интересов армянской церковной общины в Палестине¹². В 1837 г. Иерусалимский армянский патриарх, при содействии везира египетского паши Погоса Юсуфяна, добился восстановления контроля над рядом святых мест. Однако православный патриарх Афанасий, обратившийся к царю Николаю I, сумел сохранить предшествующее положение. Министерство иностранных дел исходатайствовало соответствующие письма в Стамбуле для египетского Мегмет-Али паши и представителю Порты в Иерусалиме Фетва Емини¹³. Возникшая напряженность между церковными общинами не заруцсвалась, тем более что русское правительство «смотрело на происходящая там события глазами тамошних греков»¹⁴.

19 и 20 января 1853 г. иерусалимский векил Вардан и секретарь Крджикян от имени Константинопольского патриарха запросили у императорской миссии покровительства со стороны российских консулов в Анатолии «нуждам армянской нации», в особенности мушским и ванским армянам. Обещалось «формальное обращение» Константинопольского патриарха к Айрапету Нерсесу Аштаракеци, которое надлежало держать в «глубокой тайне». Повторное обращение за покровительством к России представлялось деятельностью патриаршей партии. Противником была выставлена султанская партия во главе с Погосом Барутчи Баши, ориентирующаяся безоговорочно на деятельность османских властей. Прощение о покровительстве Озеров обещал довести до сведения верховного католикоса, начальника главного управления

Закавказского края В. О. Бебутова, членом фамилии Лазаревых через Азиатский департамент. Широкий круг обращения, очевидно, по замыслу просителей, долженствовал обеспечить эффективность прошения.

Озеров сообщил вице-канцлеру Нессельроде о сетованиях бывшего патриарха Матевоса на Нерсеса Аштаракеци, якобы проявлявшего прохладное внимание к армянскому духовенству Турции и даже не известившего о своем миропомазании в 1846 г. Патриарх Акон заявил российскому послу А. С. Меншикову о необоснованности отрицательного отношения верховного католикоса к главе Грузинской армянской епархии Карапету Эрзерумскому. Жалобам представителей Константинопольского патриархата Озеров придал большое значение, поскольку, по его мнению, на смарку шел весь труд российской дипломатии по признанию реального главенства верховного патриарха Эчмиадзина. Внешнеполитическому ведомству предполагалось поручить Его Святейшеству не оставлять «без внимания» запросы армянского духовенства Турции¹⁵. Претензии имели определенное основание, но предъявлялись в контексте политических маневров. В апреле 1853 г. Блестящая Порта отвергла требование заключить новую конвенцию о положении ее православных подданных как противоречащее интересам другим христианских общин. Послу Меншикову представлен протест армян-прихожан церкви св. Троицы в Стамбуле¹⁶.

Прощение представителей Константинопольского патриархата было доведено до сведения Николая I. Зондаж мнения главы армянской апостольской церкви выявил негативную реакцию Аштаракеци к политике самодержавия: «Говорит против России со злобою»¹⁷. Великовозрастный католикос (1771—1857) был обижен отношением властей. Наместник Кавказа Н. Н. Муравьев-Карский отмечал: «забыли, что Нерсес был патриарх всех армян, а не одной подвластной нами части Армении и стали обходиться с ним, как с духовным начальником покоренного нами края»¹⁸. Более реальной причиной являлось церковное «Положение» 1836 г., ограничившее функции верховного католикоса церковными делами и перечеркивающее его светское значение. Первосвященник согладаясь был обвинен в антиправительственных намерениях¹⁹. Осведомленный Муравьев-Карский знал о несостоятельности этих утверждений: «Нерсеса обвиняли в сношениях с персиянами и турками, но он не мог не быть с ними в сношениях по духовной власти своей. В иностранных газетах называли его изменником России, но на то не было никаких доказательств. В сущности Нерсес не был прав; он был облагодетельствован нами, знал, что нигде ему не будет так хорошо, как у нас, никогда бы не изменил нам; он не прав был тем, что по своей обычливости слишком хотел

выставить важность свою»²⁰. Настороженность Айранета к архиепископу Карапету Эрзерумскому имела связь с конкуренцией на выборах 1843 г. и поддержанием последним хороших отношений с кн. Паскевичем.

В середине мая 1853 г. Османская Порта отклонила представление России о привилегиях православных христиан в Палестине, уравнивающее их с мусульманами. Встречным предложением покровителями христианских церквей в Турции намечено считать Францию и Россию. 19 мая посол Меншиков представил Блестящей Порте «ноту разрыва». Позиция султана Абдул Меджида получила поддержку у Франции, Австрии и Пруссии. Возникла реальная угроза конфликта России со странами-участницами Лондонской конференции 1841 г. по проливам²¹. Посол Меншиков отбыл на родину. Прошение армян Константинополя не получило положительного решения. Драгоман Гамазов отмечает: «Но результата никакого не последовало; загорелась война, и дело армян было заброшено»²². В июне русские формирования были введены на территорию Дунайских княжеств. Началась концентрация русских и турецких сил на Дунае. Первые насчитывали 87 тыс., а вторые — 130 тыс.²³.

Дипломатическая подготовка к войне потребовала уяснения позиции России. Общая линия свелась к защите интересов христианских народов Турции. 28 сентября в Петербурге эта тема была затронута графом А. Ф. Орловым, доверенным другом Николая I, в беседе с известным кавказским военачальником Муравьевым. На вопрос о перспективах развития народов и территорий после развала Османской империи Муравьев откровенно высказался за отказ от их включения в состав Российской державы, уважения национальных чувств: «Нам нет никакой выгоды поражать эту турецкую империю, какой бы она вид не приняла после падения своего; как русская область она бы истощила силы России и мы бы должны вечно воевать с христианскими племенами, которые теперь выручать хотим, потому что этот народ привык к независимости при слабом турецком правительстве, не стал бы терпеть никакого правильного европейского правления над собой». Выразив согласие, Орлов коснулся статуса Константинополя. Муравьев отверг возможность его включения в состав Греции как империи, в силу ее превращения в большую обузу для России: «Как Империя Греческая, страна эта также не могла бы удержаться без сильного покровительства и больших пожертвований со стороны России»²⁴. Нежелательным сочтено преобразование также и вольный город, поскольку «Константинополь обратился бы в другой Краков. Что тут хорошего? Труды наши обстоятельны, а те

перь еще французы грозят выставить 15 тыс., если мы пойдем в Царьград»²⁵. 28 октября 1853 г. турки начали наступление на Кавказе захватом форта св. Николая. 2 ноября обнародован манифест Николая I о войне. 1 декабря десяти тысячный отряд отдельного Кавказского корпуса под руководством кн. Бебутова разбил тридцатитысячную турецкую Анатолийскую армию в сражении у селения Башкадыклар. Предотвращено вторжение в Закавказье, снята угроза оккупации Грузии и Русской Армении. Эффект Башкадыклара усилил известие о гибели турецкой эскадры в Синопе²⁶.

В защиту интересов Турции выступили Англия, Франция, а затем и Сардиния. В 1854 г. Австрия взяла на себя роль посредника между воюющими сторонами. России было предложено за основу будущих переговоров о мире взять четыре пункта: 1. Определение статуса Дунайских княжеств (Молдавии и Валахии); 2. Решение режима судоходства по Дунаю; 3. Осуществление ревизии трактата 1841 г. о запрещении прохода военным судам европейских держав в Черное море через проливы Босфор и Дарданеллы; 4. Уточнение роли России к христианским подданным Османской империи. Отказ от возможности обсуждения сопровождался угрозой создания европейской военной лиги против России²⁷. В начале 1855 г. открылись предварительные Венские конференции. Представитель России кн. А. М. Горчаков, поддержал идею коллективного гаранта прав христиан: «Обеспечить за христианами, подданными Порты, известные права, и что для этого он (Николай I — В. Т.) готов допустить коллективное ручательство и покровительство христианских держав над этими подданными Порты»²⁸. Подход России, пересматривающий Кючук-Кайнарджийский мир с Турцией (1774), когда лишь она выступала покровительницей православных христиан, позволял ей с спокойной совестью продолжать свою христианскую миссию. Позицию западных держав изложил министр иностранных дел Австрии граф К. Буоль: «Россия отказывается от официального покровительства над христианскими подданными султана православного исповедания, но европейские державы употребят свои общие усилия к тому, чтобы получить от Османского правительства инициативу — к сохранению религиозных прав христианских обществ, подданных Порты, без различия религий»²⁹. Постепенно на передний план выдвинулось намерение Запада обязать Россию уважать целостность Османской империи. Безоговорочную поддержку европейским державам оказывали уполномоченные Турции. Горчаков с раздражением указывал: «Они подают голоса как автоматы, следуя указаниям представителей Запада, и не обнаруживают ни единой черты в оценке интересов, вверенных им лично»³⁰. Венские конференции закончились

провалом. Причиной явился отказ России от ограничения своих военно-морских сил на Черном море. С 28 декабря 1854 г. по апрель 1855 г. проведено четырнадцать конференций³¹.

Падение Севастополя 8 сентября 1855 г. резко ослабило позиции России. Компенсационной мерой русская дипломатия стала рассматривать военный успех на Азиатском театре войны. Анатолийская армия заперлась в Карсе, взятие которого открывало врата Малой Азии перед русскими формированиями. «Страстное желание скорее вознаградить потерю Севастополя взятием Карса, — отмечает участник штурма 17 сентября 1855 г. полковник де Саже, — и уничтожением всего Анатолийского корпуса порадовать государя и Россию — сделалось общим в нашем лагере»³². В ходе штурма отличились милиционеры полковника Лорис-Меликова и Эриванский полк. Потери русских частей, возглавляемых заместителем Кавказа Муравьевым, составили 7059 чел.³³. Однако светлый луч победы в Армении оказался недостаточным вознаграждением для России за все несудачи на Крымском полуострове. «С апреля по декабрь, — указывает Лорис-Меликов, — мы нанесли турецкой армии ряд ударов, огняли Ардаган, Карс, заняли громадные пространства Карсского и Ольтинского пашалыков, Аланкерт и долину Ефрат. Если бы эти успехи были бы достигнуты в первые три месяца, то есть до июля, то Блистательная Порты поставлена была бы в безысходное положение. Вся турецкая армия комплектуется и снабжается почти исключительно из азиатских провинций. Всем известно, что турки считают себя в Европе, так сказать, гостями. Потеря в Азии опорных пунктов и лучших провинций вынудила бы Порту не усиливать своей балканской армии, а, напротив, поспешно вернуть войска из тех же Балкан для спасения своей житницы»³⁴.

В январе 1856 г. начались Венские совещания, а в конце февраля открылся Парижский конгресс. Уполномоченными России для ведения переговоров являлись граф Орлов и барон Ф. И. Бруннов, стремившихся привлечь Францию к защите державных интересов. Англия выдвинула требования возврата Карса и других сопредельных территорий как признание Россией административной целостности Османской империи. Орлов, заручившись относительной поддержкой Наполеона III, попытался сохранить Карс в качестве «вознаграждения за расходы войны» либо обменять на незыблемость границ Бессарабии. Представители туманного Альбиона резко негативно отнеслись к этой идее: «Скорее Англия решится вести бесконечную борьбу во чтобы то ни стало, чем согласится на подобное ослабление Оттоманской империи, в самой уязвимой ее части, со стороны владений в Азии»³⁵. Холодным душем для русской дипломатии явился встречный контрудар Англии о

независимости Мингрелии, Имеретии, Грузии, Армении и всего Закавказья. Точку зрения министра иностранных дел лорда Д. Кларендона граф Орлов представил в Петербург «банальной и пустой», но не считаться с ней было нельзя. Наполеон II отказался от поддержки России в Карсском вопросе из за позиции Англии и Австрии. Блестящий маневр осуществила Османская Турция. Великий везир Али-паша заявил, что изданием высочайшего указа султана о реформах (хатт-и хумаюн 18 февраля 1856 г.) гарантированы все права христиан: «обеспечивая за ними привилегии далеко превосходящие все, что было до сих пор постановлено в их пользу»³⁶. Мнение России получило огречение в мемуаре, подготовленном консулом Базини, затрагивающим статус христиан на Востоке: «все христиане, без различия культа, должны состоять под покровительством Европы. Все изменения, которые султан пожелал бы сделать относительно их в будущем, должны быть предварительно заявлены державам, участвующим в гарантии христианских привилегий»³⁷.

Встречные притязания противоборствующих сторон, при осознании необходимости поиска взаимоприемлемости, завершились компромиссным Парижским трактатом 18 марта 1856 г. Россия уступала Карс и ряд занятых территорий в Малой Азии взамен захваченных западными союзниками городов Крыма. Состоялась незначительная уступка границ Бессарабии. Черное море было объявлено нейтральным, что означало постоянную военную угрозу для российского южного подбрюшья. Россия лишилась права единичного вмешательства в дела христиан Турции. Девятая статья трактата утвердила указ султана с его «великодушными намерениями» относительно христианского населения. При этом все договаривающиеся стороны обязались не вмешиваться в дела Османской Турции: «оно ни в каком случае не даст сим державам права вмешаться совокупно или отдельно, в отношении е. в. султана к его подданным и во внутреннее управление империи его»³⁸. Участники мира приняли обязательство уважать территориальную целостность Османской империи, признанной равноправным участником «союза европейских держав». Спорные вопросы между членами союза, в том числе и Турцией, согласно седьмой статье предстояло решать полюбовно.

Завершившаяся активная фаза Восточного кризиса сменилась пассивной. Перед Россией встала проблема поиска средств для возвращения утраченных позиций в Османской Турции и ликвидации ограничений, наложенных Парижским трактатом, 26 февраля 1857 г. ген. м. генерального штаба И. Ф. Бларамберг подал военному министру записку «О значении для России Каспийского моря, как торгового пути в Центральную Азию». Являясь военным

агентом в Персии, Бларамберг досконально знал местную политическую кухню³⁹. Персия рассматривалась объектом соперничества России и Англии. В 1854 г. Петербургский двор добился успеха, заключив с Тегераном конвенцию о нейтралитете, имевшем важное значение для Крымской войны. Лейтмотивом дискуссий Бларамберга являлась мысль о политико-экономической конфронтации Англии и России в Азии: «Вникая в основные причины войны (Крымской — В. Т.), еще недавно полыхавшей между обеими державами, можно понять, что борьба России с Англией, была преимущественно коммерческой и что политика послужила ей только поводом. А потому остановить успехи России в Азии и если не уничтожить то, по крайней мере, парализовать наше значение в этой части света — вот жизненный вопрос Ост-Индской компании, и для всей Англии, вот вопрос, который для них несравненно важнее, нежели уменьшение нашего влияния в Константинополе»⁴⁰. Время после Парижского трактата рассматривалось катализатором усилий Великобритании по закреплению влияния на Среднем Востоке. Османская Порта предоставила ей право проведения железной дороги через Сирию к Ефрату. Усиливалось «моральное влияние» в Афганистане. Занятие Персией афганского княжества Герат явилось поводом для объявления войны Великобританией 1 ноября 1856 г., позволившее занять порт Бендер-Бушир и о. Карран на Персидском заливе. Номинально речь шла о нежелании оставлять в руках персов Герата как «ключа к Индостану», на деле шла подготовка к проникновению в Центральную Азию⁴¹. Франция и Турция, по словам главы внешнеполитического ведомства Горчакова, пребывали в роли «равнодушных зрителей». Россия проявляла заинтересованность в сохранении дружественных отношений с Персией, недопущение закрепления в регионе Англии⁴². Выход Бларамберг усматривал в основании консульств российской коммерции⁴³. Завершение англо-персидской войны 4 марта 1857 г., хотя и не принесло территориальных приобретений, позволило Сент-Джеймскому кабинету укрепить позиции при Тегеранском дворе. Усилилось русско-английское противоречие⁴⁴.

Западные державы в Турции, защищая свои интересы, содействовали преобразовательным потугам режима султана. Принятые меры оценены в России припарками для одряхлевшей державы: «После 1856 г. к постели «больного» были приглашены искуснейшие врачи-специалисты, уверявшие, что «больной» вовсе не безнадежен, как будто в одряхлевшем теле какою-либо мистурой можно вселить новых дух, сделать тело опять сильным»⁴⁵. Прагматически мыслил русский посол в Париже граф П. Д. Киселев. В записке «Армяне на Востоке», поступившей в министерство ино-

странных дел в начале 1857 г.⁴⁶, он высказался за использование просвещенного армянского духовенства в видах азиатской политики России. Предлагалось использовать возможности четырех армянских архимандритов из католической конгрегации мхитаристов в главе с Габриелем Айвазовским, заявивших о возвращении в лоно родной церкви, приобретших ученое имя преподаванием в двух армянских училищах Парижа. Намечалось пригласить их в Россию с организацией армянского училища в Одессе, Бессарабии либо Крыму для подготовки просвещенных пастырей зарубежных армян⁴⁷. Повелением царя Александра II, по представлению Горчакова, мнение Киселева поступило на заключение наместника Кавказа А. И. Барятинского и министра внутренних дел С. С. Ланского, давших положительное согласие⁴⁸. Кончина верховного католикоса Персеса Аштаракеци внесла новый ракурс. Известный маринист Ованнес Айвазовский и Христофор Лазарев выступили за избрание отца Габриеля главой армянской церкви. Если в первом говорили братские чувства, то второй с ним связывал надежда по просвещению армянского духовенства. Царь, по рекомендации Барятинского, отдал предпочтение бывшему константинопольскому патриарху Матевосу Чухаджяну как лицу лояльному к интересам России и имевшему значительный вес среди западно-армянского духовенства. Первосвященником избран Матевос, а архимандрит возглавил Халибовское училище в Феодосии и Нахичевано-Бессарабскую епархию⁴⁹. 14 июня 1858 г. Айрапет прибыл в Тифлисе. На следующий день во дворце наместника Кавказа состоялось торжественное вручение высочайшей грамоты об утверждении в сане и награждении знаками ордена св. А. Невского с алмазами⁵⁰. Первый западноармянский иерарх возглавил армянскую церковь при самодержавии.

Объединение западных и восточных армян вокруг Эчмиадзинского престола вызвало тревогу Запада. Возникло давление на светские и духовные круги армян Османской Турции. Западная часть армянского народа встала перед выбором альтернативы политического будущего: развитие при содействии западных держав, достижение соглашения с Османской империей, переход под протекторат Российской державы. 8 мая 1859 г. Духовное собрание армян Константинополя приняло постановление к Эчмиадзинскому Синоду. От имени духовных и светских лиц армян Турции заявлено о восстановлении дружественных отношений с св. Престолом. Избрание нового верховного патриарха намечено осуществлять не «Положением» 1836 г., а временными правилами, утвержденными правительством при выборах католикоса И. Карпеци. Эчмиадзинский Синод должен был иметь 12 членов: шесть от российских армян, четверо из Турции, по одному из Персии и Запада

(Молдавии и проч.). Выражено согласие на посылку представителя Эчмиадзинского престола в Константинополь. Чтобы избежать вмешательства в внутренние дела армян Турции, оговаривался запрет на его избрание наместником либо константинопольским патриархом в течение трех лет пребывания. Признана верховная власть Эчмиадзинского престола, право созыва духовных соборов, посвящения в епископы и рассылки св. миро. На соборании светских и духовных представителей (народный собор) допущено изменение правил функционирования общецерковной организации. Титулярные патриархи Иерусалима и Константинополя рассматривались главами местных армянских общин. К таковым же причислены католикосы Сиса и Ахтамара. Жалобы на католикосов Сисского, Ахтамарского и Иерусалимского подлежали ведению Константинопольскому духовному собранию, что подчеркивало его доминирующую роль среди армян Османской Турции. Некоторые дела подлежали компетенции Эчмиадзина, требующего соответствующие разъяснения от Константинопольского патриархата. Намечено образование высших духовных училищ в Константинополе и Иерусалиме. Документ подписали видные духовные иерархи во главе с константинопольским патриархом Геворком Брусским⁵¹. Документ регламентировал взаимные отношения армян Османской Турции с Эчмиадзинским престолом, требовал увеличения их веса в общенациональной церковной организации. Проявлена лояльность к Эчмиадзину, очерчены собственные права. Однако требования о представительстве в Эчмиадзинском Синоде, возврате к «временным правилам» избрания верховного католикоса оказались маловажными в силу преобладающего замещения западноармянскими иерархами Эчмиадзинского престола.

Плодом восточной политики Запада, в первую очередь Франции⁵², явилось утверждение султаном «сахманадрутюна» (национальной конституции) армян Османской Турции 17 марта 1863 г., предоставлявшей им определенные права самоуправления в духовной и светской сферах. Создано Национальное собрание, состоящее из 80 депутатов от Стамбула, 20 от духовенства и 40 из армянских провинций. Преимущество получила зажиточная армянская община из Константинополя⁵³. Представляя армянам определенный статус, Власть Порты стремилась парализовать влияние России. Константинопольский патриарх, епархиальные начальники и настоятели монастырей могли быть лишь турецкоподданными. Стал рассматриваться вопрос об устройстве высшего духовного училища. Султан изъявил желание послать в Париж на обучение восемь мальчиков⁵⁴. Пошатнулось влияние Константинопольского патриарха. Упало значение Эчмиадзинского престола. В лице Национального собрания создан политический центр армян Ос-

манской империи, независимый от России. Внешнеполитическое ведомство было вынуждено констатировать: «Значение Эчмиадзина сильно пошатнулось и центр тяжести в армянских делах перешел в Константинополь, в руки враждебных нам западных держав»⁵⁵. Национальное собрание стало пропагандировать взгляды национального возрождения, получивших наименование «Молодая Армения»⁵⁶. Активная религиозная пропаганда велась западными державами в Персии, сопровождавшаяся открытием бесплатных училищ по воспитанию армянского подрастающего поколения. Внешнеполитическое ведомство России в 1864 г. с тревогой сообщало министерству внутренних дел: «Распространение католицизма и протестантизма сопряжено с усилением влияния Франции и Англии, и уменьшением значения России на Востоке»⁵⁷.

Противодействуя росту влияния Запада на зарубежных армян самодержавие предприняло ряд мер. По примеру Халибовского училища в Феодосии, предназначенного для обучения армяно-русского юношества, намечено открытие аналогичного училища в Астрахани для молодого поколения армян из Персии. Предложено вывести Агабабовское армянское училище, основанное еще в 1804 г., из подчинения министерству народного просвещения и возвращения статуса частного заведения⁵⁸. Поднят вопрос о пересмотре «Положения» 1836 г. Применены репрессии в отношении сторонников «Молодой Армении» в Петербурге, Москве и на Кавказе. В 1866 г. верховным католикосом избран западноармянский иерарх Геворк Брусский. Страх перед сепаратизмом российских армян оказался несостоятельным⁵⁹. Рост туркофильских настроений в среде армян Османской Турции вскоре пошел на убыль из-за ухудшения условий развития. 27 ноября 1870 г. константинопольский патриарх Мкртич Хримян вынес на обсуждение Национального собрания вопрос по рассмотрению накопившихся жалоб и докладов, завершившийся созданием специальной комиссии «для исследования причин порабощения армянского населения в провинциях и изысканию мер к предотвращению». Под председательством епископа Нерсеса Варжапетяна девятичленная комиссия 8 октября 1871 г. представила доклад об ужасном положении армянского населения Турции. Намечены определенные меры по обеспечению жизни и достоинства армян. Переработанный вариант доклада поступил в канцелярию великого везира (Садр Азаму). В 1876 г. Национальное собрание направило расширенный доклад султану Махмуду V и турецкому правительству. Факты «бесчинства и злоупотреблений» остались без ответа. Реформы не были осуществлены⁶⁰.

Сан-Стефано Борьба угнетенных народов Османской империи за независимость в середине 70-х годов XIX в. вплотную поставила Россию перед необходимостью определения своей позиции. Русский посол в Константинополе Н. П. Игнатьев, именуемый османами «москов-султан» за бесцеремонное воплощение политики Петербургского двора¹, представил в августе 1876 г. на рассмотрение правительства программу-минимум требований к Блистательной Порте из шести пунктов. Первые четыре затрагивали решение статуса славянских народов (Черногория, Сербия, Болгария, Герцеговина и Босния), пятый требовал улучшения положения христиан в других местностях Турции, а последний касался деятельности баши-бузуков в Европе и возможности переселения сюда кавказских горцев. Реализацию программы намечалось осуществить совместными усилиями европейских держав, что вытекало из решений Парижского конгресса. Непосредственно армян затрагивал пятый пункт. Установление реального равенства между мусульманами и христианами считалось маловероятным, но стремление к нему признавалось желательным для единства действий европейских государств: «Хотя достижение этого последнего результата невозможно на практике, но державы обязаны выразить свои пожелания в этом смысле для поддержания последовательности европейской политики и в отношении к общественному мнению, ожидающему улучшения участи всех без исключения, христианских подданных султана»². Предусматривался европейский контроль, в течение года за ходом реформы на христианских территориях Турции. Общая установка предложения Игнатьева имела геополитическое значение, затрагивая интересы великих держав. Если ранее «великодушие» царя Николая I обеспечило существование Османской империи на двух континентах — Европе и Азии³, то теперь ее пределы сводились практически к малоазиатской территории.

Военное обоснование принятой программы-минимум было разработано военным министром Д. А. Милютиним, опасавшимся лишь противодействия великих держав в виде новой Крымской войны⁴. Были подготовлены «Военные соображения. На случай войны с Турцией со стороны Кавказа». Значение местного театра боевых действий признавалось исключительно значимым для интересов Российской империи: «По естественному включению на юг, Россия, хотя и в отдаленном будущем, должна будет завладеть всей Малой Азией, а той, которому будет принадлежать эта древняя колыбель рода человеческого, омываемая пятью великими морями, станет повелителем мира»⁵. Возможные неудачи на евро-

пейском театре боевых действий, исходя из предшествующего опыта русско-турецких войн, намечено компенсировать «успешными приобретениями на востоке». Общая численность населения азиатских владений Блистательной Порты исчислялась в 16,5 млн. Естественным союзником России представлялись армяне, составляющие, по крайней мере, 1,5 млн. чел. Ход военной кампании намечал занятие территории Турецкой Армении, при содействии армян, и состоял из трех этапов: 1. Постепенное овладение Карсом, Эрзерумом и Баязетом; 2. Подчинение Эрзерума, Байбурта и развитие боевых действий к озеру Ван и Месопотамии; 3. Прикрытие передней линии занятой территории силами главного армейского резерва в г. Сивасе, в 350 верстах за Эрзерумом. Царь Александр II был поставлен также в известность, что слишком успешный исход войны с Османской империей невыгоден России по военным соображениям: «Пока турки владеют Балканским полуостровом, они так же слабы в Азиатской Турции, как и в Европе; но раз, выгнанные из Европы, они будут иметь возможность сосредоточить все свои военные средства в Малой Азии и тогда, борьба с ними будет уже намного труднее»⁶.

От русской дипломатии царь потребовал осуществления принятой программы. Игнатьеву в Константинополе удалось добиться обращения ряда армянских деятелей к России о покровительстве, которое, однако, было дезавуировано сторонниками западной ориентации, распустившими слух об аресте верховного католикоса Геворка IV, сосланного якобы в Сибирь на «хлеб и квас»⁷. Практическим результатом явилось прошение четырех тысяч армян к Айрапету с указанием своего бедственного состояния в Османской империи: «Ныне нам, отчаявшимся, остается обратиться к Западу, быть может, христианские государства и народы посочувствуют армянам и ту защиту, которую намерены оказать болгарам соизволят пожаловать и нам». Главе армянской апостольской церкви предлагалось обратиться за содействием к европейским державам: «Надлежит Вам, отец наш, набраться решимости, дабы разъяснить и показать народам христианским бедствия сынов древней Армении и попросить помощи для облегчения нашего положения»⁸. В свою очередь, известный общественный деятель Г. И. Арцруни обратился к наместнику Кавказа вел. кн. Михаилу Николаевичу от имени армян Тифлиса о ходатайстве перед царем об избавлении от тяжелых страданий единоверцев и соплеменников в Азиатской Турции. Решение армянского вопроса ставилось в зависимость от воли самодержца⁹. В декабре 1876 г. закончилась провалом Константинопольская конференция послов об урегулировании отношений между Османской Турцией и славянскими народами. Несостоятельной оказалась попытка титулярного патриарха Нер-

сеса Варжапстяна и Национального собрания добиться рассмотрения армянского вопроса в ходе конференции. При этом было использовано содействие английского посла¹⁰.

Печальный исход мирного мессианства в отношении славян побудил самодержавие использовать военные средства воздействия на Ближательную Порту. «В своем движении на Восток, — отмечает историк Ф. Уманец, — русский народ отличается в одно и то же время свойствами орка, саранчи и лисицы. Он берет по праву сильного, где нельзя силою, он берет умом; где не берет ни то, ни другое — он одолевает пассивным сопротивлением»¹¹. 7 февраля 1877 г. военный министр Милютин доложил царю о готовности вооруженных сил к боевым действиям: «Армия наша готова и так устроена как никогда». Политические перспективы решения военным путем конфликта с Османской империей были признаны удовлетворительными: «Франция и Италия склонны воздержаться от прямого участия, даже сама Англия торжественно заявила, что не намерена действовать ни против, ни за Турцию. В этом положении Европы много фальши; но к счастью, от нас самих зависит не дать этой фальши всецело развиться против нас. Быстрый, решительный успех нашей армии может сильно повлиять на мнение Европы и вызвать ее на такие успехи, о которых теперь нельзя и думать»¹². Командующим Кавказской армии, при сохранении поста главнокомандующего за вел. кн. Михаилом Николаевичем, указан ген. ад. Лорис-Меликов³. Учено армянское происхождение известного военно-административного деятеля. В предверии войны Лорис-Меликов посетил Эчмиадзин для испрошения кондака у Айрапета под формальным предлогом, чтобы армяне Турции не оказывали противодействия русской армии. Реально же преследовалась цель усилить их содействие. Подоплека просьбы оказалась разгаданной. «К несчастью, — заявил Геворк IV, — армяне Турции как до сих пор помогали русской армии, так и теперь будут помогать, особенно, когда во главе ее, сын мой, находятся такие армянские полководцы, как ты и Лазарев. Поэтому мне, католикосу, нет необходимости включаться в эти политические игры»¹⁴. Вышеказанное означало проявление прагматического нейтралитета к интересам Российской империи, учитывающего возможные тяжелые последствия для армян Османской империи при откровенно прорусской позиции главы армянской церкви.

5 апреля 1878 г. государственный канцлер России Горчаков в циркуляре к послам в Берлине, Вене, Париже, Лондоне и Риме признал «исчерпанными» все возможности мирного решения положения славянских народов в Турции при содействии великих держав Европы. Предписывалось разъяснить европейским дворам, что отказ султана от реформ в пользу христианских подданных

позволил самодержцу России предписать войскам перейти границы Ближательной Порты¹⁵. 12 апреля последовал официальный манифест о военной защите Россией правоверных славян от «угнетений» Турцией¹⁶. Трезвый анализ перспектив боевых действий в Азии и Европе дала газета «Виснер Пресс». Весь ход боевых действий сводился преимущественно к захвату крепостей в Армении и Болгарии. Представлены их последствия для гражданского населения и последующего мира: «Рядом с этим будет вести гверильская война в горах, от которой более всего потерпит население Армении. Но окончательные результаты этой войны скажутся, по примеру прошлого, не в Азии, а в Болгарии, хотя бы турецкая армия в Армении потерпела такие же тяжкие поражения, какие она понесла 23 и 49 лет тому назад»¹⁷. В начале войны среди армянских кругов России возникла определенная эйфория, связанная с возможностью улучшения положения армян благодаря успехам русского оружия. Появились публикации, отражавшие активное участие армян в предшествующих войнах — «Армянский полк, сформированный в 1827 г.», «Участие армян в завоеваниях России в Закавказье»¹⁸. Вскоре наступило отрезвление. Корреспондент «Тайме» в августе показал последствия боевых действий для Турецкой Армении: «Положение армян в стране, по которой прошла армия Исмаил-паша, крайне бедственное. Из 122 деревень Алашкертской равнины все, за исключением девяти, полностью разрушены... В Мушском округе некоторые деревни были разрушены, а многие жители вырезаны. Город Баязет и окрестные селения удостоились той же участи. В большинстве этих мест мужчины, женщины и дети были убиты самым жестоким образом»¹⁹. Десять тысяч человек бежало в Персию; 3 тыс. семейств алашкертцев спас отряд ген. Тер. Гукасова. Сходную картину зверств рисовала «Дейли Ньюс», «По совершенному безумию они вполне равняются, если не превосходят турецкие деяния в Болгарии»²⁰. В этих условиях возмущенная армянская общественность Баку, Даралагяза, Пятигорска обратилась к католикосу Геворку IV о ходатайстве перед царем об освобождении армян Османской империи: «Дать конец угнетению турецких армян и распространить на них ту же свободу, какая будет гарантирована для славянских народностей Турции»²¹. Создавались комитеты по оказанию помощи беженцам армянам. Верховный патриарх, прагматизм которого относительно последствий помощи армян русским формированиям оправдался, предписал духовенству собирать пожертвования в пользу переселенцев.

Происходящее не укрылось от взора русской дипломатии. Представитель в Константинополе доносил в июле: «Турецкие славяне, угнетаемые и угнетенные своим правительством, восстали

против него с оружием в руках. Турецкие армяне, разделяющие с ними эту горькую участь, переносят сверх того, нескончаемые пытки от бесчинств и зверств курдов и ограничиваются стенаниями и жалобами». Для политических интересов России предлагалось предпринять ряд публичных мер для «ободрения» армянского населения, вселения в него надежды на будущее улучшение участи. Предложение мотивировалось текущими и долгосрочными интересами самодержавия: «С одной стороны, надо было бы и словом, и делом успокоить, ободрить, оградить заграничную часть Эчмиадзина, столь нам преданную и потому готовую служить нашим интересам, и тем самым обеспечить себе их сочувствие на будущее время. С другой, необходимо, чтобы свет, заодно с турецкими армянами, не мог упрекнуть Россию в том, что она под влиянием идеи панславизма делает выбор между турецкими христианами, жертвуя всем для своих единоплеменников и единоверцев и оставляя других в пренебрежении на жертву мусульманского фанатизма». Внесены некоторые соображения: «Во всяком случае, было бы полезно чрез открытие повсеместной подписки, или чрез какое-либо предприятие с благотворительною целью оказать им материальное пособие; а чрез заявление правительства, успокоить их в том, что нужды их не будут оставлены без внимания»²². Роль разрядки общественного мнения, показания почтения правительства стали играть комитеты помощи беженцам и петиции армянских обществ о покровительстве царя армянам.

В начале 1878 г. султан Абдул-Гамид запросил мира у царя Александра II²³. 12 января в Зимнем дворце состоялось совещание самодержца с представителями военного и дипломатического ведомств, посвященное основам предстоящего мира. Был заслушан вариант проекта, представляющий собой развернутое изложение шести пунктов программы-минимум требований к Ближневосточной Порте. Важным нововведением являлось определение размера контрибуции в 1410 млн. руб. сер. (900 млн.— военные расходы, 400 млн.— экономический ущерб, 100 млн.— убытки населения Закавказья, 10 млн.— потери русских подданных и учреждений в Турции). Часть требуемой суммы, учитывая тяжелую платежеспособность Османской империи, решено заменить территориальными приобретениями. В их число вошла часть территорий Армении и Лазистана (Ардаган, Карс, Кагызман, Батум). Проект был одобрен единогласно. По мнению главы министерства иностранных дел канцлера Горчакова, разработанные условия мира имели «умеренный характер» и не могли вызвать раздражения Европы. Уполномоченным по ведению переговоров назначен Игнатъев²⁴. Спустя семь дней в Адрианополе состоялось подписание перемирия. На-

чат процессе политического и юридического оформления результатов завершившейся войны²⁵.

По инициативе Константинопольского патриархата и Национального собрания в повестку дня встал армянский вопрос. Ставка главнокомандующего русской армии вел. кн. Николая Николаевича являла собой стан римского триумфатора, к которому спешили представители различных народов для отстаивания собственных интересов. Присутствовали делегации народов Балканского полуострова и греческая община Константинополя. Даже шах Персии желал русского содействия для улучшения границы с Турцией. В стане увещали, наставляли, вразумляли многочисленных просителей. Игнатъев доносил Горчакову: «Гораздо труднее образумить армян, которые тоже осаждают меня своими просьбами и ставят меня в затруднение. Не только армянский патриарх Константинополя решился прислать, через своего викария адрианопольской епархии, открытое поздравительное письмо главнокомандующему, которое было вручено торжественно его высочеству, но высшие чиновники оттоманские, армянского происхождения, прибыли из Константинополя, чтобы открыто просить покровительства России. Так, например, Нурьян-эфенди, член Государственного совета, и Степан-паша, главный директор военного министерства, оба бывшие вице-председатели знаменитого армянского совета явились в Адрианополь под предлогом дел Красного полумесяца, но в действительности, чтобы достигнуть автономии Армении»²⁶. Новая делегация подтвердила желание Константинопольского патриархата достичь самоуправления для Западной Армении. Прошение с письмом патриарха Нерсеса Варжапетяна, с аналогичными представлениями христианских народов Османской империи, направлено Горчакову для представления царю. 13 февраля Горчаков поставил в известность Игнатъева о расхождении прошения Варжапетяна с проектом наместника Кавказа Михаила Николаевича о присоединении к России лишь части Лазистана и Армении. Предлагалось не выходить за пределы инструкции и не обременять высшую власть: «Вам, вероятно, известно предположение великого князя Михаила Николаевича касательно ограниченного проведения новой границы в Армении, одобренного государем. Предположение это не согласуется с надеждами и желаниями патриарха. Когда вас затрудняет какой-либо вопрос, касающийся будущего договора, ограничивайтесь заявлениями, что он не предвиден в ваших инструкциях и войдите с представлениями в Петербург обыкновенным путем»²⁷. В конечном счете самодержавие санкционировало лишь ограниченное почтение об армянах Турции.

19 февраля 1878 г. в предместье Константинополя, местечке Сан-Стефано, был подписан мирный договор между Российской

державой и Османской империей. России, в качестве территориальной уступки части контрибуции, передавались Батум, Карс, Ардаган, Баязет и Алашкертская равнина до Соханлу, проходу к Эрзеруму. Блистательная Порта 16 статьей взяла на себя обязательство провести реформы по выводу русских войск из «территорий, которые они занимают в Армении», отвечающие местным потребностям и гарантирующие безопасность провинций с армянским населением от курдов и черкесов. Россия добилась признания независимости Черногории, Сербии и Румынии, автономии Болгарии, реформ для Боснии и Герцеговины, острова Крит. 25 статья договора предусматривала вывод русских войск из Азиатской Турции в течение шести месяцев после окончательного мира²⁵. Последнее означало проведение реформ в Турецкой Армении под надзором русских войск и русской администрации.

Национальные деятели   Позиция ведущих держав в период подготовки Сан-Стефанского договора и созыва Берлинского конгресса для его утверждения стимулировала появление различных подходов армянских деятелей к освобождению Западной Армении. Деятели, знавшие умонастроения Петербургского двора, допускали лишь отторжение части Западной Армении от Османской империи и присоединение к России. Верховный католикос Геворк IV 19 ноября 1877 г. представил русскими войсками Карса, содержащий концепцию развития армянского народа. История Армении представлена полем брани различных народов. Наибольший урон нанесли турки: «Со всех сторон вторгнувшиеся в Армению старались покорить и истребить ее жителей, особенно после падения Армянского царства из Киликии, в 1393 г.»¹. В истории русско-армянских отношений выделено значение 18 и 19 вв. Высоко оценено правление Петра Великого и Екатерины, которые «пожелали принять армян под свое покровительство, и особливо обращая сострадательное внимание на живущих в владении Персии Араратской и Азербайджанской областях»². Исключительность роли «восходящей северной звезды» для истории Армении в 19 в. представлена на примере решения Николая I создать Армянскую область, внесенную в царский титул. Подчеркнут вклад генерала Бебутова в Крымскую войну, когда русские войска под его предводительством громили турок и осадили крепость Карс. Благословлено третье взятие Карса российскими формированиями (1828, 1854 и 1877). В завуалированной

форме представлена мысль об оставлении Карса в пределах «нашего отечества»³.

Осторожность адреса диктовалась знанием ахиллесовой пяты политики самодержавия — утверждения влияния на армян Востока посредством Эчмиадзина. В конце шестидесятых и начале семидесятых годов Геворк IV принимал активное участие в реализации этой цели. В дальнейшем же Айрапету пришлось отстаивать канонические прерогативы и самостоятельность церковно-приходской системы образования от посягательства со стороны царизма. Внешнеполитическую задачу стремился реализовать уполномоченный России для заключения мира граф Игнатъев, включивший в первоначальный текст Сан-Стефанского договора абзац о признании Османской империей «духовного верховенства» главы армянской церкви над ее армянскими подданными⁴. Против выступили Турция и Великобритания. Первая не желала предоставлять России официального повода для вмешательства во внутренние дела, а вторая, помимо вышесказанного, стремилась к созданию из Константинопольского патриархата послушного исполнителя собственных установок. Игнатъев уступил, поскольку Россия 16 и 25 статьями Сан-Стефанского договора о реформах в Армении и присутствии там своих войск получила правовой-международный аргумент попечительства над армянским населением Блистательной Порты. Задним числом впоследствии отказ от идеи главенства Игнатъев объяснял нежелательностью усиления международного веса Эчмиадзина, исходя из потребностей внутренней политики на Кавказе и пресечения сепаратистских настроений. Аргументация, однако, выражала позиции министерства внутренних дел и руководства Кавказа, стремившихся с середины 60-х годов XIX в. ограничить значение Эчмиадзина как политического центра армян для слияния окраины с метрополией, а внешнеполитическое ведомство, во имя долгосрочных интересов самодержавия, выступало против.

В формировании общественного мнения активность проявлял руководитель г. «Мпак» Арцруни, настойчиво призывавший армян Османской империи (1876—1878), по примеру балканских народов, завоевать самоопределение вооруженным путем. Воплощение установки обусловило бы появление нового политического очага напряженности в Малой Азии, отвлекло бы внимание турок от Балкан, но игнорировались последствия преждевременного выступления для соплеменников. Призывы умереть во имя свободы, чем жить по старому⁵, сопровождалась последовательной ориентацией на Россию. Предоставляя самодержавию возможность решения армянского вопроса в Османской Турции по собственному усмотрению, Арцруни находил заявления о готовности Англии

представить автономию Турецкой Армении «пустыми» декларациями. Начиная с крестовых походов, Европа использовала борьбу восточных народов против мусульман в собственных интересах. Единственная реальная помощь для армян ожидалась от России⁶. Значительную роль сыграл Лорис-Меликов, представивший царю записку о новых границах 27 апреля 1878 г. В ней Батум представлен центром морской торговли, военно-стратегическое значение которого уступало приобретению Карса, Эрзерума, Баязета и Алашкертской равнины⁷. Никаких головокружительных решений армянского вопроса не содержал проект египетского деятеля Нубар-паши (1878 г.). Подчеркнуто провозглашался отказ армян Османской империи от политической независимости. Пределом мечтаний армянского населения представлено желание обладать свободами и учреждениями, гарантирующими их имущество, честь и достоинство. Предлагалось: назначить для армянских территорий Турции единого управляющего из христиан; создать общественную стражу из армян и мусульман для соблюдения общественного порядка; организовать систему суда и административного надзора; определить финансовые обязанности. Проект носил отпечаток предложений русской дипломатии для части христианского населения Балканского полуострова. Учитывались реалии политики великих держав и Османской империи⁸.

Прагматизм западноармянских деятелей обуславливал ориентацию на Англию и Россию, перемену подходов к решению проблемы освобождения Турецкой Армении. Успехи русского оружия поставили армянских деятелей перед выбором политического поведения. Номинально христианское население Турции, составляющее в Малой Азии 3 млн. чел. — большей частью армяне, согласно конституции 1876 г., имело равные права с мусульманами, пользовалось свободой вероисповедания⁹. Однако, даже в Константинополе, более доступном новациям, армяне не могли выйти за определенные пределы. Русский современник в Константинополе на вопрос о причинах наличия руин в центре города получил следующий ответ: «Это один богатый армянин заставил построить себе дом лучше всех дворцов, но ему не позволили в нем жить, он его и разрушил; но и по развалинам можно судить, что это было за здание»¹⁰. В условиях конституции «несправедливости» к армянскому населению не прекращались. Призывы константинопольского патриарха Варжапетяна к долготерпению, оставаться верными Турции в условиях жестокостей войны, сказались несостоятельными¹¹. Нахождение значительной части Западной Армении под контролем российских формирований создавало предпосылку, по примеру прошлого, массовой эмиграции армянского населения в Закавказье, ослабления влияния и веса Национального

собрания. Имелось понимание трудностей развития с односторонней ориентацией на опыте турецкой дипломатии. Один из ее представителей отмечал: «Мы заключили бы еще до падения Плевны мир, который удовлетворил бы Россию, если бы не помешали советы английского правительства»¹². Приходилось спешить воспользоваться русским успехом в войне, чтобы не остаться с гулькинским носом.

В декабре 1877 г. Национальное собрание обсудило предложение английского посла в Константинополе Г. Лейярда о приобретении автономии Западной Армении при покровительстве Туманного Альбиона. Предложение отвергнуто, согласно сообщению корреспондента г. «Мшак», по следующим мотивам: «армянский национальный совет не может вполне доверяться обещаниям Англии поддержать на европейской конференции вопрос о даровании автономии Армении, взяв во внимание все то, что Англия обещала и не исполнила по отношению к турецкой империи». Проявлено понимание негативных последствий односторонней ориентации для армянских интересов: «Армянский национальный совет, сочувствуя, в принципе, идее приобретения автономных прав за своим отечеством, тем не менее смотрит на предложение Лейярда, как на английскую интригу, имеющую целью перессорить, с одной стороны, армян с Турецким правительством, а с другой стороны — навлечь недоверие России на армян»¹³. Принято соломоново решение: вести переговоры о самоопределении как с Россией, так и Англией, посвящая, в определенной степени, об их характере турецкую сторону.

В ходе зондажа адрианопольским викарным Русджугьяном мнения Игнатъева о предоставлении Западной Армении статуса Болгарии последний выдвинул формулу: «Армения не Болгария». Вклад армян в победу русской армии в Малой Азии представлен незначительным. Запрошенный статус означал, согласно «основаниям мира», врученным турецкой стороне главнокомандующим русской армии вел. кн. Николаем Николаевичем, обладание следующими прерогативами: создание автономного княжества, выплата дани Порте в знак вассальства, наличие собственного правительства с представительством от христиан и мусульман, вывод турецких войск. Уничижением вклада армян являлось порицание за колебательность в ориентации между Англией и Россией, отказ от безоговорочного следования в форваторе русской политики¹⁴. Игнатъев обвинил двух депутатов Национального собрания Степана Асланяна и Оганеса Нурьяна в безоговорочном потворстве английским интересам. Последние откровенно сообщили об условленности своего политического поведения фактором выживания: «по их убеждению, армяне, чтобы извлекать себе выгоды

и иметь значение в Турции, должны были оставаться преданными Порте, пока можно было надеяться на сохранение Турецкой империи и возрождение оной посредством задуманной Европой преобразований; но так как теперь существование Турции, как великой державы, становится невозможным, то армянам несравненно выгоднее добиваться возрождения Армении под покровительством России»¹⁵.

Начальный вариант программы западных армян предполагал перераспределение территории Армении между Россией и Османской империей. Намечено присоединение «Великой Армении» (Эрзерумский, Ванский, часть Диарбекирского вилайетов, Органский санджак) к Российской державе с объединением вокруг Русской Армении. «Малую Армению» (Сивас, Кайсерия и ряд других территорий), остающуюся в составе Блестящей Порты, предусматривалось реформировать по аналогии с другими христианскими областями империи. Поскольку проект шел вразрез с установкой правительства России, намечавшей лишь присоединение Карского пашалыка, позицией великих держав¹⁶, то было выдвинуто предложение о создании автономного управления для областей Сиваса, Вана, Муша и Эрзрума. Нахождение «в течение некоторого времени» русских войск на этих территориях явилось бы гарантом необратимости реформ и изменением политической судьбы Западной Армении. По сути дела, армянская сторона затребовала статуса автономии, предусмотренного русской дипломатией для Боснии и Герцеговины¹⁷. В «основаниях мира» говорилось: «Босния и Герцеговине будет предоставлено автономное управление, с достаточными обеспечениями. Подобного же рода преобразования будут проведены в прочих христианских областях Европейской Турции»¹⁸. 17 февраля (1 марта) 1878 г. Персес Варжапетян прислал в Адрианополь делегацию с прошением к Александру II и письмом на имя канцлера Горчакова, запрашивая официального покровительства Россией армянскому народу, предоставления армянам Анаголии автономии по примеру христиан Европейской Турции¹⁹. Приложена записка о Турецкой Армении. Предположения константинопольского патриархата расходились с полномочиями Игнатъева. Посему в 16 статье Сан-Стефанского договора от 19 февраля говорилось лишь о реформах в Западном Армении.

Западноармянские деятели использовали все доступные средства для достижения самоопределения, завязав сношения с Россией, Англией и султаном. Координирующую роль выполнял патриарх Варжапетян, предоставивший в феврале записку султану о нуждах армянского народа. Константиновалось отсутствие нормальных условий существования армян в Османской империи: «Мир и безопасность давно уже изгнаны из Армении». Вина за

сложившееся положение возложена на деятельность курдов и черкесов, малоэффективность администрации и отсутствие правоохранительного режима. Предсказано, при развитии существующих порядков, увеличение эмиграции в Русскую Армению. Представлены ожидания армян от Блестящей Порты: гарантия собственности, личности, труда, церковных и школьных учреждений, преобразования управления армянских территорий в духе времени²⁰. В Петербург отправлен Хорен-Нар-бей (Мусинян) с предложениями патриарха Варжапетяна, а в Эчмиадзин — М. Измирлян для оповещения о миссии первого верховного каталоса Геворка IV. Оба епископа, прибыв в начале марта в Одессу, разъехались для выполнения возложенных поручений. В столице Нар-бей имел встречи с генералами Лорис-Меликовым, И. Я. Лазаревым и видным служащим министерства внутренних дел К. Эзовым²¹.

Правительству России был представлен проект самоуправления Турецкой Армении. Намечена трехступенчатая система управления: генерал-губернаторство, губернаторство и уезды. Генерал-губернатор долженствовал быть представителем армянского вероисповедания, назначаемым султаном с согласия царя. Руководители двух других ступеней, также принадлежа к армянскому исповеданию, избирались из депутатского совета Армении и утверждались лишь Блестящей Портой. Суды, свободные от норм шариата, жандармерия и полиция надзирались армянами. Предусматривалось введение упорядоченной финансовой системы, разоружение турок и упразднение льгот курдов, сохранение самоуправления Зейтуна. Предполагалось принятие административного статуса Армении, подлежащего утверждению султаном с конфирмацией царя. Проект являлся отражением турецкой административной системы (вилайеты — генерал-губернаторства, санджак — губернии, казы — уезды), наполненным армянским содержанием с использованием эскиза реформ для Боснии и Герцеговины. Такой подход был призван облегчить восприятие пакета реформ для всех заинтересованных сторон. Нар-бей получил дружеский прием у Горчакова и царя Александра II. Первый заявил о трудности реализации предложенного из-за противодействия Англии и Турции, а второй ограничился выражением своей приязни:²² «Передайте соплеменникам, что я люблю армянский народ»²³. Внимание ободрало, но к самоуправлению не приближало.

Более разительный ответ получил Измирлян в Эчмиадзине, добравшийся туда с приключениями и потерявший неделю на аудиенцию у Геворка IV: «Пойди скажи этому болтуну (Варжапетяну — В. Т.), чтобы от этих глупостей отступился. Султана лучше для армян, чем царь»²⁴. Приведенная фраза послужила основой для формирования точки зрения о «русофобстве» главы армянской

церкви²⁵. Первая половина ответа Айрапета «болтуну» имела связь с политическим шоу вокруг миссии Нар-бея. 22 марта венская г. «Политический корреспондент» сообщила из Константинополя об этой новости с разъяснениями Варжапетяна: «Здесь патриарх, известный своей привязанностью к Порте, отказал ему (Нар-бею — В. Т.) в верительном письме и грозил даже от него отступить, если он не уверится заранее в согласие «католикоса», т. е. вселенского патриарха армян на поездку его в Петербург»²⁶. Сообщение было перепечатано закавказской прессой. Вторая часть ответа представляет собой защиту Варжапетяна от репрессий турецкого режима. Владыка был в курсе восточной политики самодержавия в Малой Азии²⁷. В ноябре он направил поздравительный адрес наместнику Кавказа по случаю взятия Карса и возможности присоединения к «нашему отечеству». Не был Айрапет и против посылки делегации восточных армян в Адрианополь для встречи с русскими уполномоченными по включению армянского вопроса в мирный договор. В адресе, представленном Игнатьеву на имя царя, говорилось о желании видеть восточную и западную части Армении в составе России, связывая исключительно с ней развитие армянской нации²⁸. Факты показывают, что Геворк IV не был русофобом.

Пожелания армянской стороны встретили определенный резонанс в русской прессе, часть которой проявила армянофобские поползновения. В январе 1878 г. публицист М. Венюков в г. «Голос» осудил армян за желание «присоединить часть Турецкой Армении к России». Негативность выступления имела связь с позицией наместника Михаила Николаевича, видевшего лишь проблемы в сохранении самобытности инородцев. «Армяне, — отмечено Венюковым, — уже ныне составляют бремя для России, потому что, пользуясь своею коммерческою ловкостью под покровом русской власти, эксплуатируют все остальное население Кавказа, ... а теперь спокойно думают, что без них не могут жить даже самые русские. Усилясь в числе они станут еще вреднее». Заключительный пассаж прямо отражал озабоченность кавказской администрации от перспективы расширения пределов Русской Армении: «Вот почему нам кажется, что чем менее будет объем земель, которые в случае успешного мира мы возьмем в Турции, тем будет лучше». Достойный ответ дал известный кавказский деятель А. Зиссерман в выступлении в г. «Новое Время». Сообщив о неопределенности предполагаемых территориальных расширений, могущих охватить Эрзерум, Карс и Баязет, автор счел все это вопросом будущего. Позиция Венюкова представлена как антидержавная: «Поставить христианскую нацию, хотя бы она до мозга костей вся была тиранически-эксплуататорскою... ниже турок, кур-

дов и черкесов, считать их присоединение крайне вредным для России, а присоединение в Средней Азии хивинцев, иомудов и других разбойничьих мусульманских племен желательным и весьма полезным, воля ваша, уже слишком сильно»²⁹.

Раздражение части российских политиков вызывало наличие туркофильской группировки в западноармянской среде. Венская г. «Политический корреспондент» отмечала: «В числе сановников Порты много армян, отвергающих всякую мысль о присоединении к России и предлагающих взамен того обширную автономию под гурками и английским протекторатом». Результаты миссии Нар-бея в Петербург вызвали разочарование у Варжапетяна и Национального собрания. Активизировались сторонники достижения автономии с помощью Англии и Высокой Порты. Соответствующие настроения подогревал английский посол Лейярд. Программные установки возможной деятельности были разработаны в министерстве финансов с согласия Ахмед-Вефик-паши, при участии Лейярда и Одиян-эфенди. Показательные загрызания с турками не исключали собственного подхода к судьбе Западной Армении. На Запад отправлен бывший константинопольский патриарх Мкртич Хримян, имевший четкие национальные позиции, для выяснения мнений ведущих держав об армянском вопросе. Не разобравшись в сути происходящего, тем более в личности легендарного Мкртича Хримяна, венская газета охарактеризовала эту группировку прагматиков как «туркофильскую», проявившую активность в реализации поставленной цели: «Это небольшая туркофильская фракция отправила смещенного четыре года назад Портою армянского патриарха Хримяна в Париж и в Лондон, чтобы добиться от тамошних кабинетов поддержки этому проекту»³⁰.

Берлинский конгресс

С 13 июня по 13 июля 1878 г. состоялся Берлинский конгресс призванный утвердить условия Сан-Стефанского мира между Российской державой и Османской империей. На конгрессе господствовал трезвый расчёт и меркантильный практицизм великих держав. Каждая из них отстаивала собственные интересы. В открытом противодействии находились политические устремления Англии и России. Первая стремилась умалить результаты славной победы русского оружия, вторая — закрепить достигнутое. Армянский вопрос явился предметом внимания подготовительных дипломатических раутов, оформивших позицию великих держав на конгрессе.

Под давлением ведущих западных держав Россия согласилась

объявить Сан-Стефанский договор прелюминарным (предварительным). Готовясь к европейской конференции, правящие круги пришли к выводу о необходимости «удовлетворить» Англию рядом уступок. Инициативу проявил граф Игнатъев. Будучи послом в Турции, он, в преддверии войны, высказал историческую фразу относительно османов: «Ну, этих оборванцев с их башибузуками мы и шапками закидаем»¹. Теперь же перед Россией стоял первоклассный военный противник. Необходимо было избежать войны. 16 апреля 1878 г. Игнатъев представил канцлеру Горчакову проект возможного соглашения «Временные уступки Англии». При определении границ в Малой Азии были учтены экономические интересы Англии: «Оставить в пределах Турции город Баязет и Алашкертскую долину. Таким образом, Великобритания получила бы удовлетворение уступкою России торгового пути в Персию, проходящего через Баязет»². Уступка являлась значительной. Англия осуществляла «коммерческую эксплуатацию» Персии, вытеснив почти повсеместно другие европейские товары с местного рынка. Продукция русских фабрик сбывалась лишь в Энзели и Астрабаде. Существующий закавказский транзит европейских товаров не оправдывал себя, поскольку более продуктивным являлся трапезундо-тавризский. Осуществление паромства по Нижнему Ефрату предоставило Великобритании возможность завладеть безраздельно югом Персии — Луристаном и Керман-шахом³.

Предусмотрено было взывание с Блистательной Порты контрибуции с уменьшением ее размеров в обмен на приграничные территории. Проект соглашения сочтен Горчаковым компромиссным: «в вашей записке заключаются практические основания для соглашения»⁴. Первым уполномоченным на конгресс царь назначил канцлера, а вторым — посла в Лондоне графа П. А. Шувалова. Намечалось «умаслить» западноевропейских дипломатов, находящихся творца Сан-Стефано графа Игнатъева чересчур заносчивым. Последний постарался сослужить добрую услугу армянскому населению. В подготовленной Игнатъевым «Краткой программе», ориентирующей уполномоченных на конгрессе, указывалось на необходимость требовать от Османской Турции конкретных реформ для Армении: «потребовать от Порты указания на те реформы, которые она ведет в Азии для ограждения армянского населения от неистовств курдов, черкесов и проч. и для достижения личной безопасности христианскому населению»⁵.

Начались кулуарные переговоры с Туманным Альбионом. Суть отношений последней четко выражал обыватель: «Плохи дела России! И куда только лезет со своими белыми медведями и сальными свечами»⁶. На высшем же уровне русскую политику оценивали как макиавеллистскую: «Русская дипломатия чрезвычайно лов-

кая, хитрая, искусная, полная ухищрений и стратегий»⁸. В условиях военного рагрома Османской империи королева Виктория, совершив беспрецедентный шаг, поддержала просьбу султана Абдул Гамида о перемирии с Россией⁹. Планировались акции по посылке флота в Черное море, ввода гарнизона в Батум и установления контроля над Дарданеллами «до тех пор, пока русский солдат не перейдет назад Дунай и не выйдет из Армении»¹⁰. Начались интриги. Армянскому населению Османской империи посол Лейярд обещал автономию на мирной конференции в форме протектората Англии либо Турции. Распускались слухи о создании «нейтрального княжества» на русско-турецкой границе, чтобы «тем самым положить предел движению России на юг»¹¹. Главнокомандующий английским флотом в Мраморном море герцог Эдинбургский обнадеежил армянскую депутацию о возможности решения армянского вопроса. Речь шла о парализовании инициатив русской дипломатии по представлению Армении статуса княжества, предусмотренного для Болгарии, либо автономии типа Боснии и Герцеговины, являвшихся предметом вожделения армянских деятелей. 1 апреля 1878 г. министр иностранных дел Р. Солсбери разослал циркуляр заграничным представительствам о ревизии Сан-Стефанского договора: «В настоящее время невозможно определить, до какого пункта условия договора будут приняты державами»¹².

18/0 мая 1878 г. был подписан лондонский меморандум о признании Сан-Стефанского договора прелюминарным Россией и Англией, внося в него ряд изменений. Относительно Армении обе стороны взяли определенные обязательства. Статья седьмая предусматривала за обеими державами права гаранта реформ в Армении: «Определенные сан-стефанским договором обязательства относительно Армении должны касаться не только России, но и Англии»¹³. Статьей десятой Россия обязывалась возвратить Османской империи Алашкертскую долину и Баязет как главный коммерческий тракт в Персию. Англия согласилась признать за Россией Батум и «завоеванные земли в Армении» (ст. 11), но при этом была заявлено о трудности примирения европейского общественного мнения с расширением границ России в Малой Азии. Взамен признания у России был вырван отказ от дальнейшего продвижения в Армении и пересмотра границ Блистательной Порты: «Границы России не могут быть впредь расширяемы по направлению к Азиатской Турции»¹⁴. Меморандум подписали посол Шувалов и министр Солсбери. «Временные уступки» были реализованы, но слишком дорогой ценой, обесценивающей их позитивное содержание. Россия должна была уменьшить свою роль в решении армянского вопроса, признать неизбежной новую границу с Осман-

ской Турцией в Малой Азии, процесс реформ: поставить под совместный контроль с Англией.

Османская империя неприятно была поражена успешной освободительной миссией России на Балканах и ее территориальными приобретениями. Она рассчитывала, что «солнце османлисов», по крайней мере, «никогда не зайдет над Болгарией»¹⁵, а в Малой Азии, по примеру Парижского трактата, удастся сохранить существующие границы. Известие о предполагаемом статусе Болгарии, автономии в христианских территориях Балкан, преобразованиях в Армении заставили турецкую дипломатию искать новые пути. По Сан-Стефанскому миру Турция теряла в Малой Азии часть Армении и Лазистана, составлявших территорию в 32186 кв. верст. На ней располагались значительные города — Ардаган, Артвин, Ардануч, Баязет, Карс, Батум, Кагзван. Численность населения составляла 335986 чел.¹⁶ Однако гораздо больше опасений вызвало получение Россией стратегического доступа к историческому центру образования государственности османов — Западной Анатолии. Единственный путь спасения Турция узрела в соглашении с Великобританией. 4 июня 1878 г. в Константинополе состоялось подписание «оборонительного союза», предусматривающего за Англией функцию защиты турецких владений в Азии. При сохранении за Россией Батума, Карса, Ардагана в целом или по отдельности обе договаривающиеся стороны обязывались пресечь все ее поползновения на завоевание других территорий в Малой Азии. Взамен султан обещал Англии ввести реформы для улучшения положения христианских и других подданных. Антирусскую позицию Абдул-Гамид стимулировал передачей ей острова Кипр¹⁷. Разрешение армянского вопроса ставилось в зависимость от взаимоотношений Великобритания и Блистательной Порты.

Председательствовал на конгрессе канцлер Германии О. Бисмарк, провозгласивший себя «честным маклером». Под маской непредвзятого арбитра преследовались четкие политические цели. Германия добивалась ослабления ведущей роли России. Об этом Бисмарк откровенно заявил графу Шувалову перед конгрессом: «Я не позволю Горчакову снова влезть мне на плечи и обратить меня в свой пьедестал»¹⁸. Подготавливалась германская экономическая экспансия в Османскую империю в виде проекта инженера В. Пресселя о проведении железной дороги в Малую Азию — прообраз Багдадской железной дороги¹⁹. Проявлялась заинтересованность в манипулировании борьбой угнетенных народов Османской империи для решения геополитической установки: Освобождение Западной Армении рассматривалось запасной картой воздействия. Статус армян сочтен целесообразным к обсуждению на Берлинском конгрессе: «Когда греческий вопрос будет разрешен, — гово-

рил Бисмарк, — тогда наступит момент поднять армянский»²⁰. Подспудно происходила конфронтация Германии с Англией вокруг Месопотамии. Англия реформами для христианских подданных по Константинопольскому договору стремилась контролировать Армянское нагорье для господства в Месопотамии, с недопущением волнений в армянских провинциях в качестве повода для вмешательства России. Германия же надеялась, что султан не забудет ее услугу в армянском вопросе и предоставит льготы для утверждения в Малой Азии²¹.

Германия активную поддержку оказывала Австро-Венгрии для направления ее политической активности на Балканы. Двудеиная империя, потерпев поражение от Пруссии в объединении Германии, стремилась укрепиться новыми приобретениями. В преддверии русско-турецкой войны венский двор добился от России передачи ей Боснии и Герцеговины. Для воплощения обещанного министр иностранных дел Д. Андраши затеял с Россией пасьянс по поводу захвата, якобы, Армении. Весной 1878 г. Андраши заявил русскому послу в Вене: «Летом мы говорили лишь о присоединении Батума с принадлежащей местностью, а ныне Вы присоединили всю Армению». Граф Игнатьев по этому поводу выразил свое удивление: «Невежество в географии и этнографии графа Андраши, смело бравшего на себя судить о восточных делах, поразительны. Не менее поразительна дерзкая попытка определить России размеры ее территориального вознаграждения за военные издержки, понесенные Россией»²². Демарш Андраши по армянскому вопросу имел осознанный характер, преследовавший цель недопущения усиления России в Малой Азии. Основания для тревоги министра венского двора имелись. Еще в январе венская г. «Тагблад» сообщила и видах России: «Армения. Для защиты восточного берега Черного моря Россия требует уступки верхнего плоскогорья Армении, а именно уступки Батума и крепостей Карса и Эрзсрума»²³.

Однако противоборствовали, главным образом, англо-русские интересы. Туманный Альбион предпринял все усилия по выполнению обязательств перед Османской империей по «азиатским делам». Премьер-министр Б. Биконсфильд громко заявил: «Мы приехали сюда из Англии устроить здесь дела турецкого султана и предоставить ему полную возможность проявлять свою власть в Турции. Мы не можем терять времени. Этот вопрос пора давно кончить; он самый главный, и если на него не согласятся, то и рассуждать нечего»²⁴. Представители Блистательной Порты подчеркнуто выражали солидарность с этой позицией: «турки — отмечал русский эксперт, — сидят чурбанами»²⁵. По Берлинскому трактату 13 июля Османская империя уступила России Карс, Батум и Ардаган, а взамен получила Баязет и Алашкертскую долину. Терри-

ториальные приобретения в Малой Азии явились определенным разменом: по требованию Англии, на статус и размеры Болгарии. При этом царь Александр II даже на время терял веру в возможность достижения успеха: «Мне безразлично, будут ли две или даже три Болгарии, лишь бы все они были обеспечены учреждениями, которые гарантировали бы их от восстановления тех ужасов, какие мы видели. Что же касается остального — Карса, Батума и так далее, я ничему не верю. Когда дело дойдет до подписания соглашения, англичане откажутся от этого»²⁶. Однако царь предписал не отступать от ранее выработанной компромиссной границы в Малой Азии²⁷.

Русская дипломатия по армянскому вопросу допустила ряд промахов. Из-за «старческого безобразия» канцлера Горчакова, передавшего на время секретную карту с максимальными и минимальными границами Карсского пашалыка англичанам, пришлось довольствоваться минимальными. Стараниями лорда Солсбери статья 16 Сан-Стефано получила новую редакцию отраженную в 61 статье Берлинского трактата. Реформы на армянских территориях Османской империи ставились под надзор великих держав. Отсутствие перечня и механизма воплощения реформ придавали этой статье аморфный характер. У России была отнята функция гаранта и контролера реформ в Западной Армении. Ее лишили возможности непосредственно влиять на их содержание и проведение посредством своих временно размещенных воинских формирований. Сыграла роль и устранимость графа Шувалова, специализировавшегося на западноевропейском этикете, от восточных дел. Русским экспертам на конгрессе граф признался: «Меня учили на медные деньги. Я знаю очень, очень мало. Прежде всего позаботились научить меня иностранным языкам, и я говорю по-французски, по-немецки и по-английски, быть может лучше, чем по-русски, но этим и ограничиваются мои политические знания — вне языков ничего не знаю»²⁸. Главным же фактором являлась неподготовленность России к общевосточной войне. Отнюдь не случайно военный министр Милютин советовал Шувалову: «Вы, граф, с потерей даже личных выгод и самолюбия должны скорее все уступить, чем привести к новой войне, к которой мы не готовы»²⁹. Призрак Крымской войны не вдохновлял.

Кровно заинтересованной стороной являлась армянская делегация в составе бывшего константинопольского патриарха Хримяна, епископа Нар-бея, С. Папазяна и секретаря М. Черза. Тактические установки были разработаны титулярным патриархом Варжапетяном: «Армения, либо то, что осталось от Армении, либо должно полностью перейти под руку России, либо стать нейтральным государством с самостоятельным правительством... Наша по-

литика — будучи благодарными России, надеяться на Англию и благодаря Англии обеспечить нормально и материальное наше благосостояние. Это благосостояние мы не можем приобрести другим путем, кроме достижения национального самоопределения в Армении»³⁰. Макиавеллистский дуализм Варжапетяна получил отражение в ориентации армянских представителей. Турецкое посольство в Берлине дало им следующую характеристику: Хримян — туркофил, Нар-бей — русофил, Папазян примиритель. В Берлине национальные деятели имели контакты с турецким, русским, французским, английским и германскими представителями.

К этим встречам армянские деятели накопили определенный опыт. Еще в марте Хримян имел встречу с французским министром иностранных дел Ваддингтоном в Париже, знакомым с историей и литературой Армении, выразившим желание учитывать интересы армянского народа на конгрессе. В качестве доброго совета предложено предъявить памятную записку об Армении представителям великих держав. В предъявленном Хримяном проекте вариации Ливанского статуса для Турецкой Армении Ваддингтон нашел изъяны: отсутствие в Ливане турецкого элемента и его наличие в Армении; неизвестность точной численности состава населения армянских вилайетов — армян, турок и курдов; оперирование общими пожеланиями, а не точными сведениями. Главным изъяном было положение: «Ливан не Армения»³¹. Действительно, французский флот и десант могли обеспечить проведение державных видов в Ливане, но не в Армении. Благоприятность внешнеполитического ведомства Франции диктовалась видами на Киликию и патронажем католического армянского патриархата в Турции. В ходе конгресса Ваддингтон заявил о необходимости изучения представителями великих держав проекта самоуправляемого генерал-губернаторства, предъявленного армянской стороной. Позиция диктовалась слабостью Франции на внешнеполитической арене после поражения от Германии, дистанционирования от России и сдержанностью в отношениях с Англией.

Согласно проекту, генерал-губернаторство должен был возглавить армянский вали, призванный осуществлять управление Эрзерумским и Ванским вилайетами, северной частью Диарбекирского вилайета. В его руках предусматривалось сосредоточить управление полицией, обеспечение безопасности граждан и контроль над частью налогов. В качестве вали вырисовывалась фигура Нубарпаши. По приложенным сведениям константинопольского патриарха, валистанство «Эрменистан» насчитывало 2062300 чел., из коих армяне составляли 1333000. Данные были приблизительными. Армянская делегация, как и представители Сербии, Черногории и

Персия, не приняла непосредственного участия в заседаниях конгресса. Отрицательную роль сыграла Турция, потребовавшая от Варжапетяна возврата делегации. Последовал гневный ответ: «Прежде чем заставить меня согласиться на отозвание армянских делегатов из Берлина, ей придется сделать распоряжение, чтобы меня повесили перед зданием парламента»³². Отказ от официального представления армянской делегации, выдвинутый не без содействия Англии и Германии, обосновывался якобы мизерным участием русских армян в ходе войны и сохранением нейтралитета анатолийских армян³³. Конечно, не трудно было бы политикам великих держав поднять и перелистать подшивки газет с информацией об армянских ужасах, превосходящих болгарские, перечитать дипломатические донесения, но их подход диктовался великодержавными целями. Проявив понимание интересов нации, члены делегации постарались занять нейтральную позицию между русскими и английскими интересами. Значительное место было уделено встречам с представителями русской дипломатической делегации — Горчаков, Шувалов, Жомини, генерал Анучин и полковник Бобринков. Содействие оказывал Лорис-Меликов, прибывший на отдых. Известие об англо-турецком союзе оценено армянской делегацией как успешный западный экспансионизм: «Англия должна защищать всю Азию». Разочарующим было признано отсутствие в соглашении упоминания Армении. Возник определенный скептицизм к политике великих держав, явившихся пресыщенными к решению армянского вопроса. По итогам конгресса, не соизволившего внести в Берлинский трактат понятия «Армения», армянская делегация, по требованию патриарха Варжапетяна, внесла протест³⁴.

Решения Берлинского конгресса затянули мертвую петлю на европейских владениях Османской Турции, освобождение от которой приводило к потере территорий. Болгария была провозглашена вассальным княжеством с христианским правительством и народной милицией. Из юга страны создавалась провинция «Восточная Румелия» под непосредственным управлением султана в главе с христианским генерал-губернатором. Создание двух болгарских территориальных образований представляло собой форму поэтапности решения болгарского вопроса. До устройства управления этих территорий намечалось сохранение русского корпуса войск в количестве, не превышающем 50 тыс. чел., становящихся гарантом необратимости преобразований. Реформы намечались для о. Крита, уточнялась граница между Блестящей Портой и Грецией. Босния и Герцеговина передавались Австро-Венгрии. Признавалась независимость Черногории в расширенных границах. Определялись территории самостоятельной Сербии. Уважалась неза-

висимость Румынии, возвращающей часть Бессарабии России, полученной по Парижскому трактату 1856 г. Намечен режим плавания военных и гражданских судов по Дунаю. В Малой Азии великие державы санкционировали переход к России Карса, Ардагана и Батума. Учтено заявление Александра II о превращении Батума в порто-франко, упраздненного в 1886 г. Персия, в результате деятельности смешанной англо-русской комиссии, получила г. Котор. Предусматривалось равенство прав христианского населения с мусульманским. Конгресс завершился относительным успехом для армянского народа. Если по Парижскому трактату улучшение его участи в Османской империи разумелось в составе христианских народов, то по Берлинскому конгрессу армянский вопрос вошел в европейскую тематику. Великие державы обязались надзирать за турецкими реформами в Западной Армении.

После конгресса

Итоги Берлинского конгресса стали предметом осмысления деятелей армянского освободительного движения. Учитывалось наличие двух политических центров — Англии и России, с которыми приходилось считаться в деле освобождения Западной Армении. Произошла трансформация ценностей. Прагматики в преддверии европейского форума рассматривали Сан-Стефано как первый шаг, а Берлинский конгресс — второй по реформированию самоуправляемой Армении. Решения же конгресса не оправдали чаяний патриотов. «Следует отметить, — указывал партикулярный патриарх Варжапетян, — что в принятой конгрессом статье нет ни имени Армении, ни слова Армянская провинция»¹. Новая ситуация сформировала убеждение в необходимости поэтапной деятельности: осуществление прогресса и реформирования армянского общества, а затем достижения самоуправления. Была разработана программа мер по ее реализации. Актуальным сочтено создание просветительских обществ и преподавание английского языка в учебных заведениях Константинополя для подготовки просвещенных кадров. Важной внешнеполитической задачей провозглашалось достижение официального покровительства Альбиона: «Хорошо относиться к Англии для завоевания ее симпатий». Предусматривалось оказание помощи сиротам и сосредоточение армянского населения в Киликии, доступной для английского флота. Намечалось уточнить численность армян Османской империи путем проведения статистических исследований и переписи. В решении армянского вопроса было признано целесообразным в первую очередь обращаться к

Великобритании, а затем к Европе². Другое крыло прагматиков традиционной опорой считало Россию. Епископ Нар-бей совершил после конгресса вояж в Петербург и Москву, и получил заверения о согласии России реформировать армянское общество в Османской империи³.

В августе 1878 г. английский посол в Константинополе Лейярд выдвинул проект реформ, затрагивающих положение христианского населения Малой Азии. В русской печати он был оценен как попытка установления английского протектората над Турцией и подвергнут осмеянию: «суть коих в том, чтобы посадить в Азиатской Турции по возможности больше британских агентов в звании судей, сборщиков податей, начальников жандармерии и, в случае потребности, губернаторов»⁴. В сущности, речь шла о серьезной попытке Англии преобразовать административную, податную и бюрократическую систему управления, улучшить работу органов безопасности, используя британский опыт на обширной территории Азии. Азиатская Турция делилась на 17 вилайетов (генерал-губернаторств) и 4 санджака (губернии). Последние — Джанин, Харберд, Ливан и Иерусалим — непосредственно подчинялись власти центрального правительства. Население Азиатской Турции исчислялось в 16 млн. чел. Преимущественным местом концентрации армянского населения являлись Эрзерумский, Ванский и Диарбекирский вилайеты. После армян, по численности, шли другие христианские народы — греки, марониты, ассирийцы, сирийцы⁵. Общую политическую нацеленность и последствия отвергнутых реформ для судеб Османской империи четко осознавал султан Абдул Гамид: «Я не имею никакого желания превратиться в индийского раджу»⁶.

Патриарх Варжапетян в сентябре ходатайствовал перед султаном о создании комиссии, аналогично составленной для Восточной Румелии (Южной Болгарии), по воплощению 61 статьи Берлинского трактата о реформах для территорий с армянским населением. Прощение было отвергнуто⁷. Варжапетян обратился за содействием к лорду Шефетбэри, занимавшемуся восточной политикой Великобритании. В обращении отмечалась неизменность тяжелого положения армянского народа, пренебрежение его участью европейской политикой, необходимость внесения перемен. «Европа была того мнения, — отмечал патриарх, — что она нашла действительное средство уврачевать недуги армянского народа постановлением 61 статьи Берлинского трактата. Условия этой статьи не были исполнены, и армяне страдают так же, как и прежде. Анархия господствует повсюду в Армении, и христиане терпят притеснения от турецких чиновников и от мусульманского населения. Насильственные действия совершаются безнаказанно в селениях Вана и Диар-

бекира и даже Зейтуне». На этой почве обострились взаимоотношения титулярного патриарха с оттоманскими властями. 4 января 1879 г. внешнеполитическому офицеру России «С. Петербургский журнал» сообщили из Константинополя об отставке Варжапетяна: «Вероятно, он счит нужным избавить себя от неприятного столкновения с турецкими чиновниками, не желающими сообразоваться с 61 статьей Берлинского трактата»⁸.

Санционирование отставки патриарха Абдул Гамидом означало бы принятие официального протеста против неисполнения решения Берлинского конгресса о реформах, создание повода для вмешательства европейских держав, отказ от сотрудничества с прагматическими деятелями, выступавшими за дипломатические средства решения армянского вопроса. Султан это понимал, и патриарха лишь пожурили за горячность. Абдул Гамиду приходилось также учитывать набравшее силу радикальное течение армянских деятелей, стремившихся использовать активные средства борьбы. Знаменосцем радикального движения стал Хримян. Спасение армянского народа им усматривалось в опоре на собственные силы. Возмущенный фарисейством Европы, недопустившей армянскую делегацию к заседаниям Берлинского конгресса под надуманным предлогом о мало пролитой армянской крови во имя самоопределения, он в начале августа 1878 г. выступил в кафедральной церкви Константинополя с проповедью о необходимости военной защиты отечества. По его известным словам, конгресс проходил вокруг большого котла с арисой, предназначенного для больших и малых народов. Сербь и черногорцы, в отличие от представителей народов, колебавшихся между Западом и Востоком, сумели «саблями в качестве половников» добиться своей доли арисы. Армянской же делегации посоветовано было без «железного половника» не являться на конгресс. Вывод: «Народ Армянский, естественно, хорошо понял, что может совершить оружие и что совершает, поэтому, любимые и благословенные армяне..., когда будете возвращаться на Родину к своим близким и родственникам, как наказ принесите им оружие, возьмите оружие и снова оружие. Народ, прежде всего надежду освобождения возложи на себя, свой разум, дай силу мускулам, человек должен для себя работать и уметь защищать»⁹. Программе европеизации армянского вопроса был противопоставлен путь вооруженного самоопределения. В 1878—1879 гг. началось восстание в Зейтуне во главе с князем Пашиком. Выступления последовали в Васпуракане и Алашкерте. В Ване действовала тайная радикальная организация «Черный крест»¹⁰.

Возник проклятый вопрос армянской политической мысли, оставивший отпечаток на все последующее развитие нации. Ка-

кой подход предпочесть в борьбе против Османской империи: дипломатические либо вооруженные средства борьбы? Первый включал такие средства борьбы, как распространение просвещения и освободительных идей, выжидание благоприятных условий для выступления. Доминантой считалось вручение освободительной миссии преимущественно Западу либо России. Второй, не исключая значения просветительства и миссионерства великих держав, упор делал на вооруженное выступление. Необходимость альтернативы между двумя путями борьбы осознавалась современниками, предлагавшими различные трактовки. Свой вклад внесли и иностранцы. В январе 1879 г. в день праздника св. Вардана, ванское «Патриотическое общество» в торжественной атмосфере открыло училище «Айказян». Среди официальных гостей находился корреспондент официоза кабинета тори г. «Штандарт» и представитель американского общества Парним. Примечательно суждение американца о необходимости прагматического синтезирования форм борьбы: «Вы очень огорчены, что не получили от Европы желанной вами автономии. Я люблю армян, но я не армянин, следовательно, хладнокровнее вас могу обсудить этот предмет. Я не пророк, но могу сказать, что если бы у вас была автономия, то она причинила бы вам более зла, чем добра. Постарайтесь, чтобы у вас была достаточная сила для самозащиты во всех отношениях; решительно не рассчитывайте на посторонних. Вот, теперь же статья 61 Берлинского трактата представляет вам достаточно прав; постарайтесь пользоваться этими правами, продолжая ваше дело. И я, зная вас, уверен, что в очень непродолжительном времени добьетесь желанной вами автономии»¹¹.

Провал попытки создания комиссии для реформ побудил Варжапетяна обратить внимание на возможности России. Четко осознавалась судьбоносность ее роли в истории народов Османской империи: «До сих пор в Турции любая возникающая нация, составившая отдельный организм и возвысившаяся до независимости, приобрела все благодаря защите России.— эти нации являлись соплеменниками и единоверцами, хотя бы единоверцами России»¹². Сознательно решено было сыграть на противоречиях интересов России и Англии в Малой Азии. 7 апреля 1879 г. в церкви св. Троицы в Пере Варжапетян совершил благодарственный молебен в честь Александра II. Торжественными криками — «Да здравствует Россия» — прихожане встретили российского посла кн. А. Б. Лобанова-Ростовского. Между патриархом и послом было достигнуто взаимопонимание с необходимостью реформ в Армении¹³. Давление посла побудило султанское правительство заявить о готовности послать комиссаров для изучения положения на месте. 4 мая заместитель константинопольского патриарха Измирлян обратился с не-

гласным письмом к архимандриту Т. Минасяну с просьбой оказать содействие имперским комиссарам, собирающимся прибыть в Эрзерум. Сбор сведений о неприглядной участи армянского населения должен был содействовать улучшению его прав. Аналогичную информацию предлагалось предоставлять европейским представителям, путешественникам и корреспондентам. Рассчитывалось получить европейский резонанс для «врачевания» армянского вопроса¹⁴. В второй половине мая Варжапетян публично осудил позицию османского правительства за отказ от проведения реформ из-за якобы плохого финансового положения: «будто реформы в Турции невозможны прежде, чем финансы ее не будут поставлены в удовлетворительное положение»¹⁵. С финансами в Турции всегда был порядок. Ждать улучшения пришлось бы до второго пришествия сына Божья.

Великобритания продолжала воплощать содержание кипрской конвенции. Начато было создание дипломатической системы контроля над Малой Азией. Эрзерумским консулом был назначен майор Генри Тротер, имевший опыт участия в реформах управления Бенгалии и участвовавший в исследованиях Средней Азии. Он предпринял путешествие в Диарбекир и Сивас (Себастию). Представлены были рекомендации правительству о расширении консульских представительств: назначить самостоятельных генеральных консулов в Малую Армению (Сивас) и Большую Армению (Эрзерум, Диарбекир, Харберд, Ван, Багеш, Муш и Спер)¹⁶. Изучены настроения армянского населения. На основе донесения Тротера и представлений Варжапетяна, Лейярд 12 июня сообщил Солсбери о предписании драгоману посольства войти в контакт с главой внешнеполитического ведомства Турции Каратеодори-пашой по армянскому вопросу. Турецкие министры были оповещены послом о необходимости введения в азиатских провинциях «лучшего образца управления», чтобы не допустить потери ряда территорий. Реальной угрозой для целостности Османской империи называлось возрождение Армении. Лейярд сообщал Солсбери: «Если Порта не обратит на это внимание и не будет действовать мудро и предусмотрительно, то в ближайшем будущем она будет иметь в Азии армянский вопрос, подобно тому, как в Европе возник болгарский вопрос, сделавшийся поводом последней войны. Теперь в Малой Азии пущены в ход те же интриги, с тем чтобы создать армянскую нацию и вместе с тем такое положение дел, которое бы вызвало протесты христиан и вмешательство Европы»¹⁷.

Виды Англии побудили Лейярда наемовать генеральное консульство в Эрзеруме представительством не в Армении, а в Курдистане. Подход основывался на этнополитической ситуации в Армении. Англичане застали два значительных этноса-армян, тради-

ционно ориентирующихся на Россию, а также курдов, воинственно настроенных против иноверцев, которых можно было использовать против распространения российского влияния¹⁸. Такой подход, мало того, что угрожал задушить освободительные устремления армянского народа, но и лишил его перспектив исторического развития. 25 июня Национальное собрание рассмотрело представление патриарха Варжапетяна о внесении протеста против Эрзерумской акции Лейярда правительству султана. Действия Лейярда, метко охарактеризованного «турком из турок», были названы «враждебными» армянскому народу. Соответствующий протест представлен и самому послу. Тот для избежания осложнений с армянами начал маневрировать. Газета «Таймс» оповестила, что функциями Эрзерумского консула является соби́рание «точных сведений» о положении дел в Курдистане и Армении¹⁹. Усланивая возмущенное армянское общественное мнение, газета постаралась при описании положения дел в Армении в выгодном свете представить посла: «К несчастью, учреждение в Малой Азии консульств по настоящее время не имело никаких других последствий, кроме обнаружения в Армении и Восточной Анатолии того порядка вещей, который сэр Генри Лейярд без колебания назвал всеобщей анархией и безобразным управлением»²⁰. Дипломатический просчет Англии, предавшей огласке истинные виды в отношении армян, завершился назначением майора Тротера генеральным консулом в Курдистан — Диарбекир с понижением в окладе, а в Сивас полковника Вильсона²¹. Тем самым инцидент был сочтен черпанным.

В сложной ситуации оказалась Османская империя, само существование которой оказалось под вопросом. Аналитики предсказали быстрое крушение империи: «Трон Абдул Гамида прочен как картонный домик, интриги, заговоры, борьба разных коршунов из-за готовящейся добычи неустанно работают в Царьграде»²². Приходилось лавировать, маневрировать и изворачиваться между великими державами. В то же время недооценивалась способность турок к политической мимикрии, наглядным проявлением которой явилось обещание Англии провести реформы в Азиатской Турции, а Европе — в армянских территориях. Проявляя уступки в проникновении и деятельности иностранных держав в Азиатской Турции, султанское правительство одновременно демонстрировало завидную неуступчивость в армянском вопросе. Армянским требованиям о проведении преобразований, не говоря уже об иллюзорной автономии, противопоставлялся мусульманский фундаментализм. Великий везирь Кямил-паша после Берлинского конгресса выдвинул политическую программу спасения Ближневосточной Порты от «гяуров — армян», включавшую следующие элементы: недопуще-

ние возрождения Армении, уничтожение армянского народа, умиротворением армян обеспечить развитие Турции. Первую цель намечалось достичь в тесном союзе с Великобританией: «Теперь, и во всяком случае сегодня, наши интересы и интересы Англии требуют, чтобы в Малой Азии (мы и Англия не признаем слова «Армения», и даже чести, которые произносят это слово, должно размызгить) наши территории были свободны от источников имениательства других». Вырабатывались меры ползучего геноцида против мирного армянского народа: «у нас имеются такие средства, как курды, черкесы, областные начальники, сборщики податей, полиция, наконец, все, кто объявляет священную войну против той нации, которая не имеет оружия и защиты; мы же имеем оружие и армию». Последняя цель представлялась проявлением интересов турецкого народа: «Если эта армянская нация будет истреблена, и христианская Европа не сможет отыскать в Малой Азии ни одного христианина, тогда она оставит нас в покое и мы сможем заняться внутренними делами и государственными преобразованиями». Подобный подход означал программирование уничтожения не только армян, но и айсаров.

В конце концов и настойчивость Англии в проведении реформ в Азиатской Турции, призванных обеспечить ее господство, получила негативную реакцию у османов. Неожиданную моральную поддержку султанское правительство получило в части русской прессы, занявшей схищную позицию относительно планов Англии: «протекторат над Малой Азией остается пока в тумане». Даже был сделан вывод о возможности сближения России и Османской империи, принимающего якобы «рельефный контур». Однако слишком много было пролито крови в недавней войне, слишком много претензий и неудовольствий накопилось друг против друга, чтобы можно было через них легко и просто переступить. Оставалось обещать и ничего не исполнять. Указом султана от 29 мая 1880 г. была образована комиссия по подготовке реформ в Азиатской Турции и Восточной Румелии. В состав комиссии был включен армянин Абра-эфенди. Мера являлась знаком личного доверия, призванным успокоить общественное мнение и поддержать султанскую партию во главе с Нурьян-эфенди, выступавшую за осуществление умеренных реформ под эгидой Ближневосточной Порты²⁵.

Русско-английское соперничество

Решения Берлинского конгресса царь Александр II принял в «тревожно-серьезном духе»¹. Общественность открыто выражала недовольство: «Разве Сербия и Черногория могут прочно удовлетвориться после всех принесенных ими жертв теми подачками от транезы, которые им милостиво бросит граф

Андраши? А Кандия и другие греческие области, а Армения?» Пресса отмечала негативные последствия вывода русских войск из Османской империи для христианского населения: «Вот, не успели наши войска выйти из окрестностей Сан-Стефано, как мусульмане бросились терзать христианское население... А в оставленном нами Эрзеруме разве не то же повторяется, разве не истребляются целые армянские деревни?»². Кипрская конвенция в правящих кругах была оценена как установление протектората Англии над Малой Азией. Причем, если ранее недооценивалось значение этого региона: «Наши приобретения в Малой Азии не стоят гроша в сравнении с западной частью Балканского полуострова»³, то сейчас, скрепя сердце, самодержавию приходилось формировать новый курс. Существовали два подхода к восточной политике. Военный министр Милютин находил, что русская политика заложила основы создания объединенного Болгарского государства и процесса приобретения автономии другими народами Османской империи: «Точно так же и в других христианских областях будет положено начало будущей автономии»⁴. Другой подход исходил из желания довольствоваться достигнутым.

Идея возрождения Армении возникла при активной сопричастности русской дипломатии, содействовавшей принятию положений о реформах для армянского населения Османской империи. Однако конкретные стремления армян за пределы указанных им «границ», стремившихся к автономии и созданию самостоятельного государства, ставили под угрозу и российские интересы. Наличие границы с Русской Арменией, существование в пределах державы миллионного армянского населения, возможность подпадения автономной Армении под влияние Великобритании, а в перспективе самостоятельность и претензия на объединение армянского народа обуславливали негативное отношение к этой идее. В то же время нельзя было допустить безраздельного хозяйничания Англии у собственных границ, лишиться средств воздействия в лице армян на политику Османской Турции и игнорировать определенные потребности армянского народа как традиционного союзника в будущей войне. Все это обусловило формирование у самодержавия расчетливой политики к армянскому вопросу, соразмеряя его с внутренними потребностями империи и внешнеполитическими задачами.

Армянскому вопросу стало уделяться усиленное внимание именно с точки зрения англо-русского соперничества. Петербургский двор устами посла Лобанова-Ростовского вновь указал султану на необходимость реформ в Армении. Совместно с англичанами было предпринято изучение положения армянского населения, началась кампания в защиту прав зейтунцев, которым царь

даже выделил в качестве помощи 10 тыс. франков⁵. Блистательной Порте пришлось уступить. Управляющим Зейтуна был назначен Саркис-эфенди Косоян. Подати с 600 тыс. пиастров уменьшены до прежних 25 тыс. Из Аленно были освобождены 200 арестованных зейтунцев⁶. На должность вице-консула Вана назначен К. Камсаракан, получивший у турок прозвище «армянский паша», предпринявший максимум усилий в защиту интересов соплеменников. «Считаю долгом добавить,— доносил Камсаракан в Петербург 12 ноября 1879 г.,— что армяне особенно верят в заступничество за них России, ибо безграничное сочувствие к последней, явно обнаруженное ими в минувшую войну, суть одно из главнейших причин теперешнего безотрадного положения их»⁷. Послу Лобанову-Ростовскому сообщалось о желательности удаления губернатора Вана (2.11.1879): «Если бы оказалось возможным устранить Гасан-пашу от занимаемой им ныне должности, то одно это обстоятельство могло бы ободрить здешних христиан, пришедших в отчаяние, вызванное обманутой надеждой, что прибытие сюда представителей России и Англии, улучшит их быт»⁸. Традиционная русская ориентация сознания малоазиатских армян побудила 16 марта 1880 г. население Ванского вилайета обратиться к Александру II об оказании содействия в улучшении их положения⁹.

Российскими службами особое внимание уделялось деятельности англичан в Армении. Подробно сообщалось об изучении капитаном Клейтоном Эрзерум-Баязетского тракта, осмотре окрестностей Вана, плановой съемке дороги из Эрзерума в Ван через Муш и Битлис. Свирепствовавший в Турецкой Армении весной 1880 г. голод позволил капитану Эверсту совершить объезд Алашкертской долины. Симпатии христианского населения завоевывались хлебными раздачами, материальным вспомоществованием и распространением протестантизма. Уделено внимание учебным заведениям и деятельности миссионеров¹⁰. Организация системы протестантского просвещения на уровне различного ранга школ получило начало в 1824 г. В 1845 г. в Малой Азии насчитывалось 34 протестантских миссионеров и семь школ с 135 учащимися, а в 1890 г. имелось уже 177 миссионеров и 177 церквей¹¹. Аналогичная деятельность англичан в Ване встретила противодействие. Здесь возникло движение по принятию православия. Содержание переговоров представителей движения с Камсараканом отражает следующее донесение (17.4.1880): «Предпочитают принять православие, ибо Россия, по их словам, вековой, естественный враг Турции и покровительствует христианам. По мнению тех же лиц, переход армян в православие наложит на России нравственный долг ускорить день их освобождения»¹². Последствием обращения стала активная защита капитаном Клейтоном интересов армян Вана.

Помощь голодающему населению оказывала армянская церковь. На родину, в Ван, прибыл бывший константинопольский патриарх архиепископ Хримян. Оказывалось содействие страждущим без различия национальности и веры — христианин или мусульманин, армянин или курд. «Человек с глубокими, трезвыми политическими убеждениями, — сообщал Камсаракан, со светлым умом и безукоризненно честным характером, Хримян, высокочтимый вообще всеми армянами, имеет здесь на своих соотечественников обстоятельное влияние»¹³. Во взглядах одного из признанных лидеров радикального течения освободительного движения, борца за независимость Армении четко прослеживалось понимание роли России в судьбах армянского народа: «В проповедях своих, производящих на ванцев потрясающее действие, благословлял проследующую войну, в выражениях, глубоко сочувственных России». Это ценили: «Этим нельзя не дорожить, ибо влияние Хримяна (наиболее выдающегося кандидата на Эчмиадзинский престол) на всех армян чрезвычайно важно»¹⁴. Проповеди и деятельность знаменосца армянской борьбы, от которой дистанционировались прагматические армянские деятели в Константинополе, имели в Ване благодатную почву и резонансом отзывались на умонастроения армян других провинций. Реакция османских властей оказалась незамедлительной. 30 августа 1880 г. издан указ, запрещающий использование понятия «Армения» в официальной переписке как не имеющей территориальной единицы. Административно не существовали Албания и Курдистан, но запрета на их употребление не было. Секретной телеграммой запрещен доступ в Ван и другие местности армянских кавказских изданий — «Пордз», «Мниак», «Мегу» за резкую критику существующих порядков¹⁵.

Но и англичане не дремали. Консул в Ване Клейтон являлся ординарным профессором артиллерии и тактики военного училища в Вульвиче, преподавателем военного искусства принца Наполеона. Майор Тротер являлся по специальности военным инженером. Первоначальное назначение генеральным консулом в Эрзерум являлось результатом не личного почина, а выбором начальства, учитывающего деятельность в Индии и Средней Азии. Консул в Эрзеруме Эверст, являвшийся преподавателем артиллерии в Вульвиче, осуществлял активную разведку Басена и Алашкерта. Обязанности генерального консула в Сивасе исполнял полковник Вильсон. Деятельность этих «лучших из лучших» шпионов Великобритании в Армении находилась в поле зрения русской дипломатии: «эти протекторы подходят к нашему порогу, заходят и обходят нашу границу — и высматривают, где и как удобнее подступиться к Кавказу»¹⁶. С геополитической точки зрения Россия

обладала рядом преимуществ перед Англией. Демонстрация военной мощи Великобритании, предписавшей морской эскадре из Мальты в ноябре 1879 г. направиться к Армении (Киликии) для обоснования необходимости реформ в Азиатской Турции, обеспокоила османов, обративших внимание на возможную активизацию и России. Армянские массы сохраняли свои симпатии к северной христианской державе. Сама Россия давно уже проделала черновую работу по ознакомлению с Арменией, осуществляемую англичанами. Генеральный консул в Эрзеруме доносил российскому поверенному в Константинополе 23 февраля 1880 г.: «за нами правое дело, расположение к нам турок и преданность к нам местного населения. То, что англичане пока здесь делают, у нас уже давно сделано, если не ошибаюсь, лучше и прочнее»¹⁷.

Представление об общей политике России на Востоке дает записка «Берлинский конгресс перед общественным мнением», представленная канцлером Горчаковым Александру II в начале 1880 г. Интерес представляет постановка взаимоотношений России и Турции: «Ни один здравомыслящий русский не думает о завоевании Турции и о присоединении к себе Константинополя. Такое распоряжение было бы не усилением, а ослаблением России. Центр тяжести перенесся бы с севера на юг, в нерусские земли. Через это властвующая народность потеряла бы свою особенность и неизбежно получила бы второстепенное место. Если Россия должна оставаться Россией, она не может сойти со своего места и стать у Средиземного моря». Это рассуждение привлекло внимание самодержца, отметившего пометой: «Совершенно справедливо»¹⁸. Царь выразил согласие с мнением Горчакова о нежелательности вычисления из Турции малых христианских государств, могущее привести Россию к столкновению с европейскими державами. Из этого был сделан вывод о необходимости сохранения Османской империи до ее естественной кончины. Русская политика в восточном вопросе должна была заключаться не в ускорении процесса распада «дряхлой» Турции, а в «спокойном выжидании» хода событий¹⁹.

7 сентября 1880 г. европейские державы (Англия, Россия, Германия, Италия, Австро-Венгрия, Франция) подали ноту Турции об необходимости реформ в Армении. Предложение Порты об одновременном проведении преобразований по всей империи было расценено как уклонение от ее обязательств по 61 статье Берлинского трактата. Отмечалось сознательное игнорирование этноконфессионального характера армянских территорий: «а так как отличительная черта этих провинций — преобладание христианского элемента в наибольших дистриктах, то ни одна реформа, которая не примет этого обязательства в соображение, не может привести

к благоприятным результатам»²⁰. Количество населения реформируемых провинций (Эрзерум, Ван, Муш, Битлис, Сivas, Харберд, Диарбекир, Алеппо) специальным приложением определено в 1831300 чел.: армян — 780800, турок — 320000, христиан — 254000, кочевников — 380000²¹. Данные, отнюдь не точные, превосходили османские сведения о численности армян, показывали их доминирующую роль. По информации Константинопольского патриарха (1882 г.), число армян шести вилайетов Западной Армении составило 1 млн. 680 тыс., а Османской империи в целом — 2 млн. 600 тыс. Коллективная нота европейских стран содержала анализ проекта преобразований Османской Турции, намечавший лишь косметические меры: образование провинциальной жандармерии и полиции, подвижного суда, назначение администраторов центрального правительства, упорядочение налогов. По мнению великих держав, в основу реформы следовало положить принцип децентрализации: состав провинциальной жандармерии избирать из общинной жандармерии, выбираемой общиной; определить кодекс судопроизводства и порядок признания постановлений курдскими племенами; разработать статус генерал-губернаторов, а местных чиновников выбирать общинами; выделить два типа налогов — имперские и провинциальные²². Султан Абдул Гамид затянул ответ на ноту.

Инициатива европейских стран по армянскому вопросу происходила на фоне осложнения взаимных отношений вокруг турецкого наследства. Осмысление восточной политики России получило отражение в записке военного министра Милютина «Мысль о возможном решении восточного вопроса в случае окончательного распада Оттоманской империи», доложенной венценосцу 6 октября 1880 г. Существование Блистательной Порты показано признанным европейским принципом мира: «Одним из основных начал Европейской политики долго представлялась необходимость поддержания целостности и неприкосновенности Оттоманской империи. И доселе существование этого анахронизма считается как бы условием Европейского равновесия и обеспечения общего мира»²³. Выжидая окончательного распада Османской империи, Милютин предложил направить политику России на сведение ее территорий к азиатским владениям, а в Европе сохранить лишь Адрианопольский вилайет с Константинополем. В видах противодействия австро-германскому экспансионизму на Балканах предлагалось образовать «Балканскую конфедерацию» (Румыния, Сербия, Черногория, Болгария, Албания и Греция). Естественной целью России названа защита проливов Босфора и Дарданеллы от контроля европейских держав. Вышесказанное означало превращение Черного моря в Русское море и установление надзора над Азиатской

Турцией²⁴. Реформы в армянских провинциях сохраняли свою актуальность.

Озабоченное внешнеполитическое ведомство запросило патриарха Варжапетяна, через военного представителя полковника Филиппова, о положении дел в Армении. 18 октября патриарх выразил пессимизм в отношении намерений Абдул Гамида обеспечить существование армян в империи. Проект Аббедин-паши, отвергнутый европейскими державами, свелся к расчленению армянских территорий в составе административных единиц с преобладанием турок и курдов, чтобы уменьшить численность армян. Сложившаяся ситуация охарактеризована критической, располагающей общество к вооруженным мерам. Предложения турецких и закавказских армян о вооруженном восстании Варжапетяном были отвергнуты с указанием «епископам противодействовать всяким подобным попыткам, если они будут проявляться мелкими восстаниями, возбуждаемыми энгузиастами»²⁵. Обращено внимание на наличие значительной миграции. Катализатором выступала окружающая среда: «к систематическому преследованию правительства присоединились повсеместные в Армении грабежи»²⁶. Значение имело разочарование масс в возможности проведения реформ султанским правительством. Патриарх подтвердил свою приверженность к европеизации армянского вопроса, подчеркнув при этом, что «народное терпение» не беспредельно²⁷. В начале 1881 г. английский посол в Константинополе Деферин заявил Варжапетяну, что Англия во имя армянского вопроса не может прибегнуть к вооруженному давлению на султана²⁸.

Контрпроект европейской политики в 1880 г. разработал канцлер Бисмарк, предложивший французскому послу Сент-Валлоу в Германии «не уступить ни одной пяди земли Англии или России» в Европейской Турции. Намечалось Балканы закрепить за Германией, Австро-Венгрией и Францией. Предусматривалась совместная деятельность в Малой Азии и на островах Архипелага, сулящая «богатую жатву и новую жизнь». Главным представлялось совместное овладение турецким наследством: «нужно только не отдавать турецких земель в руки Англии или России»²⁹. Откровенно пренебрегались национальные чаяния малых народов. В этой ситуации Петербургский двор пошел на заключение союза трех императоров между Россией, Германией и Австро-Венгрией в июне 1881 г., гарантируя друг другу благосклонный нейтралитет при войне с «четвертой великой державой», т. е. с Англией либо Францией. Предусматривалось закрытие проливов в Черное море в случае войны. Подтверждено право Австро-Венгрии на аннексию Боснии и Герцеговины. Договор, просуществовавший до 1887 г.³⁰, усилил соперничество великих держав на Ближнем Востоке.

Тем временем в Малой Азии происходила тихая схватка между Англией и Россией. 23 августа 1881 г. английский посол Дюферри сообщил своему правительству об аудиенции с министром иностранных дел Саид-пашой. Была затребована отставка ряда видных турецких администраторов из-за «злоупотреблений» властью над населением: вали Сиваса — Измаил-гаки-паша, Диарбекира — Ияет-паша, мутасарифа Баязета — Муниф-паша и первого прокурора Сиваса — Мехмет-эфенди. Требование обосновано консульскими донесениями. Если высшие сановники государственной администрации не соответствовали своему предназначению, то можно представить поведение чиновничьей шухеры по-мелоче. Отмечалась «полная неспособность турецких властей» установить цивилизованный порядок в «обих Армениях» (Великой и Малой). Приоткрыты установки Англии в армянском вопросе: «напрасно Порта желала бы думать, что Европа или Англия желает учредить в ее соседстве враждебное ей государство, что было бы невозможно, в следствие самого положения дел в стране»³¹. Препонами для образования армянского государства сочтено нахождение армянского населения в окружении мусульманского элемента: «В противность грекам и болгарам в Фессалии и Восточной Румелии, где они живут сплошными массами, армяне резко разбросаны по всей стране: небольшими группами, тесняющимися в общей массе населения, и было бы безумием предполагать, чтобы Порта могла опасаться дать им сносное управление и хорошие законы».

Разшаркивание перед османами, утробивание численности армян понадобились для осуществления модернизации державы. Осуществление преобразований для жителей Малой Азии было предложено начать с Армении и мотивировалось «ужасной бедностью христиан» и международным обязательством Блистательной Порты: «Принимая во внимание, что об Армении упоминается в Берлинском трактате, что в этой провинции турецкие порядки проявляются во всей их полноте и что в ней преобладает христианский элемент, было бы возможно требовать, чтобы Порта начала свои внутренние реформы именно в Армении и сосредоточила все внимание на этом деле. Но при этом было бы необходимо избегать того, чтобы сделать из армянских общин предмет зависти и возбуждать их против мусульманского населения и турецких властей, раздувая чрезмерные притязания армян»³². Подчеркивалось, что название «Армения принимается скорее в географическом, чем в этнографическом смысле». До подготовки проекта реформ предложено управление Арменией вверить «решительному и надежному» сановнику с исключительными prerogative. 17 сентября 1881 г. позиция Великобритании была доведена в фор-

ме ноты до сведения Петербургского двора. Сообщено о намерении посла Дюферри с коллегами затребовать ответа на коллективную ноту от 7 сентября 1880 г. Султан Абдул Гамид пообещал ответить на ноту после байрама. К этому времени Англия наметила подготовить проект реформ в «обих Армениях», порученный полковнику Вильсону и майору Тротеру³³.

Султанское правительство избрало тактику затягивания реформ. Нескрывасмо стали раздаваться угрозы в адрес армян: «Наиболее высокопоставленные чиновники открыто высказываются, — сообщал вице-консул Камсаракан в 1882 г., — что здесь готовится ими будто бы вторая Болгария, и что они, наученные опытом, сумеют задушить вредный их правительству элемент и, таким образом, раз и навсегда покончить с «Армянским вопросом»³⁴. В декабре 1883 г. патриарх Нерсес Варжапетян подал в отставку. В письме к Национальному собранию в декабре причиной указано отступление «добрых намерений» у султана относительно реформ в Армении. Шум вокруг отставки в турецкой печати позволил патриарху представить османскому правительству меморандум об улучшении положения армян. Варжапетян стал рассматриваться «главным подстрекателем» армянского населения против политики ползучего геноцида великого везира Саид-паша. Разъяренная туркофильская группировка в Национальном собрании во главе с «сомнительным патриотом» Нурьян-эфенди, пользовавшийся покровительством великого везира, предприняла попытку низвергнуть Варжапетяна. Однако в созванном 27 января 1884 г. заседании внимание привлекли известительные грамоты Эчмиадзинского Синода о предстоящих выборах верховного католикоса³⁵. В мае Эчмиадзинский собор избрал главой армянской церкви Варжапетяна, отказавшегося от высшего духовного сана по состоянию здоровья³⁶. В конце октября перестало биться сердце создателя 61 статьи Берлинского конгресса. Итоги деятельности подвела надпись на траурном венке: «Патриоту патриарху Нерсесу — от опечаленного Армянского собрания»³⁷.

Развитие армянского вопроса и политика России получили различное освещение в историографии. Известный исследователь Н. С. Княпина стержнем внешней политики России 50—70-х годов XIX г. считает Ближний Восток. В ней выделяются два этапа: от Парижского договора 1856 г. до упразднения нейтрализации Черного моря в 1871 г. и от Лондонской конференции 1871 г. до Балканского кризиса 70-х годов. Отличия между этапами усмотрены в использовании средств для выхода из изоляции на международной арене. На первом употреблялись мирные средства, на втором — военные. Содержание восточного вопроса сведено к вос-

становлению позиций на Балканах. Армянский вопрос выведен за пределы восточных кризисов 50-х и 70-х годов³⁸. Другая точка зрения представлена в введении к коллективной монографии «Кавказ и Средняя Азия» (Н. С. Киняпина, М. М. Блиев, В. В. Дегоев), где заявляется о существовании кавказского направления восточной политики России как «главного компонента» с 16—17 вв. Юридической международной проблемой кавказский вопрос. Составным элементом которого представляется армянский, рассматривается до завершения присоединения Кавказа в 1829 г., точнее бы сказать Закавказья, а фактически до начала 60-х годов XIX в.³⁹

Игнорирование, умолчание и непонимание религиозной оболочки армянского вопроса в политике великих держав представлены в трудах церковных историков. Пастор Рене Леонян рассматривает армянский протестантизм в Османской Турции как результат развития национального самосознания. Неудача в попытке реформировать армянскую церковь изнутри, путем создания в 1836 г. организации «Союз благочестия», обусловила выделение евангелистов в обособленное религиозное общество. Отлучение от армянской церкви реформаторов патриархом Матевосом Чухаджяном завершило процесс создания самостоятельной церкви в 1850 г. Вне поля зрения ученого теолога оставлена политика Англии по распространению протестантизма среди армян как средства закрепления в Малой Азии, вносящая раздор в среду верующих, усложняющая жизнь армян Блистательной Порты⁴⁰. Сдержанно отношение константинопольского патриарха Малакия Орманяна к деятельности католиков и протестантов, учитывавшего политическое влияние Англии и Франции в политике Турции в самый канун геноцида⁴¹. Более обстоятелен Александр Ерицян в показе соперничества великих держав вокруг армянской апостольской церкви в конце соколовых годов XIX в., осознающих роль и значение армян на Ближнем Востоке⁴².

Неординарны представления западноармянского деятеля А. Чопаняна. Армянский вопрос, относимый к 1887 г., представлен имеющим своеобразную предысторию к самодержавию. До Сан-Стефано все армяне Османской Турции представлены русофобами. Россия рассматривается как деспотическая страна, поглощающая нации, противостоящая цивилизации. Корни подобных настроений связываются с позицией Франции, Англии и Италии, патронировавших Османскую Турцию в годы Крымской войны против России. Визит константинопольского патриарха Варжапетяна в стан русской армии изображен переломом в подобных настроениях. Сгущение красок вокруг настроений армян, относящихся лишь к финансово-служилым верхам Стамбула, понадобилось автору для героизации поведения Варжапетяна как личности, пре-

образовавшей нацию из религиозной общины в политическую реальность Османской Турции. Итоги деятельности Варжапетяна рассматриваются как плачевные для нации, поскольку обращение за содействием к России и Берлинскому конгрессу вооружило турок против армян. Политическое маневрирование Варжапетяна обусловило якобы охлаждение отношения самодержавия к армянскому народу. Вместо того чтобы опираться на армян, самодержавие предпочло использовать в политических расчетах турок⁴³.

По мнению В. А. Парсамяна, термин «армянский вопрос» вошел в международную дипломатию с Сан-Стефано и Берлинского конгресса. Однако его содержание шире вышеуказанного, охватывая чаяния всего армянского народа. Восточные армяне, в лице Исаиэля Ори, при Петре I установили основы русско-армянской дружбы. Посеянные семена дали всход Туркманчайским трактатом в 1828 г. Западные армяне последовали примеру восточных собратьев в 1828—1829 гг. Восточный кризис 1853—1856 гг. еще более усилил их освободительные устремления. Под воздействием передовой мысли России и Европы в 50—60 гг. 19 в. западные армяне вели борьбу за национальную конституцию. 70-е годы рассматриваются этапом активизации армянского вопроса. Возникают различные подходы у русофилов, англофилов и туркофилов. В годы войны 1877—1878 гг. идея русской ориентации среди армянского народа, на взгляд исследователя, достигла наивысшего пика. На данном этапе развития интересы армянского народа совпадали больше с Россией, чем с Турцией, либо с любой другой державой. 16 статья Сан-Стефано для решения армянского вопроса признала «приемлемой». Давление Европы побудило Россию пойти на уступки в армянском вопросе⁴⁴.

Дж. С. Киракосян вторую фазу восточного вопроса характеризует временем с Крымской войны до конца XIX в. Парижский трактат 1856 г. затронул судьбу западных армян. Западная дипломатия предприняла все усилия для ухудшения положения Османской Турции, затягивая радикальное лечение «больного». Сан-Стефано и Берлинский конгресс поставили армянский вопрос в органическую взаимосвязь с освобождением Балкан вплоть до первой мировой войны. 16 статья прелюминарного договора и 61 статья конгресса рассматриваются маститым историком дипломатической основой истории армянского вопроса. Четко проведено различие между национальными чаяниями и политическими реалиями⁴⁵. Не аргументированным представляется положение, что Англия и Турция «пришли к выводу» о создании автономной Армении под европейской эгидой в качестве барьера на пути продвижения России в «глубь Анатолии»⁴⁶. Обещания автономии со стороны отдельных деятелей Великобритании и Оттоманской Пор-

ты носили характер мыльного пузыря, растоптанного кипрской конвенцией. Реальные планы автономии армянских деятелей имели связь лишь с благорасположением России. Р. П. Оганесян считает 60—70-е гг. XIX в. вехой преобразования армянского вопроса в предмет забот восточных и западных армян. 70-е годы чуть отклонили западных армян от поиска совместных усилий по спасению нации. Усиление исламизма после Берлинского конгресса представлено отрезвлением, побудившим активизировать национально-освободительную борьбу в 80-х годах⁴⁷.

Рассмотренный материал позволяет прийти к следующим выводам. Парижский трактат включил Османскую Турцию в состав европейских держав. Европа приобрела право надзора над положением христианских подданных, а Россия лишилась единоличной заботы о судьбе православных единоверцев. Армяне в ходе спора о «святых местах» искали возможности сохранения конфессионального равенства с другими христианскими исповеданиями, покровительства России для облегчения положения нации в Малой Азии. Усиление вмешательства Европы в внутренние дела Оттоманской Порты содействовало приобретению статуса 1863 г. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. вызвала новый прилив национальных чаяний. Восточные армяне путь к развитию видели в протекторате России, а западные обращали взоры к Лондону и Петербургу. Россия по Сан-Стефанскому договору взяла обязательство содействовать реформам в Западной Армении. Их проведение означало бы установление контроля над армянскими провинциями и сведение политического владычества османов к Западной Анатоллии. Ведущие державы во главе с Англией выступили против России, сузив круг ее достижений на Берлинском конгрессе. Англия стала союзницей Османской Турции и гарантом территориальной целостности ее азиатских владений. Выдвинутые западно-армянскими деятелями программы автономии-княжество, генерал-губернаторство, валистанство не получили реализации. Удалось лишь добиться статьи о реформах, при активном содействии России, в европейскую тематику, признания наличия армянских территорий в Османской Турции и декларации европейского надзора над преобразованиями. Англия предприняла ряд попыток реформировать управление Азиатской Турции. Противодействие режима султана Абдул Гаида обусловило их провал. Настойчивости армян в проведении обещанных европейских реформ османское руководство противопоставило ползучий геноцид.

Восточный кризис

- 1 ИНА АН, ф. 58, оп. 1, д. 408, л. 4.
- 2 Там же, л. 5 об.
- 3 Там же, л. 6.
- 4 Там же, л. 7.
- 5 Там же, л. 1—8.
- 6 Я. Турунов. Армения.— Библиотека для чтения, 1853, № 12, с. 147.
- 7 Там же, с. 100.
- 8 А. С. Трачевский. Пруссия в Крымскую войну.— Исторический вестник, 1882, т. 32, с. 340.
- 9 Я. Турунов. Армения..., с. 104.
- 10 А. С. Трачевский. Пруссия в Крымскую войну..., с.
- 11 Я. Турунов. Армения..., с. 104.
- 12 ИНА АН, ф. 58, оп. 1, д. 176, л. 82—86 об.
- 13 АВПР, ф. Отчеты МИД, 1838, п. 235 об.—237.
- 14 Н. Катерев. Сношения Иерусалимских патриархов с русским правительством в текущем столетии.— Исторический вестник, 1898, т. 74, с. 790.
- 15 ИНА АН, ф. 58, оп. 1, д. 176, л. 78—79, 87 об — 97 об.
- 16 В. И. Шерemet. Османская Турция и Западная Европа. М., 1986, с. 167.
- 17 ОПИ ГИМ, ф. 254, оп. 1, д. 258, л. 27.
- 18 ЦГВИА, ф. 169, оп. 1, д. 4, л. 188 об.
- 19 ИНА АН, ф. 58, оп. 1, д. 81, л. 8 об.
- 20 ЦГВИА, ф. 169, оп. 1, д. 4, л. 169, 170.
- 21 В. И. Шерemet. Османская Турция..., с. 169, 170.
- 22 ИНА АН, ф. 58, оп. 1, д. 204, л. 9 об.
- 23 Восточный вопрос..., с. 134.
- 24 ЦГВИА, ф. 169, оп. 1, д. 3, л. 407 об.
- 25 Там же, л. 408.
- 26 ЦГИА РФ, ф. 1268, оп. 9, д. 122, л. 15.
- 27 А. Н. Петров. Русские дипломаты на Венских конференциях 1855 года.— Исторический вестник, 1890, т. 40, с. 23.
- 28 Там же, с. 25.
- 29 Там же, с. 267.
- 30 Там же, с. 521.
- 31 Там же, с. 25, 526.
- 32 Штурм Карса 17 сентября 1855 г.— Исторический вестник, 1898, т. 73, с. 93.
- 33 А. Аноев. Штурм Карса в 1877 году.— Исторический вестник, 1904, т. 96, с. 168.
- 34 К. А. Бороздин. Воспоминания о графе М. Т. Лорис-Меликове.— Исторический вестник, 1889, № 12, с. 74.
- 35 А. Н. Петров. Русские дипломаты на Парижском конгрессе 1856 г.— Исторический вестник, 1891, т. 43, с. 394.
- 36 Там же, с. 398.

- 37 Там же, с. 621.
- 38 Там же, с. 679.
- 39 ЦГВИА, ф. 446, оп. 1, д. 20, л. 1.
- 40 Там же, д. 37, л. 2.
- 41 Там же, л. 1—7 об.
- 42 Н. Е. Аблова. Русско-иранские отношения в годы англо-иранской войны 1856—1857.— Вестник Московского университета. Серия история. 1982, № 2, с. 44, 47.
- 43 ЦГВИА, ф. 446, оп. 1, д. 37, л. 7 об.
- 44 Н. Е. Аблова. Русско-иранские..., с. 51, 52.
- 45 В. Н. Теплов. Русские представители в Царьграде, 1496—1891.— Исторический вестник, 1891, т. 45, с. 300.
- 46 ИНА АН, ф. 58, оп. 1, д. 16, л. 1.
- 47 АВПР, ф. 6, 1857, д. 1019, л. 1—10 об.
- 48 ЦГАДА, ф. 1252, об. 1, д. 390, л. 306—307.
- 49 АВПР, ф. 6, 1857, д. 1019, л. 27—29.
- 50 РО НБР, ф. 169, п. 3, д. 3, л. 57.
- 51 ЦГИА АР, ф. 56, оп. 2, д. 1238, л. 35—40.
- 52 ИНА АН, ф. 58, оп. 1, д. 16, л. 1.
- 53 М. Т. Боджоян. Танзимат..., с. 87.
- 54 ЦГИА АР, ф. 113, оп. 1, д. 4 а, л. 21.
- 55 ЦГИА РФ, ф. 821, оп. 150, д. 275, л. 3 об.
- 56 Там же, л. 3—4 об.
- 57 ЦГИА АР, ф. 113, оп. 1, д. 4 об, л. 3 об.
- 58 Там же, л. 5—15.
- 59 ЦГИА РФ, ф. 821, оп. 150, д. 275, л. 5.
- 60 ЦГИА АР, ф. 43, оп. 1, д. 33, л. 47.

Сан-Стефано

- 1 А. М. Кауфман. К развалу Оттоманской империи.— Исторический вестник, 1914, т. 138, с. 383.
- 2 Записки графа Н. П. Игнатъева.— Исторический вестник, 1914, т. 135, с. 63.
- 3 Н. К. Щильдерн. Адрианопольский мир. По рассказу Михайлевско-Данилевского.— Русский вестник, 1889, т. 203, с. 6.
- 4 Дневник Д. А. Милютина. М., 1949, т. 2, с. 24.
- 5 ЦГВИА, ф. 1300, оп. 18, д. 10, л. 4.
- 6 Там же, л. 4 об.
- 7 Е. Гехамян. Размышления. Тифлис, 1907, с. 15, 16.— На арм. яз.
- 8 Геноцид армян в Османской империи. Под ред. М. Г. Нерсисяна. Ер., 1983, № 1, с. 2.
- 9 А. Чопанян. Армяне России и армяне Турции.— Анаит, 1899, № 11, с. 35— На арм. яз.

- 10 Ш. В. Мегрелидзе. Вопросы Закавказья в истории русско-турецкой войны 1877—1878. Тбилиси, 1969, с. 102, 103.
- 11 Ф. М. Уманец. Прокопсул Кавказа.— Исторический вестник, 1888, т. 33, с. 259.
- 12 РО НБР, ф. 169, п. 38, д. 41, л. 11, 11 об.
- 13 К. А. Бороздин. Воспоминания о графе..., с. 459.
- 14 Е. Гехамян. Размышления..., с. 17.
- 15 Политика.— Тифлисский вестник, 1877, 22 апреля.
- 16 Воспоминания А. А. Ауэрбаха.— Исторический вестник, 1905, т. 102, с. 49.
- 17 Военная хроника.— Тифлисский вестник, 1877, 29 апреля.
- 18 Там же, 2 июня; 3 июня; 2 августа; 3 августа.
- 19 Геноцид армян в Османской империи..., № 4, с. 5.
- 20 Зверства турок.— Тифлисский вестник, 1877, 11 августа.
- 21 Местная хроника.— Тифлисский вестник, 1877, 6 августа.
- 22 ИНА АН, ф. 58, оп. 1, д. 264, л. 1.
- 23 Дневник Д. А. Милютина, т. 3, с. 9.
- 24 Сан-Стефано. Записки графа Н. П. Игнатъева.— Исторический вестник, 1915, т. 139, с. 44—52.
- 25 Военное обозрение.— Русский вестник, 1878, т. 133, с. 993.
- 26 Сан-Стефано..., т. 140, с. 52.
- 27 Армения в документах международной дипломатии..., № 4, с. 83—98.

Национальные деятели

- 1 ЦГИА АР, ф. 57, оп. 1, д. 191, л. 1.
- 2 Там же, л. 1 об.
- 3 Там же, л. 1—3 об.
- 4 Сан-Стефано..., т. 140, с. 53.
- 5 Р. П. Оганесян. Национально-освободительное движение западных армян и каринская организация «Паштпан Айреняц». Ер., 1965, с. 90, 91.— На арм. яз.
- 6 М. Г. Нерсисян. О некоторых вопросах истории армяно-русских политических отношений.— Историко-филологический журнал. 1991, № 1—2, с. 17.— На арм. яз.
- 7 Ш. В. Мегрелидзе. Вопросы Закавказья..., с. 118, 119.
- 8 А. Чопанян. Несколько записок.— Анаит, 1907, № 6—9, с. 146—148.— На арм. яз.
- 9 Ш. В. Мегрелидзе. Вопросы Закавказья..., с. 103.
- 10 Отрывок из воспоминаний о путешествии в летнее время 1876 г. по Румынии, Сербии и Турции.— Русский вестник, 1880, т. 148, с. 5.
- 11 Армения и Ливан.— Тифлисский вестник, 1877, 8 декабря.
- 12 Е. А. Кургиян. Армянский вопрос в Сан-Стефанском договоре 3 марта 1878 г.— Уч. зап. Московского областного пед. института им. Н. К. Крупской. М., 1967, т. 189. Вып. 9, с. 99.

14. Местная хроника.— Тифлисский вестник, 1878, 4 февраля.
14. Военное обозрение.— Русский вестник, 1878, т. 133, с. 993.
15. Сан-Стефано..., т. 140, с. 53.
16. **Е. А. Кургинян.** Армянский вопрос в Сан-Стефанском..., с. 102.
17. Сан-Стефано..., т. 140, с. 52.
18. Военное обозрение.— Русский вестник..., с. 994.
19. Сан-Стефано..., т. 140, с. 53.
20. **Е. А. Кургинян.** Армянский вопрос..., с. 104, 105.
21. Местная хроника.— Тифлисский вестник, 1878, 5 марта.
22. **Е. Гехамян.** Освободительное движение армян в XIX столетии, Баку, 1915, с. 358, 359.— На арм. яз.
23. Там же, с. 359.
24. **А. Чопанян.** Россия и Армения.— Апаит, 1906, № 3—5, с. 42.— На арм. яз.
25. Там же, с. 43.
26. Армянский вопрос.— Тифлисский вестник, 1878, 30 марта.
27. ЦГИА АР, ф. 56, оп. 2, д. 1165, с. 1—2.
28. **Е. А. Кургинян.** Армянский вопрос..., с. 100.
29. К вопросу об армянофобстве русской прессы.— Тифлисский вестник, 1878, 1 февраля.
30. Армянский вопрос.— Тифлисский вестник, 1878, 30 марта.

Берлинский конгресс

1. После Сан-Стефано.— Исторический вестник, 1916, т. 144, с. 33.
2. **Е. А. Рогозина.** Из дневника русской в Турции, перед войной 1877—1878 гг.— Русская старина, 1912, т. 150, с. 388.
3. После Сан-Стефано..., с. 35.
4. **М. Веников.** Россия и Англия в Персии.— Русский вестник, 1877, № 10, с. 468.
5. После Сан-Стефано..., с. 39.
6. Там же, с. 45.
7. **Е. А. Рогозина.** Из дневника русской..., с. 389.
8. **В. Т. Бисмарк** в своих воспоминаниях.— Исторический вестник, 1899, т. 77, с. 294.
9. Дневник Д. А. Милютина, т. 3, с. 10.
10. **Ш. В. Мегрелидзе.** Вопросы Закавказья..., с. 89.
11. Там же, с. 105.
12. **А. Л. Зиссерман.** Политическое обозрение.— Русский вестник, 1878, т. 134, с. 477.
13. **Д. Г. Анучин.** Берлинский конгресс 1878 г.— Русская старина, 1912, т. 149, с. 247.
14. Там же, с. 248.
15. **А. Л. Зиссерман.** Политическое обозрение..., с. 472.
16. **Ш. В. Мегрелидзе.** Вопросы..., с. 85, 100.

17. Армения в документах..., с. 104, 105.
18. **В. Т. Бисмарк** в своих воспоминаниях..., с. 295.
19. **М. В. Арзуманян.** Армения 1914—1917. Ер., 1969, с. 47.— На арм. яз.
20. Цит. по: **С. С. Степанян.** Армения в политике империалистической Германии. Ер., 1975, с. 31.
21. Там же, с. 28, 29.
22. После Сан-Стефано..., т. 143, с. 664.
23. Политика.— Тифлисский вестник, 1878, 24 января.
24. **Д. Г. Анучин.** Берлинский конгресс..., с. 8.
25. Там же, т. 150, с. 231.
26. **Н. А. Шувалов** о Берлинском конгрессе 1878 г.— Красный архив, 1933, т. 4 (59), с. 98.
27. **Д. Г. Анучин.** Берлинский конгресс..., т. 152, с. 487.
28. Там же, т. 149, с. 2.
29. Там же, т. 150, с. 4.
30. **Г. Лазян.** Армения и армянский вопрос в свете армяно-русских отношений. Ер., 1991, с. 49.— На арм. яз.
31. **Р. Г. Саакян.** Армянский вопрос и Франция (1870—1890 е).— Историко-филологический журнал, 1994, № 1—2, с. 132—134.— На арм. яз.
32. **Ш. В. Мегрелидзе.** Вопросы..., с. 137.
33. Там же, с. 138.
34. **Г. Лазян.** Армения и армянский вопрос..., с. 35, 38, 42.

После конгресса

1. **Г. Лазян.** Армения и армянский вопрос..., с. 50.
2. Там же, с. 41, 42.
3. По России.— Тифлисский вестник, 1878, 13 октября; Турция.— Там же, 18 октября.
4. **А. Л. Зиссерман.** Политическое..., т. 137, с. 501.
5. Реформы в азиатских провинциях Турции.— Тифлисский вестник, 1879, 12 января.
6. **А. Л. Зиссерман.** Политическое..., т. 137, с. 501.
7. Турция.— Тифлисский вестник, 1878, 18 октября.
8. Турция.— Там же, 1879, 16 января.
9. Котел арисы и железный полковник.— Азатамарт, 1992, № 41, с. 14.— На арм. яз.
10. **Р. П. Оганесян.** Национально-освободительное..., с. 89, 201.
11. Турция.— Тифлисский вестник, 1879, 18 марта.
12. **Г. Лазян.** Армения и армянский вопрос..., с. 50.
13. Турция.— Тифлисский вестник, 1879, 26 апреля.
14. ЦГИА АР, ф. 57, оп. 5, д. 1, л. 5—6.
15. Турция.— Тифлисский вестник, 1879, 29 мая.
16. Азиатская Турция.— Там же, 28 сентября.

- ¹⁷ Загранице.— Там же, 17 ноября.
¹⁸ **Дж. С. Киракосян.** Буржуазная дипломатия и Армения (80-е годы XIX в.). Ер., 1980, с. 109.— На арм. яз.
¹⁹ Азиатская Турция.— Тифлисский вестник, 1879, 28 сентября.
²⁰ Заграницей.— Там же, 4 октября.
²¹ Азиатская Турция.— Там же, 28 сентября.
²² **А. Л. Зиссерман.** Политическое..., т. 135, с. 938.
²³ **Б. А. Борьян.** Армения, международная дипломатия..., с. 243, 244.
²⁴ **А. Л. Зиссерман.** Политическое..., т. 135, с. 501.
²⁵ Турция.— Кавказ, 1880, 22 июня.

Русско-английское соперничество

- ¹ **Д. Г. Анучин.** Берлинский конгресс..., с. 152, 502.
² **А. Л. Зиссерман.** Политическое..., т. 137, с. 504.
³ То же, т. 134, с. 471.
⁴ Дневник Д. А. Милютин, т. 3, с. 70.
⁵ **Дж. С. Киракосян.** Буржуазная дипломатия..., с. 134.
⁶ Турция.— Тифлисский вестник, 1879, 4 декабря.
⁷ ЦГВИА, ф. 1300, оп. 18, д. 47, л. 13 об.
⁸ Там же, л. 14.
⁹ Там же, д. 43, л. 20.
¹⁰ Там же, д. 47, л. 29.
¹¹ **Путята.** Записка о Малой Азии.— Сборник материалов по Азии. Спб., 1896, вып. 66, с. 6.
¹² ЦГВИА, ф. 1300, оп. 18, д. 47, л. 46 об.
¹³ Там же, л. 47.
¹⁴ Там же, л. 47 об.
¹⁵ **Р. П. Оганесян.** Национально..., с. 205, 206.
¹⁶ ЦГВИА, ф. 1300, оп. 18, д. 43, л. 87.
¹⁷ Там же, л. 88.
¹⁸ **С. Д. Сказкин.** Дипломатия А. М. Горчакова в последние годы его канцлерства.— В кн.: Международные отношения. Политика. Дипломатия. М., 1964, с. 419.
¹⁹ Там же, с. 420, 421.
²⁰ Геноцид армян..., № 5, с. 7.
²¹ **Дж. С. Киракосян.** Буржуазная дипломатия..., с. 129.
²² Геноцид армян..., № 5, с. 5—10.
²³ РО НБР, ф. 169, п. 38, д. 49, л. 1.
²⁴ Там же, л. 1—5.
²⁵ Геноцид армян..., № 6, с. 12.
²⁶ Там же, с. 11.
²⁷ Там же, с. 11, 12.
²⁸ **Дж. С. Киракосян.** Буржуазная дипломатия..., с. 130.

- ²⁹ Иностранные известия.— Новое обозрение, 1884, 4 февраля.
³⁰ **Н. С. Киняпина.** Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974, с. 197—199, 212.
³¹ ИНА АН, ф. 58, оп. 1, д. 264, л. 1.
³² Там же, л. 1 об.
³³ Там же, л. 1—2 об.
³⁴ Цит. по: Предисловие М. Нерсисяна.— В кн.: геноцид армян..., с. V.
³⁵ Иностранные известия.— Новое обозрение, 1884, 4 февраля.
³⁶ Эчмиадзин.— Там же, 10 мая; Местное обозрение, 7 июня.
³⁷ Иностранные известия.— Там же, 13 ноября.
³⁸ **Н. С. Киняпина.** Внешняя политика России..., с. 269—272; Восточный восток..., с. 197—236.
³⁹ Кавказ и Средняя Азия..., с. 3, 4.
⁴⁰ **Р. Леонян.** Армянское протестанство.— Зеркало, 1991, № 42, с. 3.
⁴¹ **М. Орманян.** Армянская церковь. Ер., 1933, с. 237, 238.— На арм. яз.
⁴² **А. Ерицян.** История Армянской церкви. Бм. и г., с. 359—363.— На арм. яз.
⁴³ **А. Чопалян.** Ответственности..., с. 87—89, 90—93.
⁴⁴ **В. А. Парсамян.** Исторические пути развития Армянского вопроса до Берлинского конгресса.— В кн.: Историографические труды. Ер., 1985, ч. 1, с. 61—71, 83, 84.— На арм. яз.
⁴⁵ **Дж. С. Киракосян.** Предисловие..., с. 8, 9, 15, 16, 18, 21.
⁴⁶ **Дж. С. Киракосян.** Буржуазная..., с. 449.
⁴⁷ **Р. П. Оганесян.** Национально..., с. 6, 7, 10.

Глава 3. АРМЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ

Геополитка Новым фактором развития армянского вопроса явилось возникновение политических партий: Арменакан (1885), Гнчак (1887), Дашнакцутюн (1890). Каждая из этих партий решала задачу возрождения нации, реализации освободительных устремлений, восстановления армянской государственности. Центром партии Арменакан являлся г. Ван, ставший знаменосцем освободительной борьбы. Усиление процесса армянского возрождения, героические акции одиночек и нелегальных организаций вызвали к середине 80-х гг. 19 в. глубокую озабоченность у османских властей. Армянам Вана было запрещено собираться по воскресеньям и в праздничные дни в кофейнях. Номинально запрещался невинный досуг — игры в нарды и карты, а на

деле ставилась задача недопущения политического обуздания новостей и легальной организации сопротивления¹. Консул султана в Тифлисе осенью 1884 г. доносил об армянских «происках» международного масштаба «против турецкого владычества в Армении». Сообщалось о поставках 550 ружей из Тифлиса в Ван. Местные власти предприняли меры для выявления склада оружия². Весной 1885 г. султан Абдул Гамид вызвал видных деятелей возрождения Хримяна и М. Португальяна в Константинополь с целью обезглавить патриотическое движение. Первый был сослан в Иерусалим, а второй, спасая жизнь, бежал за границу. Созданная первая национальная партия получила наименование по г. «Армения», издаваемой Португальяном в Марселе, ставшей идейным рупором³.

Средствами освобождения признавались оружие, деньги и помощь иностранных держав. Учитывался болгарский кризис, связанный с проблемой воссоединения Восточной Румелии с Тырновской Болгарией. 27 октября 1885 г. «Комитет защиты прав отечества», представляющий армянских патриотов, живущих в Европе, обратился к великим державам с представлением тяжелого положения армянских масс в Османской империи: «Полное отсутствие правосудия, отправление которого зависит от произвола любого мусульманского священника-фанатика, в глазах которого каждый христианин является неверным; злоупотребления властей, которые обращаются с народом-мучеником как с настоящим рабом, чья жизнь, имущество и честь приносятся в жертву прихотям чиновников; разбой, чинимый курдскими кочевниками по приказу и в интересах провинциальных властей, таковы... положение вещей в Армении». Суть обращения сводилась к осуществлению реформ в армянских территориях Османской Турции, согласно 61 статье Берлинского договора, с целью самоопределения в форме автономии: «могли бы образовать союз автономных провинций под суверенитетом Блистательной Порты и под скипетром какого-нибудь европейского монарха»⁴. В 1886 г. имели место кровавые столкновения армян и турок в Ване. Османы начали жестоко подавлять армянское движение. Было закрыто училище «Айказян», начаты повальные аресты в Ване, Муше и Эрзеруме. Курды, подстрекаемые властями, усилили разбойничьи нападения. Паша Эрзерума создал тайную сеть шпионов из армян-оборотней, втиравшихся в доверие к незнакомцам под видом патриотов, оказывавших радушие и гостеприимство, а затем доносивших⁵.

В подходе к армянскому вопросу великие державы учитывали геополитические соображения. Россия, участница «Союза трех императоров», проводила доктрину «политического равновесия» в отношении Османской империи. Между тем болгарский кризис выявил противоположный характер интересов союзников. Австро-Вен-

грия и Германия успешно осуществляли политико-экономическую экспансию на Балканском полуострове. В ноябре 1885 г. в Константинополе открылась конференция европейских держав по Восточной Румелии. Англия открыто заблокировалась с Болгарией: с целью настроить ее против России⁶. Петербургский двор все же считал нужным в январе 1886 г. напомнить Блистательной Порте о необходимости реформ в Армении. Инициатива была парирована министром иностранных дел Англии, напомнившим о праве надзора над реформами в Армении за всеми великими державами⁷. Усиление антирусских настроений части правящих кругов Болгарии⁸ заставило Петербург впасть в «заблуждение» о возможности посредством Турции восстановить там свои позиции⁹. Соответственно видоизменилась тактика Великобритании. 16 августа 1886 г. английский посол вручил ноту по армянскому вопросу Блистательной Порте с требованием реформ в Армении¹⁰. Нота оценена в России как стремление Англии удовлетворить «национальные мечты» Сербии, Болгарии и Греции о расширении своих границ за счет Османской империи. Отмечалась также возможность лишения России предлога для вмешательства в дела Османской Турции¹¹. Англия же, главным образом, ставила политическую завесу перед султаном для своего утверждения в Египте. Россия начала вести негласные переговоры с Портой по заключению «оборонительного союза», основу которого составил бы совместный контроль проливов Босфор и Дарданеллы¹². Германия поддерживала египетские планы Англии. На этой почве произошел распад «Союза трех императоров» в 1887 г., где место вышедшей России заняла Италия¹³. Расчет арменаканов на содействие великих держав вновь оказался несостоятельным. Большое значение стало уделяться пропагандистским-просветительским задачам.

Гичакисты выступали с требованием политической свободы для турецких армян и последующим осуществлением социалистических идей. Официоз г. «Гичак» в первом ноябрьском номере 1887 г. выделила партийные установки: руководство освободительным движением, завоевание политической независимости и всестороннее развитие нации. Основой освобождения представлялись массовые волнения, террористические акты, восстания, революционные угрозы турецкому правительству: «Турция без принуждения, не понеся насильственным путем поражения, никогда не признает мира»¹⁴. Потеря Турцией Греции и Болгарии рассматривалось возможностью также для армян освободиться из-под власти «большого человека»¹⁵. Провозглашен лозунг: «Быть внутри народа, с народом и для народа»¹⁶. Предусматривалось последующее освобождение русских и персидских армян для образования единой союзной республики¹⁷.

В тактических видах гнчакистов значительное внимание уделялось содействию международным усилиям по освобождению армянского народа. Недооценивались имперские амбиции великих держав. Для России армянский вопрос в конце 80-х годов XIX в. являлся составной частью геополитического значения Малой Азии, учитывавшей острое противоборство вокруг нее различных держав: «Англичане серьезно думают о ней, как о новом буфере против возрастающего могущества России в Азии, тогда как завистливые германцы и теперь мечтают о ней, как о будущем фатерланде для возрождения не столько культуртрегерской, сколько политических колоний». Усиление самодержавного эгоизма сопровождалось обвинениями в адрес внешнеполитического ведомства в связи с игнорированием значения региона: «Одни мы, русские, не обращали никакого внимания на то, что у нас лежит под руками, и за все 50 лет близкого соседства с Малой Азией заботились о ней менее чем Италия об Абиссинии, а Испания — о пресловутом Марокко». После широко пролитой русской крови по освобождению братушек-славян на Балканах, ставящих государственные интересы выше этнокровной близости, звучал призыв о смене приоритетов в внешней политике России: «А вопрос Малоазиатский уже и теперь стоит на очереди; будущее Восточного вопроса разрешится по всем данным не на полях Болгарии и Балканах, а на политической почве Малой Азии»¹⁸. В условиях отсутствия договоренности с Османской империей о контроле над Босфором и Дарданеллом, вратами от Черного моря, предвиделся наступательный удар по османам с стороны Анатолии. В качестве стратегического союзника России рассматривалось местное христианское население: «Не говоря уже о христианском населении Малой Азии и особенно об армянах, ждущих, как манны небесной, когда придет с севера сердобольный москов освободить свою горячую кровью христиан Анатолии, забыв о неблагодарных христианах Балканского полуострова, сами турки уверены в скором появлении наших знамен не только на границе, но и в самом сердце Анатолии»¹⁹. Реальное понимание интересов России в регионе проявляла Англия. Видный публицист У. Стэд пропагандировал тезис о сдержанности России в малоазиатском регионе. Отмечалась ее незаинтересованность в открытой конфронтации с западноевропейскими державами при наличии дружественных отношений с Блестящей Портой: «Россия не в состоянии теперь овладеть Босфором, и поэтому ей, конечно, выгодно поддерживать статус-кво. И это вполне понятно; вместо того, чтобы самой стоять на страже проливов, она поручает их стране, которая фактически находится в ее кармане»²⁰. Приверженность России к охране проливов посредством Турции, ее незаинтересованность в их захвате, снимала, в

английском понимании, с повестки дня армянский вопрос. В случае же необходимости надлежало самой Великобритании катализировать проблему реформ в Армении.

Для привлечения внимания международной общественности к проблеме реформ в Армении гнчакисты провели манифестацию 15 июля 1890 г. в Гум-Гапу, близ резиденции Константинопольского армянского патриархата. Выбор места демонстрации в столице Османской империи имел сознательный характер. По мнению видного гнчакиста Мурада, выступление в Армении привлекло бы лишь внимание России как пограничного государства и послужило бы предлогом в один прекрасный день для ее захвата. Распространение же армянского движения по Османской империи, в особенности на столицу, обусловило бы интерес западных держав, особенно Англии, к армянскому вопросу. Главной целью являлось превращение армянского вопроса в объект межгосударственных отношений. Намечалось вручить петицию султану, посредством патриарха Ашикяна, о предоставлении армянским вилайетам «широкой местной автономии». Испрашивались элементарные нормы гражданственности: от свободы слова до выборов в административные органы. В Гум-Ганинской церкви Мурад зачитал соответствующее обращение. Армянским массам было указано, что они, поливая потом родную землю, не получают соответствующего вознаграждения, хотя исправно вносят в казенный копит налоги и арендуют землю у богачей, беков и государства. Народ призывался к защите национальной чести в тяжелых условиях существования, требующей значительных пожертвований: «Да здравствует армянский народ, чьим кличем должно стать «Свобода или Смерть»²¹. За поимку Мурада министр полиции Назим паша выдел 2000 золотых монет²². Активное содействие гнчакистам в событиях Гум-Гапу оказали армянаканы. Демонстранты были разогнаны у дворца султана.

В национальной манифестации в столице Османской империи приняли участие также представители организации «Молодая Армения». По возвращению в Тифлис, вместе с другими кавказскими группами патриотов как «Вреж» и «Крив», была создана партия «Союз армянских революционеров» (Дашнакцутюн). Ставилась задача консолидации всех национальных сил от Сасуна до Шуши, от Киликии до Карабаха. Обосновывалась необходимость преодоления узкой национальной ориентации на содействие одной великой державы, поскольку константинопольская армянская интеллигенция связывала освободительные устремления в основном с Великобританией, что сужало возможности национальной борьбы. Организованную форму приобретала деятельность закавказских

армян, рассматривающих Россию как естественную базу по освобождению армян Турции. Русскоподданные армяне пахотились в более лучших гражданских и материальных условиях развития. При этом учитывались традиционные симпатии малоазиатских армян к великой христианской державе Севера. В манифесте о создании партии говорилось о разочаровании армянских масс в несостоятельности Европы осуществить обещанные реформы. Отмечалась решимость отстаивать свою честь, права и достоинство²³.

Армянские волнения 1890 г. в Османской империи (столкновение в Ване и Эрзеруме, манифестация в Гум-Гапу, проникновение повстанческих групп из Закавказья) ставили своей целью осуществление обещанных Европой реформ по 61 статье Берлинского договора. Происходила радикализация различных слоев общества. Доминирующее умонастроение было доведено осенью российскому послу в Константинополе А. И. Нелидову: «Мы ничего не просим у турок. Нам не нужно никаких уступок или милостей; мы требуем того, что нам принадлежит по праву, признанному за нами всей Европой. И право это дала нам Россия, купившая его ценой крови своих сынов. Вы впервые вписали в Сан-Стефанский трактат имя Армении, вы не можете отказать нам в поддержке наших справедливых домогательств. Пусть Порта даст нам удовлетворение, и она увидит, что народ успокоится»²⁴. В условиях гонений ряд высокопоставленных сановников армянского происхождения представил султану верноподданнический адрес с целью отмежеваться от «действий безумцев, задумавших идти против законной власти»²⁵. Не без их содействия репрессивные меры Абдул Гамида позволили на время приглушить выступления армянских масс.

Требования воплотить 61 статью Берлинского трактата от Европы исходили из романтизма, веры в справедливость и жажды свободы армянского народа. При этом не замечалось, что идея реформ давно уже превратилась в разменную монету великих держав при реализации имперских установок. Слабость национальной силы, недостаточная заинтересованность международной, находясь в эпицентре политических бурь не могло не сказаться на участи армян. Армянские деятели учитывали лишь процесс гниения и распада Османской империи, оказавшейся не в состоянии модернизироваться и реформироваться: «Давно уже турецкая мощь обратилась в наглость и бессилие. Турция — в состоянии полного упадка и разложения, между тем как христианские племена империи султанов — растут, развиваются, крепнут». Радужные настроения не имели твердой опоры. Все трансформационные попытки европейцев, в первую очередь англичан, оказались изначально несостоятельными в силу воинствующего государственного

мусульманского фундаментализма. Абдул Гамид, являясь халифом всех правоверных, обязан был следовать устоявшимся канонам и традициям. Затеваемые же им реорганизации не шли далее розовых мечтаний, обреченных на гибель уже в самом зародыше. «Мечта о согласовании шариата с Юстиновым кодексом — невинное упражнение дипломатических метафазанов, которые, если только есть у них хоть капля здравого смысла, не верят сами в спасительность предполагаемых ими средств»²⁶. Еще сильна была османская армия, выступавшая питательной средой для национальных установок султанского халифата. Подпоркой являлось формирование идеологии пантюркизма, игнорировавшей самобытное существование армянского народа.

Расчеты на содействие великих держав в осуществлении реформ в Армении не учитывали наличия патовой политической ситуации между Россией и Великобританией, вступление европейских держав в фазу империализма и борьбу за перераспределение мира. Политические деятели России были озабочены возможностью изоляции державы на внешнеполитической арене. Подтверждение тройственного союза Германии, Австро-Венгрии и Италии, примыкание к нему в определенных ситуациях, Великобритании, укрепление торгово-промышленных связей в Средней Европе вызывали озабоченность за политическую и экономическую перспективу развития Российской империи. Значительную тревогу вызывало и закрепление Германии в Османской Турции, в первую очередь, в проливах и Малой Азии. Державники проявляли настороженность: «Если присовокупить к этому, что немцы давно уже приступили к мирному завоеванию; что сама Порта отдала азиатский берег Геллеспонта в распоряжение немецких техников, инженеров, капиталистов; что на пространстве Малой Азии как грибы выросли многочисленные колонии земледельческие, промышленные и торговые; то что же будет легче для Германии; когда пробьет наконец смертный час империи султанов, как вступить спокойно и легко во владение этой львиной частью оттоманского наследства? Но Россия никогда не потерпит такого захвата, не допустит до того»²⁷. Осознавали конфронтационность с Великобританией, и в то же время желали достижения соглашения для реализации геополитических видов: «соединим наши с ее усилиями для распространения на всю Азию европейской гражданственности. Согласилась же Англия поделить Восточную Африку с Германией, Западную с Францией. Почему же бы ей не поделить Азию с Россией»²⁸. Однако время такой политической комбинации еще не пришло. Естественным союзником России против Германии являлась Франция, что вызвало их сближение как в политической,

так и экономической сферах. Это обуславливало и совместную деятельность в Малой Азии.

Мозаичность армянского вопроса получила отражение в политике самодержавия по укреплению Российской империи. В отношении армян приходилось проводить политику двойного стандарта. Внутри империи осуществлялась линия на нивелирование, и вместе с тем — попустительствовали движению фидаинов с закавказских владений. Вне империи выражалась озабоченность положением армян в Османской империи и вместе с тем не допускалась мысль об их самоопределении. В июле 1890 г. произошло столкновение армянских повстанцев у горы Боздаг в местечке Мадур и в Чаруке с пограничной русской стражей. Сообщалось о стычках повстанцев с турками и курдами. В августе Карсский военный губернатор Томич докладывал руководству Кавказа о приграничных манифестациях фидаинов и значительности роли духовенства в освободительном движении. Волею главноначальствующего Кавказа было запрещено печатание в региональной прессе об армянских событиях в Османской империи. Деятельность агитаторов, тайные сходки, прокламации и воззвания, материальная помощь турецким армянам не вызвали столько опасений у властей, сколько возможность выхода армянского вопроса из-под контроля. Реальная угроза в этом аспекте усматривалась со стороны главы армянской церкви. Тифлисский губернатор 27 января 1891 г. доложил главноначальствующему Кавказа С. А. Шереметеву: «Главнейшая и наиболее вредная роль в поднятии национального самосознания армян, в усилении племенных их вождений принадлежит армянскому духовенству, объединяющему армян и опасному в руках Патриарха, домогающегося светской власти»²⁹.

Накопившиеся проблемы послужили основой для межведомственного совещания по «армянским делам» 12 февраля 1891 г. В нем приняли участие министры: внутренних дел — И. Н. Дурново, просвещения — И. Д. Делянов, внешней политики — Н. К. Гирс и главноначальствующий Кавказа Шереметев. Общую атмосферу совещания определяло десятилетие восшествия на престол Александра III, проводившего политику слияния окраин с внутренними губерниями. В высших кругах господствовал дух державного патриотизма: «Прошла пора тлетворных чужеземных всякий, разлагающе влияющих на наше внутреннее развитие. Пробудившиеся в правительстве и в обществе национальное самосознание проявляется во всех разветвлениях политической и бытовой жизни русского народа. Русские люди, деятели государственные и общественные, привыкают исключительно по-русски и мыслить, и чувствовать, и действовать»³⁰. Председательствовал на совещании министр внутренних дел, призванный проводить охранительную линию.

Именно граф Дурново увязал «недоразумения» между правительственными инстанциями и Эчмиадзином с армянским «политическим брожением» в Османской Турции. Общая нацеленность повстанческого движения была определена как стремление к самоопределению. Эту мысль четко изложил Гирс: «С конца пятидесятих годов среди армян, преимущественно турецких, начинается развиваться новое направление, первоначально безформенное, но с ярким национальным оттенком, а затем выяснившееся в стремление к политической автономии под главенством Турции и, в более далеком будущем, к полной независимости»³¹. Наличие политического самостоятельного центра у турецких армян в лице Национального собрания, по мнению присутствовавших, обусловило утрату политического значения главы армянской церкви в видах реализации русских имперских интересов. Стремление Эчмиадзинского престола сохранить общенациональное значение, не игнорируя освободительные чаяния армян Турции, стало противоречить державным установкам самодержавия: «он обратился вместе с тем в послушное орудие для распространения в наших пределах надежд и мечтаний, идущих в разрез с нашими государственными интересами»³².

Совещание одобрило курс на нивелирование армян в составе господствующей нации: «Не допускать явлений, могущих затруднять деятельность правительства в стремлении к постепенному слиянию армянской народности с господствующим населением Империи». Обращено было внимание и на необходимость полного подчинения церковно-приходских школ государственным установлениям. Министр просвещения Делянов, прозванный в кулуарах «хитрым армянином»³³ за умение ладить со всеми веяниями, обязался неукоснительно выполнять державные требования. Для подавления патриотических настроений духовенства решено было установить «постоянное наблюдение за деятельностью низших органов», избегая репрессивных мер против высших иерархов, а самого верховного католикоса держать в рамках закона. Привлечение тайной полиции и жандармерии к контролю над священнослужителями мотивировалось преимущественно политическими соображениями: «Применение карательных мер к низшим духовным лицам представляется особенно желательным в настоящее время, когда среди армянского населения замечается сильное брожение, возбужденное политическим движением, возникшим в Турции и отразившимся уже в наших предлах»³⁴. Учитывая болезненное состояние католикоса Макара, сочли необходимым впредь не утверждать главой Эчмиадзина иерарха «явно враждебного России». Удовлетворено было и представление главноначальствующего Шереметева о высылке из края духовенства, участвующего в повстан-

ческом движении. Касательно затребованных Шерметевым общих указаний относительно армянского политического движения, участники совещания постановили руководствоваться указаниями министерств внутренних и внешних дел: «В данном случае наиболее удобно предоставить самим министрам снабдить главноначальствующего гражданской частью на Кавказе отдельными указаниями, в зависимости от общего положения и направления нашей внутренней и внешней политики»³⁵. Постановление означало сохранение возможности лавирования властей, в зависимости от ситуации вокруг армянского вопроса. 2 марта царь санкционировал журнал совещания: «исполнить»³⁶.

Установление русско-французского союза позволило самодеятельно летом 1891 г. достичь тройного успеха в Османской Турции. Заключено было соглашение с Блистательной Портой о свободном пропуске через проливы русского флота. Достигнута отставка великого везира Кямил-паши, повлекшая за собой реорганизацию всего высшего состава управления империи. Инициатором дипломатических успехов являлся «достойный преемник» графа Игнатьева³⁷ русский посол в Константинополе Нелидов. Его деятельность получила самый положительный резонанс в русской прессе: «Наш посол сумел создать противовес советникам султана, снижав уважение и доверие самого Абдул Гамида, и по его настояниям часто в Ильдиз-Кюске изменялись или вовсе отменялись решения, принятые Портой». Подоплека происшедшего объяснялась желанием султана освободиться от влияния тройственного союза и Англии, а также впечатлением от русско-французского сближения. Восторженно представлялась великодержавная роль сюзерена России в отношении турецкого клиента: «Исторически и географически она вправе требовать от Турции полного перехода на ее сторону и добровольного подчинения ее влиянию и руководству»³⁸. Подчиненность Порты от России обосновывалась финансовой зависимостью, исторической задолженностью, поскольку Николай I и Александр II не ставили задачу ее расчленения и захвата Константинополя. Нелидову, приобретенному турецкую фурию для Вани-удальца, советовалось продолжать усилия по заключению открытого русско-османского альянса. В случае строптивости Турции предлагалось ее объявить «несостоятельным должником» и пустить по миру³⁹.

Составной частью разворота Османской империи к России явилось ожидаемое в 1891 г. армянское восстание. На время заручившись благосклонностью Петербургского двора и приятелью Франции, Абдул Гамид получил свободу рук для подавления армянских волнений. Созданы были отряды «гамидие», конно-иррегулярные полки из курдов, направляемые на территорию от Эрзе-

рума до Закавказья и Персии по растерзанию освободительных устремлений армянского народа, и тем самым положено начало массовой резне армян. В ходе столкновений десять вооруженных армян обрали в бегство пятьдесят курдов⁴⁰. Трагедия состояла в том, что против безоружного армянского населения, лишенного права ношения оружия как представителя иной этнокультуры, действовали совместно как иррегулярные полки, так и регулярные турецкие части. Османским властям удалось превратить Армению в анархическую страну и заставить население искать спасение от разбоев, насилия и резни в бегстве, эмиграции и вооруженной борьбе. Поля и нивы не обрабатывались из-за набегов курдов, городское население страдало от турецких погромов, а сельское от бесчинств курдов и турок. Приструнивали «смутьянов», смеявших обращать внимание европейской общественности на положение армян. В хитросплетнях политических интриг оказалась фигура архиепископа Нар-бея. Потомок рода Лусинянов, владевших когда-то островом Кипр, он отличался прорусской ориентацией и бойким пером. Его корреспонденции, посылаемые в ряд европейских изданий, наделали много шума. В Парижских публикациях Нар-бей сообщал, что «султан в последнее время стал слабеть не только физически, но и умственно». Политический намек на армянский вопрос был более чем ясен. Как бы то ни было, министр полиции состряпал дело. Нар-бей покаялся. А султан, учитывая традиционные связи иерарха с русским константинопольским посольством, проявил великодушие заявив «что не усматривает здесь армянского вопроса». Наказание осуществили косвенным путем. Константинопольский патриарх Ашикян, креатура Абдул Гамида, признал Нар-бея виновным и отстранил от управления епархией⁴¹. Так что удалось не только приструнить смутьяна, который скоро скончался, но и дать знать русскому посольству в Константинополе, кто есть кто в империи, а также поставить в рамки на время высшее армянское духовенство.

Оборотной стороной происходящего насилия в отношении армянского населения Османской империи явилась антитурецкая кампания английской общественности. Раздраженный от всего происходящего Александр III наложил гневную резолюцию 7 февраля 1892 г. на соответствующее донесение Нелидова: «Из всего этого я заключаю, что роль наша самая неблагоприятная; нельзя спасти человека, который сам ищет смерти. Турция отпаяет страна, у нее все валится из рук, и только ленивые не подбирают остатков»⁴². В сентябре появилось сообщение о намерении премьер-министра Англии У. Гладстона потребовать от султана «автономных прав» для армян. Султан стал проявлять «озабоченность» и утверждать об отсутствии угнетения. Опровержением явилось удаление великим

везирем от должности архиепископа Арабкира Езника, осмелившегося публично молиться за прекращение террора против армян⁴³. Ощувив угрозу со стороны Великобритании, Абдул Гамид в ноябре устроил самый теплый и радушный прием в честь русского посольства. Нелидов и другие дипломатические представители были удостоены чести носить турецкие ордена⁴⁴. Посол сам был не лыком шит. Для отражения вмешательства Англии в дела Османской Турции он внес на усмотрение Александра III проект захвата проливов Босфор и Дарданеллы⁴⁵. Предложение сочли преждевременным. Учитывались имперские интересы. Великодержавные чувства Петербургского двора отразил «Русский Вестник»: «Телеграф приносит весть о событии с берегов Босфора, Дуная или Эгейского моря, и мы не спрашиваем себя: полезно или вредно для России, а пускаемся обсуждать его со всевозможных точек зрения, более или менее отвлеченных, за исключением одной, единственно правильной и для русских людей обязательной: с точки зрения русского государственного эгоизма»⁴⁶. Разочарование России в позиции балканских государств, освобожденных с ее помощью, нежелательность допущения усиления Англии в Малой Азии, осуществление контроля над проливами с помощью дряхлой Османской империи обуславливали терпимость самодержавия к затяжке осуществления реформ в Армении.

Сасун Османское правительство, столкнувшись с обострением армянского вопроса, в начале 1893 г. пошло на организацию провокации для обвинения армян в антигосударственной деятельности и сведения на нет усилий европейских держав по их защите. Тайная полиция распространила листовки антиправительственного содержания, бездоказательно приписав им армянское происхождение¹. Начались армянские погромы: январь — Кесария, май-июнь — Анкара, июль — Будгас². Была предпринята неудачная попытка штурма Сасуна. Погромы вызвали ответную реакцию повышения самозащиты армянского населения. Организацию самозащиты, в определенной степени, взяли на себя политические партии.

Осуждение происходящего предпринял верховный католикос М. Хримян, направивший 8 марта 1894 г. пастырское послание к константинопольскому патриарху Ашикяну с призывом не стоять в стороне: «Разве могу я, сидя у Арарата, видеть Индию, Европу и другие отдаленные страны; как я буду пасти свое стадо разсеянное по всем странам, где я их ни видеть не могу, ни посетить»³. Возникшая критическая ситуация связана неприкрыто с действи-

ями османского правительства: «Судьба нашего народа в Турции стала столь бедственной, что толпы из него, покидая имущество, дома и земли, бегут в Россию, невзирая на обоюдную пограничную охрану, без всякого поощрения со стороны императорского правительства, которое не одобряя этого движения, высылает пришельцев обратно в турецкие пределы»⁴. Духовному брату предложено осуществить миссию заступничества перед султаном: «Ваш и мой пастырский долг всеми средствами придти на помощь страждущей пастве и всячески стараться об улучшении их участи. Я делаю все от меня зависящее. Вам же надлежит прямая обязанность настоящим ходатайствовать перед правительством султана, во избежания еще больших бедствий, принятия действительных мер к улучшению нестерпимого положения нашего народа»⁵.

Содержание кондака главы армянской церкви, поступившее из константинопольского патриархата к Абдул Гамиду, произвело эффект взрыва бомбы в райских кущах. 3 апреля состоялся беседа султана с Нелидовым, предметом которой явилась жалоба на Хримяна. По словам халифа правоверных, руководитель Эчмиадзинского престола «высказывается столь же сочувственно к армянскому движению в Турции, сколько непочтительно и враждебно к действиям Османского правительства»⁶. Посланец султана устно изложил содержание пастырского послания по турецкому переводу с армянского оригинала. Заявлено, «что в тексте послания выражено нескрытое порицание действий и мероприятий турецкого правительства и бедственное положение армян преувеличено до того, что Султан вынужден видеть в нем намеренное посягательство на свое достоинство и возбуждение армянского населения к неудовольствию»⁷. Царю представлена просьба Абдул Гамида о желательности опровержения «вредного влияния» первого кондака католикоса новым. 21 апреля глава внешнеполитического ведомства Гирс представил донесение посла министру внутренних дел. Правительство не сумело добиться попятной Хримяна — орла Васпуракана.

Осуждению подверглась общая направленность действий армянских революционеров, позволяющая в повестке дня держать армянский вопрос. Генеральный консул в Бейруте доносил российскому послу в Константинополе (11.V.1984): «Армянские революционные комитеты, заседающие в Лондоне и Париже, продолжают свою преступную подпольную деятельность между малоазийскими армянами, возбуждая в них химерные и несбыточные надежды письмами, прокламациями и всякого рода печатными анонимными заявлениями и обещаниями. Результатом всех этих безцельных и безумных действий является то, что подозрительность и бдительность местных турецких властей находятся в настоящем

лихорадочном возбуждении, и что от этого терпят часто невинные люди»⁸. По всей территории Азиатской Турции производились массовые облавы, сыски и дознания. В Бейруте и Дамаске, Ване и Эрзеруме обыски не выявили ничего предосудительного. В Дамаске и Бейруте искали лондонские и парижские армянские патриотические издания, подтверждавшие связи между армянами и греками-революционерами Крита. Особенное внимание уделялось выявлению контактов армян Киликии (Карамани-Аданский вилайет) с зарубежьем, где общественные деятели находились под полицейским надзором. Бесцеремонному обращению турецких властей подвергся Сисский армянский патриарх, вынужденный в пасху просить заступничества у российского вице-консула в Тарсоне. Вице-консулу было вручено письмо для верховного католика всех армян Хримяна, намеревавшегося отправиться в Петербург для испрошения покровительства самодержавия своей турецкой пастве⁹.

В Ване и Эрзеруме турецкая администрация стремилась установить взаимосвязи местных революционеров с кавказскими армянами. Последние располагали складом оружия в Тифлисе, но партия «Дашнакцутюн» выступала против поднятия всеобщего восстания как не соответствующего местным условиям¹⁰. Положение армянского населения Турции усугублял недород 1892 г. и посредственный урожай 1893 г.¹¹. Генеральный консул России докладывал послу Нелидову (20.8.1894): «Положение христиан, кроме Сасунской казы, в Хнысской казе Эрзерумского санджака и Буланькской казе Мушского санджака минувшей весной было крайне безотрадное — люди ходили «как мертвые», ибо турки еще осенью отобрали у армян весь хлеб, обещаясь разделить его между жителями, а роздали его одним туркам и курдам, оставив армянам только хлебные суррогаты: просо, другое мелкое семя, известное у нас под названием канаресчное, и т. п.»¹². Массовая миграция армян в российские пределы приняла значительные размеры, численность которых только в Карсской области, по сведениям Хримяна, составила 10 тыс. чел. 28 апреля царь удовлетворил просьбу верховного католика об организации пожертвований среди российских армян в пользу переселенцев. Им, в конечном счете, разрешено временное пребывание на территории державы¹³.

Важным оппозиционным центром настроений армян султанское правительство считало Сасун, входящий в состав Битлисского вилайета. Горный ландшафт, наличие элементов самоуправления и традиции свободолюбия делали сасунцев знаменосцами армянской борьбы. В 1894 г. мушская администрация начала подготовку к карательному походу. Предпринято улучшение путей сообщений, призванных обеспечить доступ войск к Сасуну. Власти искали

удобного случая, чтобы обвинить армян в вооруженном восстании против Порты. Переувеличенное отражение угрозы вторжения, в ходе которого погибло более десятка аскяров, сдетонировало политическую ситуацию. Начавшие в конце июля наступление курдские отряды гамидие были разбиты. Важный вклад в самооборону внесли гичакисты, в том числе Мурад¹⁴. Однако в августе наступление развернули регулярные части четвертого корпуса турецкой армии под руководством Битлисского вали Тахсин-паши. Началась сасунская резня, завершившаяся к октябрю. В пепел было обращено 30 деревень¹⁵. Погибло более 5 тыс. чел.¹⁶. Христианская общественность мира содрогнулась. Советник российского посольства в Константинополе В. В. Жадовский сообщал: «Подробности возмутительных военных мер против армян проникли в европейскую печать и подняли повсеместную бурю обличительных статей против зверских приемов турецких войск по отношению к христианскому населению Армении»¹⁷. Предопределенность сасунских событий отмечалась английским вице-консулом в Ване¹⁸. Суть происшедшего наглядно выразила частная переписка американских граждан, очевидцев происходящего. Один из них писал: «Следует особенно иметь в виду, что Сасун составляет продукт определенной системы управления. В течение последнего десятилетия, как вам было известно, были сотни Сасунов по всей стране. Снисходительность Европы создала благоприятные условия для того, чтобы эта система беспощадно функционировала во всей своей силе. Она возникла из религиозной и расовой ненависти и направлена к истреблению христиан и уничтожению христианства»¹⁹.

Европейское общественное мнение бурлило, требуя христианского сострадания к безвинно вырезаемому народу. В начале ноября Великобритания обратила внимание Османской Турции на «бесчинства», происходящие в Турецкой Армении²⁰. В политических кругах туманного Альбиона наличествовало два подхода. Первый заключался в осуществлении совместного демарша с Россией для прекращения турецкого варварства в Армении. Учитывался накопившийся опыт политического заступничества за армян, которое без содействия Петербургского двора оказывалось парализованным²¹. Другой предусматривал активное использование европейского вмешательства по воплощению английских интересов. Отказ от европейского арбитража считался гибельным для глобальных видов Великобритании, поскольку «вся Армения, с источниками Тигра и Ефрата, подпадет под власть России»²². Рассматривались и возможности обоих подходов. Англо-русское сближение стала пропагандировать влиятельная газета «Таймс». Параллельно в ноябре Вестминстерский дворец выступил инициатором

ром создания международной комиссии по расследованию сасунских событий. Спустя месяц Великобритания предложила разменный вариант сферы интересов Петербургскому двору: разрешался ввод русских войск в Турецкую Армению для установления порядка, а взамен испрашивалось содействие в признании Францией английского преобладания в Египте. России предоставлялась возможность перейти к реальным действиям в решении армянского вопроса. Однако предложение было отвергнуто с указанием существования кипрской конвенции 1878 г., предусматривающей обеспечение территориальной целостности Азиатской Турции со стороны Великобритании. От «провокационного плана» несло большой войной²³.

В октябре 1894 г. на российский престол вступил Николай II. Смена царствования вызвала тревогу у части сановной бюрократии по причине англофильства нового монарха. Посол в Константинополе Нелидов, прибыв в ноябре для представительства в Петербург, открыто опасался совместного выступления Англии и России по поводу сасунских событий, значительного вовлечения российской политики в армянские дела. Опасения оказались напрасными. Новый венценосец провозгласил неизменность политического курса Александра III. Эту позицию полностью предвидели в Стамбуле. «Было бы удивительно, — отмечалось в расшифрованной телеграмме турецкому послу 18/30 ноября, — если бы русский император стал держаться другой политики по отношению к Турции, чем его державный родитель». Самодержец солидаризировался с турецким мнением: «Конечно»²⁴. Учитывая пожелание Абдул Гаида об участии консулов европейских стран в рассмотрении сасунских событий, царь в конце ноября дал свое принципиальное согласие. При этом была оговорена совместность действий с Францией и необходимость определения рамок консульской компетенции для недопущения доминирования Англии. Россия пошла на поводу у султана, который, консульской комиссией призванной сыграть роль громоотвода, намеревался установить факт «многих жестокостей в Армении»²⁵. Позиция самодержавия диктовалась опасением роста национальных устремлений армян. Глава внешнеполитического ведомства Гирс довел мнение Петербургского двора до султана: «В делах, касающихся армян, существует известная солидарность между Россией и Турцией, и, с точки зрения внутренних соображений, мы столь же мало, как и турецкое правительство, можем сочувствовать пробуждению в армянском населении национальных устремлений»²⁶.

Франция приняла предложение о консульской комиссии. Она не имела серьезных экономических и политических противоречий

с Россией в Азии²⁷. Общую позицию Парижа в армянском кризисе отражает донесение посланника в Константинополе П. Камбона (1891—1898): «Какие решения можно предложить. Независимую Армению? Не следует и думать об этом. Армения не составляет, как Болгария или Греция, страну, имеющую естественные границы или определенную территорию. Армяне расселены по всей Турции и собственно в Армении они перемешаны с мусульманами. Прибавьте к этому, она уже разделена между Турцией, Персией и Россией. Вследствие чего даже, в случае, мало, впрочем вероятном, если Европа предложит образовать Армению, то определить границы территории нового государства будет почти невозможно. То же затруднение будет сопряжено, если предложат образовать привилегированную провинцию, пользующуюся полуавтономией. Остаются, следовательно, обещанные реформы, но хорошо всем известно, что значат в Турции подобного рода обещания». Тесно связывая проблему преобразований с неспособностью Османской империи реформировать политические институты, посланник составил заключение о наличии стагнационного застоя: «Таким образом, возможных решений армянского вопроса нет: он остается открытым и турки только растроят его своей инертностью и скверной администрацией»²⁸. Именно Камбон, для парализования английской инициативы о международной комиссии для расследования сасунских событий, посоветовал Абдул Гаиду образовать консульскую комиссию из представителей России, Франции и Англии²⁹.

Самодержавие беспокоило рост армянского политического фундаментализма. В действиях армян искали крамолу. Официоз краевого руководства г. «Кавказ» поведала читателям о плане Парамусского курфюрста Иоанна Вильгельма занять армянский престол в 18 в.³⁰ Сообщалось о принятии президентом США Кливлендом представителей «Общества сасунских друзей Армении», просящих, учитывая предшествующий опыт вмешательства Европы, направить специального представителя по изучению кровавой драмы в Битлисе. В политических кругах конгресса якобы возникла идея об образовании из Армении «независимой провинции», находящейся под союзным протекторатом великих держав³¹. В консульскую комиссию намечалось включить американского уполномоченного Юветта в Сивасе³². Расширение рамок международного внимания к армянскому вопросу тревожило Петербургский двор, поскольку возник призрак второй самостоятельной Болгарии, могущей вовлечь в политические осложнения из-за естественной тяги западных армян к объединению с Русской Арменией. 5 января 1895 г. посол Нелидов оповестил министерство иностранных дел, что развитие событий в Армении идет по болгарскому сценар

рию 1877 года. Отличие усмотрено лишь в затрагивании коренных, «непосредственных» интересов Российской империи. Предложено российскому представителю в Сасунской комиссии придерживаться совместных действий с французским консулом, так как английский делегат под видом «человеколюбия» мог домогаться иных политических видов. Функция предстоящей комиссии усмотрена в констатации событий без придачи им политического значения: «Комиссия должна проверить, оценить и тем ограничиться, избегая основательного расследования и отчетов, слишком возбуждающих общественное мнение»³³. Мнение посла получило одобрение Николая II.

Османскую Турцию в дрожь бросало армянское самоопределение, самооборона, внимание международной общественности. Армянскими патриотами был убит битлисский губернатор Тахсин-паша, руководитель разорения Сасуна³⁴. Более всего османов тревожил призрак независимой Армении. В ход было брошено все: террор, давление, уговоры, обещания и дипломатия. В 1894 г. начались насилия в Шанин-Карахисаре (Трапезунд), вплоть до распятий на кресте, в Алеппском и Аданском вилайетах, Сперском уезде Эрзерумского вилайета. К покоям умиравшего Киликийского патриарха был приставлен аскяр для последующего захвата делопроизводительной документации, среди которой надеялись выявить переписку с революционными комитетами³⁵. Особое раздражение вызывали у султана публикации на армянскую тему в русских газетах. Было от чего злобиться кровавому тирану, поскольку пресса показывала реальную сущность оттоманского правительства: «Дело в том, что в Сасуне никакого бунта не было и армяны вырезали без всякой причины»³⁶. Мнение султана царь счел излишним, так как российская периодика лишь перепечатывала информацию иностранных изданий³⁷. Отказавшись от международной комиссии под доминированием Англии, Абдул Гамид заменил ее турецкой следственной комиссией. Широко использовались возможности католических стран. В конце декабря 1894 г. правительство Испании формально, по просьбе Ватикана, обратилось к английскому и российскому правительствам с предложением ограничиться в своих требованиях к Турции по воплощению армянских реформ: «оба правительства призываются не заходить слишком далеко в своих требованиях к Турции в связи с армянскими делами»³⁸. В роли троянского коня выступал армянский католический патриархат в Турции, не желавший усиления влияния России и эчмиадзинского духовенства. Очевидно, свою роль играли и позиция Франции, и дружественные отношения Испании с Османской империей.

В начале 1895 г. в Мусе была создана турецкая следственная

комиссия по рассмотрению сасунских событий. Участие в ней служащих консульств Англии, Франции и России, по словам Абдул Гамида, обеспечивало «беспристрастность расследования». Представители тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия и Италия) предпочли не участвовать в деятельности следствия, чтобы не осложнять положения султана. В феврале Великобритания выступила с инициативой перед Россией и Францией о необходимости воплощения 61 статьи Берлинского трактата для шести вилайетов Западной Армении. Предложение встретило понимание. Российская сторона рассчитывала на определенный контроль над преобразованиями при содействии Франции. Сам же султан, стремясь пресечь подобное развитие событий, спешно назначил турецкую комиссию для подготовки реформ. Англии было сделано представление о нежелательности вмешательства трех посольств в дело подготовки преобразования управления азиатских вилайетов³⁹.

Обостренность политической ситуации сказалась на рассмотрении сасунских событий. Российскому представителю полковнику Пржевальскому предписывалась видная позиция нейтралитета: «не обострять отношений как с армянами, так и с турецкой комиссией». Абдул Гамид же устроил политическое шоу. Официальным циркуляром европейская общественность была оповещена, что причиной «печальных событий в Армении» явилась бытовая ссора между армянами и курдами. Вмешательство революционного агитатора Мурада привело к гибели ряда мусульманских деревень. Битлисский губернатор брался под защиту, поскольку лишь усмирлял «вооруженные банды» из Эрзерума и Днарбекира. «Печальным итогом событий признавалась лишь гибель 1000 армян»⁴⁰, цифра используемая иногда европейскими исследователями, как, доктором, И. Лепсиусом⁴¹. У константинопольского патриарха М. Измирляна было запрошено о «желании» армян. На что последовал гордый ответ: «Армяне желают одного: чтобы они сами были господами своей жизни и своего имущества»⁴². Европейские делегаты в конце февраля заявили о прекращении участия в деятельности турецкой комиссии, «так как вопрос о том, кого считать ответственным за резню остается невыясненным»⁴³. Заявление являлось результатом грубой фальсификации событий со стороны турецкой администрации. Так, 20 марта 1895 г. Пржевальский доложил генеральному консулу в Эрзеруме о грубом произволе властей в отношении свидетелей, прямою нажиме полицейских чинов, подборе показаний и наличии неприкрытых угроз. «Какая нам польза высказывать правду,— заявила одна свидетельница,— за это и нас могут убить, как убили отца»⁴⁴. Важным фактом, к чести делегатов трех стран, явилось установление фирмана султана «О примерном пролитии армянской крови», зачитанного боевым частям. Коман-

дование же, основываясь на фирмане, предписывало аскярам «уничтожить все живое». Султанская Турция, заметая содеянное, поговаривала лишь о тысяче убитых, игнорируя другие данные, оценивающие число жертв Сасуна с 5—8 до 16 тыс.⁴⁵. Европейские представители турецкой комиссии пришли к выводу о необходимости смены образа управления армянских вилайетов.

Установившийся вандализм режима Абдул Гамида вызывал озабоченность у российских армян. Представители различных общин обращались к верховному католикосу Хримяну с просьбой личного ходатайства перед царем в пользу турецких армян⁴⁶. 1 декабря 1894 г. 145 представителей г. Гандзака обратили внимание главы армянской церкви, что Западная Армения в результате «насилий» султана теряет свое коренное население и заселяется кочевыми племенами. Подробности «печального явления» сочтены более известными Хримяну. Однако, история освобождения угнетенных народов Порты, пользующихся покровительством России, признавалась примером достойным подражания. Выражено возмущение «бесчеловечностью» Европы, перечеркнувшей Сан-Стефано и не принявшей мер по воплощению 61 статьи Берлинского трактата для «своих христианских братьев». Первосвященник Эчмиадзинского престола призывался поднять «свой голос» перед Россией и другими европейскими государствами об их международном долге провести реформы в армянских вилайетах Османской Турции⁴⁷. Армянское общество еще не понимало, в какую кровавую карусель попало. 8 февраля 1895 г. константинопольский патриарх М. Измирлян подал меморандум султану о тяжелом положении армян в Порте⁴⁸. В ходе аудиенций султан прервал обличительную речь патриарха, втуне которого находился английский посол, затребовав покорности от армян⁴⁹. К Измирлян поступил поздравительный адрес из Тифлиса от кавказских армян, восхвалявший твердость позиции в армянском вопросе в «нынешнее тревожное время»⁵⁰. Сам же константинопольский патриарх 28 февраля обратился к Хримяну с просьбой оказать помощь «духовным нуждам» армянам малоазиатских провинций Порты⁵¹.

Верховный католикос предпринимал попытки добиться аудиенции в Петербурге через министра внутренних дел, отклоняемой из-за напряженности в Малой Азии. Воздействие оказывал ход расследования Сасунских событий. 9 февраля 1895 г. министр внутренних дел Дурново отверг очередную просьбу: «Государь Император, по доведению мною сего числа до сведения Его Величества о сообщенном мне генерал-адъютантом Шереметевым желании Вашего Святейшества посетить Петербург, для молитвы на могиле в Бозе почившего Императора Александра III и для представления Их Императорским Величествам соизволил отозваться,

что вполне оценивает Ваши чувства и намерения, но при настоящих политических усложнениях в Малой Азии такая поездка представляется, к сожалению, не своевременной»⁵². Ответ стимулировал указание католикоса канцелярии подготовить обращение к Петербургскому двору. Разработка документа породила замысел прошения об аудиенции непосредственно к трем высшим лицам Российской державы — царю, министрам иностранных и внутренних дел, исключаяющий субъективность отдельного ведомства. Суть прошения сводилась к расширению попечительства самодержавия над турецкими армянами. Уполномоченным представителем Эчмиадзинского престола по вручению прошения был назначен архимандрит Тирайр.

Ознакомление архимандрита с настроениями петербургских верхов выявило различные мнения. 15 апреля Тирайру довелось участвовать в торжественном молебстве в Петропавловском соборе, отдавшим дань уважения усопшему Александру III. Спустя два дня он был удостоен любезного приема царем. В ходе церемониального разговора самодержец выразил благодарность армянам Кавказа за их поддержку в трудную минуту. В среде влиятельных царедворцев отрицательной позицией к визиту католикоса выделялся обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, представитель консервативных сил державы. Не стесняясь окружающих, обер-прокурор заявил о нежелательности визита, поскольку армяне рассматривали католикоса не «духовным владыкой, а политическим представителем нации». Этим объяснялась пышность встречи Хримяна в Тифлисе, при вступлении на Эчмиадзинский престол, приличествующая скорее представителю царской семьи. Величавость свиты верховного патриарха приравнивалась достойной персидского шаха. Отмечалось отсутствие пышных торжеств у армян для руководства Кавказа. Точка зрения Победоносцева мотивировалась нежеланием верхов армянской апостольской церкви пойти на унию с православной, стремлением отстаивать чистоту учения Григория Просветителя.

22 апреля Тирайр вручил прошение на имя царя заведующему письменной частью Зимнего дворца ген. ад. Д. С. Сипягину. Вечером состоялся прием у министра иностранных дел кн. А. Л. Лобанов-Ростовского. Ознакомление с содержанием ходатайства завершилось громкой озабоченностью: «Да!». Просьба Хримяна о царской аудиенции отнесена к компетенции министра внутренних дел, тем паче уже имелся отказ на предшествующую. Проявлено знание подоплеки: «хотя он об этом не говорил, но мы друг от друга секретов не имеем»⁵³. Ситуацию изменило указание архимандрита о вручении аналогичного прошения самодержцу, могу-

щего повлиять на мнение главы внутреннего ведомства. Князь четко знал правила столичной бюрократии: «никто не имеет права вмешиваться в чужие дела»⁵⁴. Подслащая пилюлю, Лобанов-Ростовский заявил о своем длительном пребывании в Константинополе, наличии армянских друзей, судьбами которых он интересовался из-за последних событий. Поворот беседы позволил Тирайру вывести ее на плоскость армянского вопроса. Отказ правительства России от приема верховного католикоса, когда о нем были осведомлены широкие армянские круги, представлено возможностью вызвать негативную интерпретацию политики самодержавия в Турецкой Армении. Подняв брошенную перчатку, глава внешнеполитического ведомства заявил о сохранении Россией покровительства над армянами Блистательной Порты, предпринимая с Англией и Францией шаги по осуществлению для них реформ. Заявление министра соответствовало истине, поскольку послы трех стран готовили меморандум о просвете реформ в Турецкой Армении османскому правительству (март—апрель)⁵⁵. Визит Хримяна сочтен чреватый политическим осложнением: «Турция не сможет в свою пользу объяснить приезд сюда католикоса»⁵⁶. Головоломкой представлен и отказ. Дипломатический выход усмотрен Тирайром в праве верховного католикоса поздравить августейшего монарха с восшествием на престол.

Затронута положение армян в Османской империи. На взгляд кн. Лобанова-Ростовского, его «ухудшение» породило живой отклик у закавказских армян. Руководство Кавказа сообщало о собраниях местных армян, организации материальной помощи сородичам, обращение за содействием к бывшему премьер-министру Гладстону. Мнение главы внешнеполитического ведомства имело связь с телеграммой посла Нелидова от 21 апреля о просьбе султана прислать военного либо гражданского чиновника для обозрения Малой Азии частным образом, «чтобы убедиться в интригах англичан, а также протестантских и католических миссионеров и их связях с армянскими волнениями»⁵⁷. Вirschходящем Тирайр не усмотрел «большой вины» армян России. Их материальная и правовая защищенность в Российской державе не отменяла национальных чувств, требуя соответствующего уважения властей. Неожиданный такой строптивости в ответе, министр иностранных дел разволновался. Однако благовоспитанность и официальный этикет позволили взять себя в руки.

Серьезность характера разгоревшейся беседы кн. Лобанов-Ростовский пожелал подавить заявлением о готовности турецкого правительства осуществить реформы в пользу армянского населения. Главным средством понуждения турок к их проведению представлена деятельность следственной комиссии по событиям в

Сасуне. Ответ о пустых обещаниях османов, сводящихся к тактике затягивания вопроса, возмутил министра: «Нет, нет. На этот раз обращается серьезное внимание на это. Даже султанское правительство очень серьезно думает об этом»⁵⁸. Проявлением доброй воли Абдул Гамида представлено создание при дворе Ийсык-Козе соответствующей комиссии во главе с одним пашой. Принятое особого статуса для Турецкой Армении сочтено венцом усилий международной дипломатии: «решение несомненно будет в пользу армян». Встретив достойного оппонента, Лобанов-Ростовский задал тонкий вопрос: «каковы исконные границы Армении и кем наиболее заселены». Интерес объяснен личным любопытством, так как нахождение в Турции со времени избрания верховным католикосом Матевоса Чухаджяна, занятые армянскими делами не сопровождалось «уяснением» границ Армении. Архимандрит заявил о существовании Турецкой и Русской Армении. Историческая Армения охарактеризована большим государством: «В древняя времена ее границы часто были переменчивы, достигая до западной части Малой Азии». На предложение уточнить современный контур последовал ответ: «Сейчас там под Арменией понимают ту часть, которая называется Ванским, Мушским и Эрзерумским вилайетами с прилегающими территориями, где и сейчас проживает больше всего армян»⁵⁹. Заявлено о переселении в пределы России 40—50 тыс. армян из-за массовых гонений. Беседа завершилась выражением благодарности кн. Лобанова-Ростовского за внимание к его личности. Затронутые же в беседе вопросы для недавно назначенного руководителя внешнеполитического ведомства имели не праздный, а прикладной характер. Спустя три дня состоялось вручение третьего прошения министру внутренних дел⁶⁰. 11 мая царь разрешил приезд верховного католикоса в Петербург⁶¹.

Сасунские события имеют сложное толкование в историографии: восстание, аграрное движение и борьба против фискального гнета. Гнчакисты провозглашали себя организаторами восстания. Гиперболизация их роли понадобилась гнчакистам для возвеличения воздействия на массы и привлечения европейских держав к занятию армянским вопросом. Аргумент о восстании использовался и османским правительством в качестве оправдания карательных акций против сасунцев, тем более что гнчакисты представили такой удобный повод. Маститый Лео Сасунские события 1893 и 1894 гг. находил аграрными движениями, как следствие агитации гнчакистов, призванных стать очагом общенационального восстания. Душой движения представлена маленькая группа гнчакистов во главе с Мурадом⁶². Исследователь С. С. Маркосян составил заключение о восстании против фискального гнета землевладельцев

курдов. Точка зрения основана на анализе независимых друг от друга источников (доклад русского дипломатического представителя Смирнова, исследование англичанина К. Мэльколь-Макколя, писем американца Ф. Д. Грина), идентично излагающих характер происходящего⁶³. При этом опущена политическая значимость происшедшего. Биограф Мурада Сирвард Сасунские события рассматривает как прямое следствие демонстрации Гум-Гапу⁶⁴.

Независимо от определения Сасунских событий как аграрно-податного либо политического, они явились синтезом ряда факторов: социального, национального, политического и вандализма режима Абдул Гамида. Преимущественно политическую окраску режим придал кровавая расправа османского правительства. Сасун не являлся очагом общенационального восстания против Блистательной Порты, требующим применения жесточайших репрессалий. Официальная версия Абдул Гамида о бытовой ссоре содержания Сасунских событий являлась ширмой для европейских держав. Султан сам «строгость» мер обосновывал необходимостью подавления армянской революции⁶⁵. Сасунская самооборона и последующие события вновь поставили армянский вопрос в международную повестку. При этом великие державы учитывали главным образом собственные интересы и возможности.

Майские реформы

11 мая 1895 г. послы Англии, России и Франции представили меморандум султану по армянскому вопросу. Документ состоял из докладной записки о преобразованиях и подробного изложения необходимых реформ в шести армянских вилайетах — Эрзерум, Битлис, Ван, Сивас, Харберд (Мамурет-ул-Азиз) и Диарбекир. Общий надзор над нововведениями вверялся верховному комиссару, поддерживаемому европейскими консулами через контрольную комиссию в Константинополе. Надзор за преобразованиями поручался комитету из мусульман и христиан. Предусматривалась свобода исповедания религии, сохранение привилегий, дарованных армянам в свое время султанами, обеспечение гражданских прав. Намечалась компенсация жертвам террора в Сасуне и прочих мест, возвращение эмигрантов к родным очагам, амнистия за политическую деятельность. Христианам предоставлялось определенное количество мест в местной администрации — руководители санджаков, управяющие каз и нахий. Они могли служить в полиции и жандармерии санджаков с преобладающим христианским составом. Общинам предоставлялось право выбора судей, раскладка налогов и ре-

шение спорных финансовых вопросов. Намечался запрет десятичной аренды земли, служившей средством обогащения помещиков. Руководство губерниями вверялось вали из высших чиновников Блистательной Порты, независимо от религиозной принадлежности. Критерием назначения признавалась компетентность. Фигура вали, ключевая для реформ, подлежала предварительному согласованию между султаном и великими державами.

Для успешности реформ рекомендовалось сокращение численности шести вилайетов. Из этого планировалось уменьшение финансовых расходов и количества вали. В последнем случае ожидалось повышение их авторитета. При новом делении предполагалось создание территориальных единиц, которые являлись бы преимущественно этнически однородными. Предложение было направлено против этнотерриториальной агрессии османов. Пояняющим примером показан подход турок к эйлияту Эрзерум, состоящему из уездов Чидир, Карс, Эрзерум и Ван. Последний включал в свои границы Хайкерия, Биглис и Муш. После войны 1877—1878 гг. османы перекроили границы эйлията. Вместо него созданы пять вилайетов — Эрзерум, Ван, Хайкерия, Муш и Дерсим. Затем Хайкерия была присоединена к Ванскому вилайету, а Муш вошел в состав нового Битлисского вилайета. При этом уезд Харберд стал вилайетом с включением ряда других земель. Дерсимский вилайет получил статус санджака. Чехарда с административным делением имела сознательный характер, преследующий цель растворения доминирующего армянского этноса в среде турок, курдов и айсоров. Структура вилайетов намечалась четырехзвенная — вилайет, санджак, каза, нахия. Реализация предложения о сокращении численности вилайетов позволила бы программе общих административных реформ приобрести национальный оттенок, поскольку армянское население в укрупненных губернаторствах составило бы вновь доминирующее большинство¹.

Программа реформ послужила превращением армянской тематики в злобу дня. В состоявшемся заседании англо-русского литературного общества в Петербурге выступил ген. лейт. Тиррел с докладом об Армении. Он подчеркнул культуртрегерское значение первого христианского народа на основе материалов конгресса арменистов 1892 г.: «Армения служила историческим мостом, по которому цивилизация проникла из Азии в Европу и по которому эллинская культура еще раз вернулась на Восток». Общая численность армян, в среднем, показана в четыре миллиона (низший порог определялся в три миллиона, а высший — пять млн. чел.): Османская Турция — 2,5 млн., Россия — 1,2 млн., Персия — 150 тыс., Индия — 25 тыс., Австро-Венгрия — 25 тыс., другие страны — 100 тыс.². Турецкий посол в Петербурге Хусни-паша имел беседу

с министром иностранных дел кн. Лобановым-Ростовским о проекте реформ. До султана доведено позитивное мнение Петербургского двора об основных положениях, разработанных главным образом Англией. Инициатива трех стран названа «дружескими предложениями». Одобрена мысль о надзоре над кавалерийскими частями «гамидие». Противовесом их деятельности сочтено образование жандармерии в 30 тыс. человек. Турецким уполномоченным изложено мнение султана о невозможности назначения руководителей вилайетов из христиан из-за смешанного состава населения: Эрзерумский — 131500 христиан и 501000 мусульман; Битлисский — 135000 христиан и 254000 мусульман; Мушский — 69000 христиан и 505000 мусульман; Ванский — 80000 христиан и 241000 мусульман; Сивас-Эрзинджанский — 47000 христиан и 840000 мусульман. По этим сведениям, в пяти вилайетах проживало 462500 христиан и 2341000 мусульман. Всего — 2803500 чел. Данные носили фальсифицированный характер. Они представлялись турецкими властями как результат последней народной переписи и распространены по Европе. При этом не раскрывалось понятие христианин — армянин, грек или айсор. Соответственно не дифференцировалось понятие мусульманин, так как в этих вилайетах проживало значительное исламизированное армянское население³.

Предполагаемые реформы носили административный характер. Армянские деятели в Константинополе стремились придать преобразованиям политическое содержание. Ключевую роль в этом виде придавалось назначению верховным комиссаром европейца. Идею по дипломатическим каналам поднял министр иностранных дел Альбиона Д. В. Кимберли. На расшифрованную телеграмму после Великобритании Ф. К. Ласселсу в Петербурге легла отрицательная резолюция царя Николая II: «Нам нельзя сдаваться на дальнейшие происки Англии в армянском вопросе»⁴. Послу в Константинополе Нелидову предписано отмежеваться от английской инициативы. Размежевание с Великобританией имело основой временное сближение с Германией, когда при ее содействии и помощи Франции Петербургский двор побудил Японию отказаться от Ляодунского полуострова (Китай). Учитывался определенный скептицизм Берлина относительно союзников по тройственному союзу и стремление к сохранению Османской империи. Данный подход отвечал политической линии Петербургского двора, направленной на продление существования Ближневосточной Порты и выполнение ею функции стража проливов Босфор и Дарданеллы. Сказывалось также мнение Абдул Гамида, что армянские волнения являются плодом интриг англичан⁵.

31 мая 1895 г. состоялось представление главы армянской церкви самодержцу России в большом Петергофском дворце.

Хримян поздравил от себя и паствы императора с восшествием на прародительский престол. В подданном прошении выражены чувства «преданности» армян всех стран за «вековое покровительство» монархов России. Вершиной аудиенции являлось испрошение покровительства царя для армян Османской Турции: «Дозвольте мне уповать, Государь, что благостная забота, простертая Императорским правительством, по повелению Вашего Величества, над древне-христианской Арменией, утешит воли страждущих под игом мусульманского фанатизма»⁶. Выражена царская похвала за посещение⁷. Встреча 3 июня Хримяна с кн. Лобановым оказалась посвященной проблеме армянской миграции. Ухудшение положения беженцев, угроза обезлюдения Турецкой Армении, побудили Айрапетом отдать указание духовенству о побуждении переселенцев к возврату на родину⁸. Однако, в этом встретил противодействие турецких властей. У министра запрошено содействие российских консулов в оказании помощи возвращенцам к родным очагам и отмене пограничных сборов с османской стороны, составляющих не менее 7 руб. 50 коп. с души. Глава внешнеполитического ведомства выразил сочувствие к положению армян и обещал содействие ходатайству Хримяна⁹.

Оптимизм от петербургских встреч получил отражение в пояснительной речи верховного католика об исторической судьбе Армении в армянской церкви Петербурга 3 июня. Представители армянских общин безуданно задавали главе церкви животрепещущий вопрос: «Айрик, скажи нам, здрава ли наша родина мать — Армения, живы ли ее дети?». Многие в отчаянии от армянских ужасов в Османской Турции считали, что она погибла. Айрапетом отмечено: «Армения еще жива и останется жива. Если Армения многое потеряла, все-таки под охраной Божьей вот уже 4000 лет живут ее дети. Да, Армения жива и останется жива, тогда как ее соседние великие народы — мидийцы и ассириане — давно погибли и след остался только в истории». Судьба российских армян признана благоустраенной, имеющим возможность открыто исповедовать свое вероучение, находиться под сенью державного правопорядка, наслаждаться благами собственного труда. Трагичной сочтена участь армян Ближневосточной Порты, хотя указывалась возможность Божьего просвета: «но братья наши в другой части Армении, подпавшие под власть турок, ныне стонут от всевозможных мщений и страданий. Отчаиваться, однако, не надо. Ничего на свете не вечно. Наступил, по видимому, час, когда суждено прекратиться и мучениям многострадального Гайканского народа». Выражена надежда на прекращение страданий братьев в Турецкой Армении под десницей Николая II. Телеграфные агентства разнес-

ли по свету, что верховный католикос лишь в царе видит «единственного защитника и покровителя армянского народа»¹⁰.

Общая точка зрения Петербургского двора склонилась к сохранению статуса Османской империи и обеспечению безопасности армянского населения. При этом уиор ставился на парализовании вмешательства Англии в армянские события как средства достижения ею новых политических уступок от султана. На этой почве произошел дипломатический казус. 7 июня произошла публичная утечка информации из Азиатского департамента о рассмотрении Зимним дворцом «любого армянского дела как английскую интригу»¹¹. Речь шла об инструкции константинопольскому послу Нелидову, после вручения проекта реформ султану, связанной с нежеланием дальнейшего обострения армянского кризиса в Османской империи. Информация стала известна верховному католикосу. Происшествие было расценено кн. Лобановым как «беспорядок» в министерстве, а сотрудниками как «ужас»¹². Приоткрыт полог большой политики.

Между тем, уяснив наличие противоречий между Англией и Россией, 3 июня султан отверг меморандум. Мнение обосновано несоответствием ряда предположений закону о вилайетах: недопускавшего децентрализации власти из рук верховного правителя, не предусматривающего назначение вали на пять лет и существование некоторых постоянных советов. Предложение о полиции, жандармерии и страже признаны противоречащими существующим законам. Подчеркнуто право Блистательной Порты определять необходимость реформ на той либо иной части собственной территории. Выдвинут традиционный тезис о проведении нововведений по всей стране, с последующей возможной локализацией¹³. Отвергая вмешательство великих держав во внутренние дела Османской Турции, Абдул Гамид отказывался от 61 статьи Берлинского конгресса. Армянский вопрос из европейской тематики низводился до уровня местного значения. Продолжая политическое маневрирование, глава османов предложил на должность верховного комиссара назначить Кьямил-пашу. Использование бывшего главного везира в роли преобразователя, известного армянофоба, означало бы официальное содействие торпедированию проекта реформ. Норов султана был вскоре сбит представлениями послов трех стран — Нелидова, Камбона и Фреда, сделавших внушение Оттоманской Порте по поводу бесчинств солдатни в Муше и проведенных специальное совещание по судьбе меморандума¹⁴. Спустя несколько дней турецкое правительство выразило свое принципиальное согласие с предложенными реформами для армянского населения, которые не должны были затрагивать высшие суверенные права султана¹⁵.

Сохранение обезличенных преобразований позволило Петербургскому двору в начале июля оповестить Стамбул о надежде «довести до благополучного завершения ставших необходимыми реформ»¹⁶. В Константинополе осуществление реформ вверено Шакир-паше. Выражено согласие допустить армян в состав вилайетской администрации. 1 августа состоялось обсуждение сложившейся ситуации между главой внешнеполитического ведомства России Лобановым-Ростовским и его заместителем В. Н. Ламздорфом. Согласие султана на преобразование оценено «благоприятным признаком». Министр иностранных дел выразил желание полностью вверить проведение реформ Порте: «Моя основная идея — свести к нулю работу послов. Это дело велось плохо, и следовало бы поставить его в рамки прав контроля, предоставленных нам Берлинским трактатом». Желательность меры усматривалась в сложности проведения «обширных реформ», необходимости привлечения к ним надзора всех великих держав. Поручение Османской Турции воплощать нововведения позволило бы избежать шероховатых подходов Великобритании. Приемлемым сочтено предложение премьер-министра Солсбери создать «наблюдательный орган» над реформами в Константинополе. Общая позиция правительства консерваторов относительно перспектив развития армянского вопроса признана благоприятной для интересов Российской империи. Лобановым-Ростовским заявлено: «Мы вполне удовлетворены, что английское правительство понимает невозможность создания у наших границ какой-то привилегированной провинции»¹⁷. Решено придерживаться 61 статьи Берлинского конгресса.

Боязнь создания Армянской провинции у самодержавия имела основания. Ереванский губернатор в апреле 1895 г. докладывал о восприятии массами деятельности революционеров как движения в пользу восстановления армянского царства с собственным монархом¹⁸. В мас кавказская администрация составила заключение о нежелательности армянского административного образования в приграничной полосе, которое, находясь под европейским влиянием, лишило бы Россию поддержки в смежных территориях и явилось бы поводом к военному конфликту с Османской империей¹⁹. 4 июля департамент полиции сообщил об опасных размерах армянского национального движения, угрожавших имперскому порядку, необходимости пресечения поставок оружия через Персию в Турцию, желательности массовых обысков и арестов. Деятельность партий «Гнчак» и «Дашнакцутюн» признана преследующей национальные установки. Последовали аресты партийных деятелей²⁰. Сомнение вызвала деятельность «Армянского благотворительного общества на Кавказе». Патриотизм общества сочтен

антидержавным. Охранительной г. «Московские ведомости» прямо заявлено: «допустим, что в Азиатской Турции образовалось армянское общество, задавшееся целью упразднить Турцию, а ее место уступить Армении. Само собою разумеется, что такое общество будет преследовать пользы армян»²¹.

В сложный клубок сплелись политические реалии и мифы. Везде грезилась международные осложнения. Имелось заявление министра иностранных дел Болгарии о желательности разрешения македонского вопроса вместе с армянским. Европейский мир ставился под сомнение²². В самый канун совещания кня Лобанова с Ламздорфом турецкий посол Хусни-паша заявил о подготовке князя Фердинанда 1 Кобургского провозгласить Болгарию независимым королевством. Новость была воспринята Лобановым как попрание признанных международных норм: «независимость Болгарии была бы еще одним нарушением законного порядка наподобие фактического присоединения к болгарскому княжеству Восточной Румелии, случившееся около 10 лет тому назад»²³. Летом 1895 г. Малую Азию обзирал подполковник генерального штаба В. Путьята под личиной географа, направленного туда по просьбе Абдул Гамида для выявления «происков» англичан в армянских волнениях. В ходе путешествия подполковника, допущенного осмотреть всю Анатолию, кроме Сасуна, оказался затронут миф о стремлении турецких армян к независимости. В беседе с духовным главой Эрзерумом архиепископом Шишманяном, будущим Константинопольским и Киликийским патриархом, с подачи османской администрации оказалась затронута эта тема: «Однако мне повсеместно говорили, что реформы не устраивают население, которое желает царства». На это последовал трезвый ответ архиепископа о желательности ограничиться реформами под покровительством России: «Это не сегодняшний вопрос. Мы сейчас к независимости не готовы. Нам нужны только такие права, какими пользуются армяне в Закавказье и мы просим вашего посредничества»²⁴. В записке «О Малой Азии» показана деятельность Англии, после войны 1877—1878 гг., по установлению влияния в Азиатской Турции. Массовая миграция армян в пределы России представлена следствием «разорения» и «фанатизма» мусульманского населения. Затронуты «армянские жалобы» на администрацию²⁵. В то же время не допущен перегиб в армянском вопросе по внешнеполитическим интересам. Еще министр иностранных дел Гирс отмечал: «Я опасаясь, как бы отречение России от дальнейшего проявления сочувствия армянам не послужило, по обычаю, предметом выгодной сделки, в которой султану пришлось бы платить вынужденными уступками на одном пункте Турции»²⁶. Так что

позиция Лобанова-Ростовского определялась хитросплетениями внутренней и внешней политики Российской империи.

Сохранялось расхождение интересов между Англией и Россией от Константинополя до Дальнего Востока. Кигайский заём России охладил отношения с Германией и Великобританией, сплотил участников тройственного союза. Заигрывание с Абиссинией создало почву для сближения Англии и Италии²⁷. Внутри Великобритании оппозиция широко использовала армянский вопрос для политических дивидендов. Большой шум наделало выступление лидера либералов Гладстона 6 августа в Честере, пригвоздившего к позорному столбу армянскую политику оттоманского правительства. Неоднократно являясь главой правительства Англии (1868—74, 1880—85, 1886, 1892—94), он осуществлял имперскую политику под флагом уделения внимания малым нациям. По его мнению, режим Абдул Гамида держался на трех элементах: курды, солдаты и чиновники, каждый из которых понуждался режимом к угнетению «одной из древнейших христианских рас» — армян, характерная черта которых — миролюбие. Если курды помогали у армян денег и имущества, то турки жаждали армянской жизни. Утверждалось, что кипрская конвенция 1878 г. предоставила Англии право гарантировать сносное существование армянам²⁸.

Эхо от выступления бывшего премьер-министра отозвалось в Турции и России, затронув великодержавные чувства ура — патриотов. Некто Халил-Хамид в открытом письме к Гладстону обвинил его в проармянских настроениях и предвзятости к туркам как мусульманам. Выступление лидера либералов сочтено «недостойным шагом великого человека»²⁹. Почву для представления борьбы армянского народа катализатором мусульманского фундаментализма составили публикации ряда европейских изданий. Венгерский профессор Вамбери в ст. «К армянскому вопросу» высказал опасения от самоопределения армян, могущего привести к образованию более опасного мусульманского вопроса³⁰. Кавджи-Гулам-ус-Саглэн эту мысль развил в ст. «Мусульмане Индии и армянский вопрос». Заявлялось о необходимости уважения Великобританией чувств 75 мусульманского населения Индии к повелителю правоверных турецкому султану³¹. На взгляд этих специалистов, улучшение участи турецких армян мог осуществить лишь пророк Мухаммед. Интерес представляет ответное письмо Гладстона на обвинение в предвзятости к туркам как мусульманам. В нем он представил себя гуманистом, пекущимся исключительно о судьбе Блистательной Порты: «По моему мнению, я был лучшим другом Оттоманской империи, чем султан и его советники. Я всегда рекомендовал Турции даровать народностям разумные права местного самоуправления, которое спасло бы Турцию от ужасных по-

терь. Этот добрый совет был опровергнут, и Турция лишилась 1800000 населения и может потерять еще»³².

Пolemический задор проявила русская пресса. «Московские ведомости» уверяли читателя, что обращение Гладстона к Кипрской конвенции есть хитрая уловка, не имеющая никакой связи с защитой христиан Малой Азии. Наоборот, Великобритания взялась защищать целостность Азиатской Турции от России. Выступление Гладстона оценено как политически направленное против России: «Англичане так ухватились за армян, что видят в них вполне удобный материал для создания на кавказской границе второй Стамбуловской Болгарии. Для защиты «несчастных» армян они теперь предлагают все смежные с Россией турецкие провинции, где есть армянское население, сделать почти автономными, с тем, конечно, чтобы потом даровать им полную автономию». Несведущему читателю, неуразумевшему до конца причину такого отношения к армянам, потребность сохранения целостности Ближневосточной Порты публично объяснена интересами самодержавия: «Создание независимой или полунезависимой Армении было бы покушением на целостность Оттоманской империи, что Россия не может сделать без нарушения, да еще к своему же ущербу — дружественных отношений, установившихся между нею и Турцией». Распад Турции связан лишь с военными действиями. Газета «Свет» постаралась в унисон армянскому вопросу разыграть курдскую карту. Из запасников вытасчен провокационный тезис Лейрйда о наименовании Армении Курдистаном: «Итак, одна и та же земля зовется Курдистаном и Армениею. Мы можем из этого только одно заключить, — что гг. дипломатам следовало бы особенно хорошо знать географию и этнографию, причем только от незнания той и другой происходят эти замешательства»³³. На публику надуен туман похлепке лондонского.

В середине августа 1895 г. премьер-министр Англии Солсбери заявил о необходимости применения военной санкции Европы к Османской империи для решения армянского вопроса. Последовал отказ России и Франции³⁴. Политическая напряженность оказалась взорванной 18 сентября в Константинополе армянской демонстрацией в пользу реформ, завершившейся кровопролитием³⁵. Послы шести держав (Англии, России, Франции, Австро-Венгрии, Германии и Италии) потребовали от султана наведения порядка в столице³⁶. Накал великодержавных расчетов достиг предела. «Иностранные силы, — предупреждал посол Нелидов Петербургский двор, — все ближе подбираются к самому сердцу Турции, со всех сторон принимаются меры для обеспечения наибольших, в случае разложения Турции, выгод»³⁷. 5 октября опубликован ираде султана об осуществлении проекта реформ в Турецкой Армении,

выработанный послами Англии, России, Франции с Портою, призванный разрядить ситуацию. Спустя три дня в армянской церкви Москвы совершенно молебствие в честь российского императора, защитника интересов христиан Востока. Верховному католику послана поздравительная телеграмма по поводу сдвига с мертвой точки проблемы реформ: «Приносим Вашему Святейшеству сердечное поздравление: Господь Бог внял святым молитвам вашим, проявил милость свою народу Гайканскому»³⁸.

Май, пора расцвета надежд. В политике, независимо от времен года, судьба на стороне обладающего силой. Историческая участь нации определяется совокупностью слияния собственных усилий и действий внешней силы. От их гармонии и единства зависит превращение розовых надежд в реалии либо окрашивание в пурпурные тона.

Статус-кво Согласие султана на осуществление реформ в Турецкой Армении было воспринято верхами Российской державы как благополучное завершение борьбы за реализацию 61 статьи Берлинского трактата. Совместная деятельность с Англией, при поддержке Франции, рассматривалась как тактическая мера по недопущению «энергичных операций» Вестминстерского дворца. Считалось необходимым скоординировать также подходы России и Германии. 13 октября 1895 г. состоялась аудиенция министра иностранных дел Лобанова-Ростовского у кайзера Вильгельма. Русской стороной было высказано опасение о возможности занятия Англией Дарданелл. Армянский же вопрос был представлен как находящийся «на пути улаживания». Кайзер предложил уравновесить английскую акцию занятием Константинополя Россией. Эта мера, на взгляд Лобанова-Ростовского, не обеспечивала паритета. Сошлись на том, что занятие проливов явилось бы нарушением Берлинского трактата. Была обещана поддержка «великим интересам» России на Востоке¹. В этот же день царь раздраженно прореагировал на информацию английских источников о турецких эксцессах в Западной Армении: «Все это так дико и преувеличенно!»². Обеспокоенное правительство Великобритании запросило Абдул Гамида о судьбе реформ. 16 октября агентство «Рейтер» распространило сообщение из Константинополя о положительной реакции падишаха мусульман: «Султан, принимая английского посла, заявил, что твердо решил осуществить армянские реформы. Великий везирь дал подобные же заверения»³. Скепсис проявлен в Германии. В Берлине находили, «что надо ждать нового и более яркого взрыва турецкого фундаментализма»⁴. Озабоченные послы Англии, России и Франции 17 октября согласовали с министром иностранных дел Турции Саид-пашой

возможность осуществления реформ первоначально в трех вилайетах Западной Армении. На следующий день соглашение получило одобрение султана⁵.

Выдав международную санкцию на проведение реформ, Абдул Гамид внутри империи пустил в ход государственный терроризм по их девальвации. 18 октября в Эрзеруме был погром. По официальному сообщению епархиального архиепископа Гевонда, происходила «страшная резня», осуществляемая руками солдат и черни. Вина возложена на правительство. Из города «зверства» перенесены в сельскую местность: «Селения на равнине беспощадно предаются огню». Криком отчаяния являлось обращение к верховному католикусу: «Надежды ниоткуда. Нет слов передать весь ужас положения. Народ на краю гибели. О помощи вызывают тысячи страждущих»⁶. По горячим следам число эрзерумских жертв в русской печати определено: убитых 1000 семейств и раненых — 500. Начались погромы в Алашкерте, Ерзинке, Трапизонде и Байбурде. Используются отряды «гамидие» и босьяков⁷. Отказ от проведения реформ осознавался султаном как выбор между интервенцией Англии и армянской революцией. Наибольшая опасность усматривалась в армянских требованиях самоопределения. «Неутешительные вести» из Константинополя побудили Николая II дать указание послу Нелидову о принятии необходимых мер с другими дипломатическими коллегами. Посол оценивал положение Османской Турции близкой к катастрофе⁸. 31 октября в Константинополе было распространено сообщение о начале широкого восстания в Армении. Численность повстанцев определялась в 20 тыс. вооруженных человек. Султан санкционировал отправку корпуса регулярных войск в 43 тыс. в Армению⁹.

В Петербурге найдено нужным приглушить армянское движение. 31 октября министр внутренних дел И. Л. Горемыкин направил строго конфиденциальное послание верховному католикусу. Сообщалось о принятии султаном проекта реформ трех стран — России, Англии и Франции для армянского населения Малой Азии. Предлагалось проявить такт к процессу их воплощения: «Необходимо время и настойчивость с нашей стороны, наблюдение для осуществления этих реформ». Выдвинут тезис о противодействии реформам армянской стороной: «Между тем из турецких провинций продолжают поступать тревожные известия о новых столкновениях между армянским и мусульманским населением. Из них видно, что в кровавой борьбе, происходившей в последнее время в Диарбекире, Зейтуне и Эрзеруме, армяне, по видимому, почти всюду являлись зачинщиками событий»¹⁰. Тревожное положение дел у российской границы, активное содействие кавказских армян

борьбе соплеменников Малой Азии, сочтено требующим вмешательства главы армянской церкви: «министр иностранных дел находит, что настало для Вашего Святейшества время сделать своими советами и влиянием вверенную Вам Богом паству как в России, так и за нашими пределами, от опасных предприятий». Использование активных средств борьбы против султанского ига сочтено политическим максимализмом, могущим иметь трагедию для армянского населения: «Русское правительство ни под каким видом не желает одобрить применяемых армянскими передовыми людьми революционерств, которые будут иметь лишь самую гибельную последствия для их соплеменников в Турции»¹¹. Выражено желание об оказании верховным католиком содействия позиции российского правительства: «В сих видах, в целом присоединяясь к мнению, выраженному князем Лобановым-Ростовским, считаю долгом просить Ваше Святейшество высказать совершенно определенно Ваши воззрения на продолжение смуты среди турецких армян и внушить им не только посредством личных Ваших сношений, но и путем пастырского послания, обращенного к пастве, необходимость прекращения этой Смуты»¹². От послания главы внутриполитического ведомства веяло политической мудростью, проявлением заботы о непослушном чаде, ставящими целью остудить горячие головы и политический максимализм в армянской среде. При внимательном же прочтении обращала внимание тенденциозность, превращение жертвы в агрессора.

Встревоженный Хримян запросил информацию константинопольского посла Нелидова об армянских делах в Османской Турции¹³. Началось давление на руководство армянской церкви. Султан довел до сведения послов, что константинопольский патриарх Измирлян снял с себя ответственность за деятельность «бунтовщиков»¹⁴. 6 ноября региональный официоз г. «Кавказ» опубликовала телеграмму католикусу Хримяну о желательности приглушения освободительного движения: «Султан утвердил проект реформ, предложенный тремя державами. Делаются все приготовления к их осуществлению, но для этого весьма необходимо, чтобы вожаки народа указывали ему на необходимость отказаться от тщетных надежд на успех революционного движения и иностранного вмешательства, чтобы положить конец всем волнениям, способствовать общему умиротворению и улучшению положения, помогая таким образом осуществлению новых мероприятий». Обстановка в Константинополе для армян признана умиротворенной, но в провинциях обостренной. Зачинщиками событий «в большинстве случаев» сочтены бездоказательно армяне, действовавшие под воздействием революционных комитетов. Итог признан обескураживающим: «последствием чего являются страшная месть и беспорядки».

щадных ужасных потерь христиан»¹⁵. Очевидно, тотальность телеграммы обусловила возникновение в историографии бездоказательной легендарной фразы: Нелидов Абдул Гамида при поиске выхода из армянского кризиса: «Резня, Ваше Величество!»¹⁶. Крестный отец высказывания русский публицист А. В. Амфитеатров отказывался от ее достоверности, но посеянные семена остались¹⁷.

Соответствующие меры самодержавие предприняло на международной арене. Посол Нелидов заверил Абдул Гамида в стабилизирующем воздействии России на позицию Великобритании. Депешей Лобанова-Ростовского к премьер-министру Солсбери от 4 ноября было заявлено о необходимости длительного времени для улучшения положения христиан в Малой Азии. Ответственность за различие подходов армянской и турецкой сторон к срокам и содержанию реформ глава российского внешнеполитического ведомства возложил на Англию. Указывалось на поощрение высшими сановниками Альбиона деятельности армянских революционных комитетов и поддержку общественностью армянских требований:¹⁸ «Я, — указывалки Лобанов, — не верю в скорое улучшение положения дел в Малой Азии, потому что слишком сильно еще возбуждение как мусульман, так и Армян, а волнения среди последних — прямое последствие резкой постановки Армянского вопроса»¹⁹. В расчеты самодержавия не входило ускорение распада Оттоманской империи. 9 ноября Лобанов-Ростовский сообщил российскому послу в Лондоне о стремлении Петербурга сохранить статус-кво Ближневосточной Порты: «С самого начала армянских осложнений нашей единственной целью было получение гарантий безопасности и благополучия для армян без подрыва при этом существования Оттоманской империи»²⁰. Возможность распада Османской Турции представлялась началом европейской войны. Политической целью момента определялась стабилизация ситуации: «Найти наиболее практичные способы облегчить оттоманскому правительству проведение согласованных реформ и восстановление внутреннего спокойствия»²¹. В целом, выдвинута новая версия событий, рассматривающая застрельщиком осложнений в Азиатской Турции не армян, а Великобританию.

В Англии позиция России по «больному человеку» получила сдержанное признание. Точку зрения правительства маркиз Солсбери изложил 9 ноября на банкете в честь нового лорда — мэра лондонского сити Вилькина. Суть ее сводилась к признанию интересов великих держав на Ближнем Востоке: «В Азии хватит места для всех». Армянский вопрос представлен волнующим длительным временем английскую общественность из-за бездушного отношения Абдул Гамида к армянам: «Но если султан не захочет быть справедливым и не сообразованно отнесется к армянам сер-

дечно, то самый лучший закон останется бесполезным». Армянские кошмары представлены как возможность распада османской державы: «турецкое правительство, несмотря на все трактаты и союзы держав, само идет на встречу роковой судьбе». Возникшая ситуация представлена затрагивающей интересы стран Европы: «Уже полвека тому назад великие державы убедились в необходимости регулировать турецкие дела, и я не думаю, чтобы они теперь думали иначе. Опасность падения Турции заключается не в тех только последствиях, какие оно вызовет в ее областях, а в том, что пожар может распространиться на другие страны и привести к общеевропейскому замешательству». Заявлено о признании территориальной целостности Ближневосточной Порты: «Исходя из этой мысли, мы всегда поддерживали принцип неприкосновенности Турции». Отвергнута сепаративность действий в Порте: «Я думаю, что державы будут решены действовать относительно Турции сообща». Доктрина совместных действий предусматривала сохранение «вооруженного мира»²².

В круговорот событий втянулись различные политические силы. В очередной Брайтонской речи маркиз Солсбери огласил содержание письма Абдул Гамида, желавшего опровергнуть сомнения насчет преобразований в Западной Армении: «Я проведу реформы и буду лично наблюдать, чтобы каждый параграф был приведен в исполнение». Приняв к сведению послание, премьер-министр сохранил политический задор. Солсбери подчеркнул желательность единства Европы относительно Османской империи: «что бы ни произошло, должно происходить с общего согласия»²³. Представители армянской общины Парижа обратились к президенту Франции за помощью: «Армянский народ среди агонии своих сородичей обращает молящий взор к Франции, которую он всегда любил, и теперь твердо убежден в том, что эта благородная страна, никогда не отказывая в своем покровительстве угнетенным народам, не откажет в нем и терзаемому армянскому народу, достойному всякого сострадания»²⁴. Разряжая накаленную обстановку, султан издал указ об оказании правительственной помощи семьям пострадавших в ходе «анатолийских беспорядков»²⁵. 11 ноября посол Нелидов призвал представителей великих держав осуществить военную демонстрацию шестью кораблями в проливах для давления на султана²⁶. Реакцию на происходящее германских кругов изложил берлинский офицер «Северонемецкая всеобщая газета»: «Притязания к независимости, предъявляемые армянской революционной партией, ни на чем не основаны. Простого взгляда на карту достаточно для того, чтобы убедиться, что независимая Армения — дело немыслимое. Вот почему армянам

придется примириться с турками, и дело реформ, начатое султаном, принесет армянам тем больше добра, чем предупредительнее они станут к нему относиться»²⁷. Региональный офицер «Кавказ» поместил «маловероятное известие» о значительности армянских потерь на территории между Ваном и Битлисом: «сожжено 61 селение и 26 священников, разрушено 1777 домов, убито 20000 армян»²⁸.

Давление Англии на Османскую Турцию продолжало сохраняться. Российским кругам зрелось желание премьер-министра Солсбери развалить Оттоманскую империю, закрепить за собой Египет, установить европейский кондоминиум в Константинополе. Об этом замысле кн. Лобанов сообщил свое мнение послу в Лондоне 21 ноября: «Должен признаться, нам трудно представить себе практический способ, которым указанная идея могла бы быть воплощена в жизнь. В этом замысле для нас ясно только одно: он направлен против жизненных интересов России и потому неминуемо привел бы к такому конфликту, неизмеримую серьезность которого мне нет надобности Вам подчеркивать»²⁹. В растерянности пребывал и султан Турции. Террор против армян и дружба с царем не приносили облегчения: «Глуп я был, что рассорился с англичанами, — сетовал в кругу приближенных Абдул Гамид, — оттого все мои несчастья!»³⁰. Подобные настроения султана получили негативную оценку у Николая II. Причиной всех процессов был сочтен англо-армянский флирт. 23 ноября на донесение Нелидова о деятельности англо-армянских революционных комитетов последовала резолюция: «Неужели нет способа противодействия проидам и интригам мерзких англо-армянских комитетов во всех турецких областях?»³¹. Послу Нелидову было поручено заверить султана о поддержке его намерений сохранить Оттоманскую империю. В тактических видах предлагалось не противиться пропуску новых стационарных кораблей европейских стран к Константинополю. Совет царя приняли с благодарностью³². Массовая же резня христиан продолжалась.

29 ноября 1895 г. состоялась беседа английского посла Ф. Карри с Абдул Гамидом, длившаяся два с половиной часа, посвященная интерпретации последних событий в Блистательной Порте. В центре внимания оказалась прокатившаяся кровавая вакханалия: «Принятие реформ сопровождалось резней во всех армянских провинциях; тысячи людей, которые потеряли свои дома и собственность, вынуждены будут всю зиму голодать в ожидании помощи»³³. Послом заявлено о наличии насильственных случаев обращения армян в ислам. Более того, по донесению вице-консула из Муша, армян Битлиса пытались заставить оповестить Константинополь, что именно они организовали резню. Важным представлено

затягивание публикации декрета о реформах в прессе по трем факторам: «1) убедить великие державы в искренности его величества; 2) убедить армян, что они действительно получают реформы; 3) убедить мусульман, что реформы не содержат в себе ничего ущемляющего их интереса»³⁴. Затронуто право европейских держав по Парижскому договору посылать два стационара для защиты своих колоний. Султан затребовал представления конкретных сведений о насильственном обращении в мусульманство, желательности организации новой следственной комиссии и своей готовности провести реформы, залогом чего явилось извещение европейских держав. Затяжка с публикацией указа объяснена ссылками на неудачи предшествующих декретов (1839 и 1856) трансформировать державу, приведших к напряженности внутри страны: «Нынешние реформы — это только уточнение предыдущих, и нет никакой необходимости публиковать их полностью»³⁵. Заявлено об отсутствии опасности для иностранцев и возможности «бунта» в присутствии «стационаров». Оно означало признание Абдул Гамида в контроле державами над внутренними процессами, их регулировании в нужном направлении. Предложено отказаться от идеи посылки новых стационаров. Карри отвел опасения султана в посягательстве на целостность Османской империи изложением сущности английской политики: «У нас нет намерения оскорблять его величество, посягая на интересы его империи»³⁶. Армянский вопрос рассматривался лишь в контексте влияния Туманского Альбиона на политику султана.

В декабре тревогу общественности вызвала весть о готовности турок штурмом взять восставший Зейтун. Константинопольский и Киликийский патриархи поставили в известность европейских послов о возможности массовых убийств в Зейтуне³⁷. 13 декабря Лобанов-Ростовский, на свой страх и риск, предписал Нелидову осуществить посредничество между турками и армянами Зейтуна³⁸. Султан высказал недовольство европейским вмешательством во внутренние дела. Турецкое посольство в Петербурге поместило во влиятельной г. «Новое Время» два официальных известия. Одно содержало обращение армян Битлиса великому везиру против деятельности армянских «бунтовщиков», стремящихся «посеять раздор между армянским и мусульманским населением». Выражалась надежда на восстановление «прежней благосклонности» султана. Цена этого послания становится понятной по вышеприведенному заявлению английского посла Карри о давлении турецких властей на армян Битлиса по самооговору в организации резни. Другое излагало содержание телеграммы армянского католического епископа Арабзара и именитых армян-католиков о том, «что под покровительством султана армяне пользуются полным спокойстви-

ем»³⁹. Воплощалась установка германских кругов о «предупредительности» армян к Абдул Гамиду. Турецкое посольство формировало русское общественное мнение в свою пользу. 22 декабря турецкий посол Хусни-паша вручил личное письмо султана Николаю II с сетованиями на Англию и армян. Присланы были и подарки: курительный столик, мундштуки, ящик с табаком, инкрустированный золотом и драгоценными камнями⁴⁰.

Заискивание султана перед царем имело связь с шумной антитурецкой компанией в английской прессе и обращением королевы Виктории по поводу армянских событий. Самодержец России, приняв дружеские заверения Абдул Гаида, откровенно занял позицию сохранения Османской империи. Посол Германии в России кн. Г. Радолини был поражен позицией Николая II. 6 января 1896 г. он сообщил в Берлин о состоявшейся аудиенции, где был затронут восточный вопрос. «В ходе дальнейшей беседы его величество порицал английский образ действий в Турции и проявил мало сочувствия к армянам»⁴¹. Ободренный тиран в начале января сообщил королеве Виктории о преувеличениях английской прессы по армянскому вопросу, выставив турок пострадавшей стороной: «Турки в армянских провинциях пострадали больше, чем армяне»⁴². Опровержение не заставило себя ждать. Американское общество «Красного креста» в Константинополе, пораженное размерами бедствий, направило гуманитарную помощь в Армению. Раздражение в Стамбуле вызвала и жалоба константинопольского патриарха Измирляна европейским послан на насильственное обращение в ислам⁴³. Патриарх послал реестр таких случаев епископам Англии, чтобы не быть обвиненным в голословности⁴⁴.

Происходил процесс воздействия на политику России главой армянской церкви. 23 ноября 1895 г. Хримян направил копии документов Константинопольского патриарха «о резне и опустошениях» в Трапезунде, Эрзеруме, Битлисе и Эрзинджане, донесение епархиального Эрзерума и заключение руководителя Мушской епархии Лобанову-Ростовскому. Значение документов представлено на заключение главы внешнеполитического ведомства: «В какую невыразимую скорбь могло меня повергнуть и как глубоко поразить сердце мое одно чтение оных, предоставляю судить мудрой проницательности Вашей». Выражена надежда на принятие мер «в облегчение горькой участи страждущей паствы моей в пределах Турецкой империи»⁴⁵. 14 декабря кн. Лобанов оповестил верховного католикоса о получении документов. Содержание признано учитывающим виды внешней политики: «Сообщенные в означенной переписке сведения были уже отчасти известны Императорскому правительству, которое в свое время и совместно с другими державами не преминуло обратить серьезное внимание

на притеснения, коим подвергается армянское население в Малой Азии». Констатировался прогресс в проармянских акциях: «Представления Держав Турецкому правительству по сему предмету не остались без результата и выработанный проект реформ для малоазиатских провинций Турции, имеющий целью облегчить участь армянского населения, был принят и утвержден Султаном. Как ныне сообщает посол наш при Османской Порте, особая комиссия, образованная из христианских и мусульманских членов, которой поручено введение означенных реформ, уже приступила к исполнению возложенной на нее задачи»⁴⁶. Эти строки, отмеченные карандашной пометкой для верховного католикоса, свидетельствовали об их характере как отписки. Основным положением послания являлся призыв к благоразумной сдержанности армянской нации в своих требованиях: «Сообщая о вышеизложенном, я льщу себя надеждою, что Ваше Святейшество не откажет с своей стороны, советами и влиянием Вашим удерживать подведомственную Вам паству как в России, так и за пределами Империи, от опасных предприятий и сделать все возможное, чтобы благая усилия русского правительства к улучшению быта турецких армян увенчались успехом»⁴⁷.

Подоплека ответа министра иностранных дел России имела тесную связь с доктриной совместных действий Великобритании. В г. «Новое время» появилась информация из Лондона от 5/17 декабря об охлаждении армянофильских симпатий на Темзе: «По армянскому вопросу в британском кабинете решительно изменили политику. Маркиз Солсбери не только отказался принять депутацию армянофилов, во главе которой стоял герцог Вестминстерский, но и потребовал, чтобы было оказано давление и приняты меры к отсрочке на неопределенное время митинга — монстра, который устраивался под покровительством герцога и по внушению Гладстона». Причина происшедшего усматривалась в изолированности Великобритании в Европе, требующей применения жестоких мер для прекращения кровавых расправ с армянским населением Азиатской Турции⁴⁸. Армянское лобби в Англии не сложило оружия, сумев найти заступницу в королеве Виктории.

Под давлением общественности находился сам верховный католикос, поскольку поступавшие прошения требовали активизации усилий по облегчению положения нации. В одном прошении кавказских армян, подписанном 86 лицами, говорилось о трагической участи армян как следствии варварской турецкой политики: «Армения, на протяжении своей многовековой исторической жизни, начиная от персов и кончая походами арабов, татар, монголов, сколько ни подвергалась разграблению, разрушению и опустошению, но такому угнетению еще не подвергалась»⁴⁹. Разбойничья

политика Абдул Гаида представлена совершаемой на глазах европейской дипломатии, обманувшей армян 61 статьей Берлинского конгресса надеждой на лучшую жизнь. Верховный католикос призван был поднять свой «влиятельный голос» перед Россией и Европой, чтобы они протянули «руку помощи» страждущему христианскому народу⁵⁰. 14 декабря глава армянской церкви направил князю Лобанову оригиналы документов о происходящих событиях в Турецкой Армении⁵¹.

Общая точка зрения Хримяна на события в Турецкой Армении получила отражение в «доверительном» послании министру внутренних дел Горемыкину от 28 декабря 1895 г. Выражалась признательность министрам внутренних и внешних дел России за внимание к судьбам армян Блистательной Порты, «подвергающейся ныне уже массовому истреблению мечом и голодом по тому самому плану, который применялся в свое время к Румынам, Сербам, Грекам и Болгарам». Отвергнут тезис министра внутренних дел о мятежности армян: «Армянский народ мирный, трудолюбивый, всегда покорный власти, лишенный права носить оружие в Турции, к тому же окруженный хищными дикарями живущими грабежом, никогда не был и не может быть зачинщиком каких либо мятежей и является лишь многовековой и многострадальной жертвой»⁵². Ползучий геноцид сочтен следствием ряда факторов. Одним из них указывалось русско-армянское содружество в ходе войны 1877—1878 гг., когда русскую армию в Анатолии возглавляли армянские генералы Лорис-Меликов, Тер-Гукасов, Лазарев и Алхазов, получившее негативный отклик у мусульманского населения. Отмечалось радушие встреч армянским духовенством и населением русских формирований, которым отдавались последние запасы пропитания. Доминирующим фактором признавалась деятельность руководства Ийлдыз-Киоска, приступившего к организованному уничтожению армянского населения после 61 статьи Берлинского конгресса: «Тогда Султан и Блистательная Порта поставили себе целью совершенно истребить христиан в Армении, дабы устранить всякий повод к вмешательству европейских держав в дела Турции»⁵³.

Ползучий геноцид представлен состоящим из поочередных погромов. Массовому избиению предшествовали обыски, направленные на изъятие возможных орудий самообороны вплоть до столовых ножей. Обращение армянского населения к защите иностранных консулов и местных властей, завершилось успокоительными заявлениями. Затем начиналась резня по заранее согласованному сценарию. В погромах принимал участие как гражданское население, так и регулярные войска. В Эрзеруме использовались ружья системы Мартини, находящиеся лишь на вооруже-

нии государственных формирований. Свидетельства очевидцев приглушались арестами видных деятелей общин, подвергавшихся истязаниям для дачи ложных показаний о вине армян в трагических событиях. Айрик поставил перед министром внутренних дел два вопроса. Первый: «Возможно ли допустить, чтобы безоружное христианское население, составляющее меньшинство, только что умолявшее о собственной защите, являлось нападающей стороной?». Беспристрастности требовал и второй вопрос: «Наконец, где же жертвы нападений армян»⁵⁴. Последний аргумент имел такую убийственную силу, что Абдул Гаид в ответе королеве Виктории заговорил бездоказательно о превышении жертв турок над армянами.

Хримян сделал ряд важных заключений. Отвергнуто обвинение армян в мятежности: «ничто не дает мне права полагать, что систематическое истребление армян в Турции есть результат мятежнического образа действий; напротив, они являются жертвами насилий, грабежей, убийств. Получил ответ запрос о вине политических партий в армянской трагедии: «Я не могу согласиться, что кровавые события в Армении, действительно, вызывали к деятельности разные агитационные кружки; но таковые должно признать не причиной, а следствием таких событий»⁵⁵. Успех партийных организаций в армянской среде, прагматичной и религиозной, связан с попранием человеческих прав руководством Блистательной Порты. Отверженное население, не встречая защиты от турецкой администрации, волей-неволей искало опору в партийном максимализме. Использование же революционных средств признано нежелательным: «Я вполне разделяю мнение Вашего Высочествовательства, что применение революционных средств борьбы могут иметь самые губительные последствия для моей нации в Турции, каковые средства, независимо от их практических последствий, я не могу одобрить, как противные учению нашего Спасителя»⁵⁶. Помощь кавказских армян братьям представлена проявлением христианского сострадания: «Могут ли русские армяне относиться равнодушно к осквернению их алтарей, поруганию семейного очага и ко всем тем зверствам, жертвою которых сделались их турецкие единоплеменики, вызвавшие справедливый крик негодования всего христианского мира»⁵⁷.

Тяжелой представлена участь беженцев из Турецкой Армении. Ресурсы Эчмиадзинского монастыря оказались на исходе. Запрошена царская санкция на сбор пожертвований в пользу мигрантов. Обращено внимание на запрет властей Османской Турции поминать имя главы армянской церкви в храмах Божьих, препятствия чтением кондаков, прямое вмешательство в духовные дела армянских священников. Запрещению подверглось издание цер-

ковного календаря в Константинополе, осуществлявшиеся в течение ста лет. Нессимизм выражался к судьбе предусмотренных реформ как не гарантирующих безопасность армян: «Курды остаются вооруженными, армяне же, по прежнему, лишены права носить оружия»⁵⁸. Полукочевой уклад курдов, лазов и черкесов, попустительство турецких властей обрекали их зариться на имущество армян. Реформы представлялись обреченными на провал. Заявлено о согласии содействовать умиротворению армянских масс для облегчения их положения: «я призыву всех чад моих к упованию на милость Божию и на заступничество Венценосного Преемника Духовных покровителей христианского Востока и Его Союзников, с христианским долготерпением переносить постигшее несчастье; вместе с тем буду молить Всевышнего предохранить мою паству от всякого действия, которое, по своему характеру, способно омрачить святое дело страдания за веру в Распятого за нее и поколебать сочувствие к делу турецких армян»⁵⁹. Тем самым сохранялась иллюзия в заступничество великих держав. Представлена просьба на имя Августейшего монарха предпринять усилия для предохранения армян Турции от уничтожения⁶⁰.

Содержание посланий верховного католика министрам внешних и внутренних дел России получило отклик в начале 1896 г. 9 января кн. Лобанов выразил надежду на осуществление реформ. По его деятельному ходатайству, с санкции царя, повсеместно в Российской державе открылся сбор пожертвований в пользу турецких армян. Начался сбор добровольных приношений в Астрахани, Батуми и Одессе⁶¹. Позицию Лобанова Хримян назвал «актом христианского милосердия»⁶². Содействовавший этой мере министр внутренних дел Горемыкин в то же время 23 января отверг необходимость создания специальной организации для налаживания помощи. Причиной указывалась нервозность османских властей: «так как подобныя действия русского правительства, при существующем возбуждении умов, могли бы ухудшить положение вещей и неблагоприятно отразиться на участи лиц, заслуживающих сострадания»⁶³. Между тем 13 (25) января Россия представила меморандум по армянскому вопросу Великобритании. Маркиз Солсбери призывался к невмешательству во внутренние дела Османской Турции: «необходимо дать султану время, — писал кн. Лобанов, — обсудить свои решения и привести их в исполнение, надо поддержать его обаяние»⁶⁴. Предложение мотивировалось 9 статьей Парижского договора и 63 статьей Берлинского трактата. Обоснована перспективность нового подхода: «Только этим путем великия державы могут действительно содействовать восстановлению порядка в Оттоманских владениях. Дружественный совет их будет принят султаном и Портою с тем большою

вероятностью, чем вполне установится между ними согласие»⁶⁵. Англия была выставлена в роли «непрощенного опекуна» Блистательной Порты. Точка зрения Петербургского двора получила признание у большинства европейских стран, что был вынужден признать маркиз Солсбери в письме от 17 (29) января к секретарю английского посольства в России У. Э. Гошену⁶⁶.

Обострение армянского вопроса побудило султана усилить маневрирование. В Зейтун был назначен губернатором православный грек⁶⁷. После Ванского ожесточенного погрома в июне 1896 г. он сам же обратился к английскому и русскому послам об успокоении армян. Сложность ситуации заставила Абдул Гамида в конце июня созвать в Стамбуле совещание 59 бывших и действующих сановников для обсуждения положения империи. Красугольным камнем существования была представлена проблема взаимоотношений с Россией и Англией. Однако ряд участников отверг необходимость союза, сочтя его опасным для целостности Блистательной Порты. Считалось желательным сохранение существующего статус-кво: дружеские отношения с Россией и лавирование с Великобританией. Другим сановникам спасение виделось в союзе с Англией. Большинство не приняло данную идею, указав на захват Англией Египта. Совещание в конечном итоге высказалось за политику «тесного сближения» Турции с Россией⁶⁸.

Усилились репрессии. Турки обвинили константинопольского патриарха и духовные национальные советы в причастности к происходящим в Армении волнениям⁶⁹. Патриарх Измирлян вынужден был подать в отставку. Заместитель константинопольского патриарха Бартугимеос занял позицию пресмыкающегося перед высшей властью. Удостосный аудиенции повелителя правоверных, он изъявил «рабские чувства» от имени армян Турции: «Как земле необходимо солнце, так и армянскому народу живущему под покровительством вашего величества и глубоко ей преданному, необходимы ваши милости и защита, которая является для нее настоящим целебным средством». Абдул Гамид удостоверился в благонадежности нового церковного иерарха: «Выбор ваш в местоблестители армянского патриарха радует меня и я буду продолжать мое попечение об армянских моих подданных, одушевленных верноподданническими чувствами по отношению к моему правительству»⁷⁰.

Затяжной кризис вокруг армянских реформ побудил высшие круги Англии заняться поиском выхода. В конце июля 1896 г. стал рассматриваться проект разделения сфер интересов на Ближнем Востоке. России предоставлялся протекторат над Арменией, обладавшей бы «самостоятельной» администрацией, Англия утверждала свое верховенство над Критом, а Франции предоставлялась

Сирия. Взамен от России ожидалась благожелательность в египетском вопросе и свобода действий на Крите от Франции. Английские домогания были отвергнуты Лобановым-Ростовским, продолжавшим политику «поддержания статус-кво и оттяжки падения Оттоманской империи»⁷¹. В армянских кругах возникло недопонимание позиции Петербургского двора, выступавшего с позиции предательства державных интересов России: «Увы, есть Россия и Россия: где одна сделает, то другая испортит. Где Россия действует как великая народная сила, движимая духом своей истории, там все идет хорошо. Все великое, достигнутое Россией, было делом ее народного духа»⁷². 14 августа армянские патриоты, представители партии «Дашнакцутюн», захватили Оттоманский банк в Стамбуле для привлечения внимания Европы к состоянию армянских реформ. Турецкие власти ответили константинопольской резней, унесшей жизни около 6 тыс. армян. Словесная нота протеста великих держав содействовала определенной стабилизации ситуации⁷³.

Константинопольские события вновь вроде всколыхнули интерес великих держав к проблеме прав подданных Порты. Активную позицию заняла Франция, колыбель европейского либерализма. 21 августа министр иностранных дел Г. Аното заявил турецкому послу об истощении «дружеского долготерпия» Франции «Отныне она твердо решила не терпеть ни одного лишнего дня двойственной игры турецкого правительства»⁷⁴. Было потребовано, под угрозой бомбардировки Константинополя, обеспечить права французских подданных, проведение реформ в Армении и преобразований на Крите. Допускалась возможность совместных действий Франции, России и Англии. Царь решительно выступил прогив соглашения с Великобританией: «Это было бы на деле первым шагом к постепенному разделу Турции»⁷⁵. Прежде всего был опровергнут слух об оккупации Россией Турецкой Армении. 2 сентября последовала коллективная нота великих держав Ближневосточной Порте о желательности прекращения анархии и наведения порядка в стране⁷⁶. В Бреславле русская дипломатия выработала единство точек зрения с Австро-Венгрией о сохранении «прогнившего статус-кво» Османской империи⁷⁷. Важное значение имело заграничное путешествие царя Николая II (август—октябрь). В шотландском замке Бальмораль состоялась встреча императора с премьер-министром Англии Солсбери. Венценосец уклонился от обсуждения армянского вопроса, заявив о намерении рассмотреть его во Франции⁷⁸. В Париже по армянским реформам не было принято никакого решения в силу краткости визита и занятости проблемами финансовых долгов Турции. Английский поверенный

в Дармштадте Дж. Бьюкенен так и не сумел добиться прояснения подхода царя. Последний проявил откровенность лишь рейхсканцлеру Германии Х. Гогенлоэ: «Мне надоел армянский вопрос. Россия, благодаря своему армянскому населению на Кавказе, существенно затронута им и должна желать, чтобы приносимая извне агитация среди армян прекратилась»⁷⁹.

Антидержавный курс самодержавия имел свои корни: опасность сепаратизма армян на Кавказе, возможность перехода проливов Босфор и Дарданеллы под контроль Великобритании, нежелательность автономной Армении у собственных границ, занятость делами Дальнего Востока и совпадение подходов к статус-кво Оттоманской империи среди ряда великих держав. Последний фактор оказался наиболее весомым. В начале ноября царь составил заключение о единстве подходов великих держав к сохранению целостности Турции, за исключением Великобритании. Вновь было сочтено желательным в армянских реформах упор сделать на «по-настоящему улучшение администрации». Впрочем, рассматривались и альтернативные варианты. 23 ноября 1896 г. в Петербурге состоялось правительственное совещание, посвященное предложению посла Нелидова о занятии Босфора и Константинополя Россией под предлогом «армянских беспорядков». Рассматривался переход султана под полный патронаж Петербургского двора либо его сфржежение с престола. Возникшие политические осложнения позволили бы России требовать компенсации от великих держав. Окончательное решение Николая II, предпочитавшего быть «собственным министром иностранных дел»⁸⁰, свелось к поддержанию позиции статус-кво. Учитывалось негативное отношение Франции к распаду Турции из-за потери крупных кредитов и отсутствия значительной территориальной компенсации. При этом Париж, устами Аното, заверил Петербург о возможности европейской войны из-за занятия Босфора. Уделено было внимание и осторожности участников тройственного союза (Германии, Австро-Венгрии и Италии) к событиям в Османской Турции и возможности захвата Дарданелл Великобританией. Последнее означало бы создание английского плагибаума перед продвижением русского флота по Средиземному морю и ущерб торговому сбыту. Возобладала точка зрения об избежании ситуации 1854 г., когда Россия оказалась в войне против союза европейских стран⁸¹.

В этой ситуации активизировалась османская политика. В борьбе за выживание очередную тактическую уловку осуществил Абдул Гамид, призвавший армянские партии приступить к переговорам⁸². Решалась тройкая цель: прекращение вооруженной борьбы в Турецкой Армении; туманное обещание провести реформы переносилось на отдаленное время; вносился раскол в на-

циональное движение и ублажались великие державы. Обещалось издание манифеста о разрешении насильственно принявшим ислам армянам вернуться в лоно религии предков. С учетом сказанного становится понятным постановление константинопольского патриарха в январе 1897 г. о «благодарности» султану за успокоение армян⁸³. Блажен, кто верил в примирение двух антиподов: османской державности и армянской самостоятельности. 9 февраля европейские послы подписали очередное соглашение в Константинополе касательно реформ в Армении. Однако вспыхнувшее вновь восстание на Крите, обострение греко-турецких отношений и маневры османской дипломатии отвлекли внимание Европы от армянского вопроса⁸⁴.

Содержание армянских волнений и политика ведущих держав получили отражение в историографии. Профессор Лео составил концепцию переоценки армянским народом собственных возможностей. Стремление армян к независимости обусловило их превращение в игрушку «хищных» великих держав. Целью национальных устремлений представлено создание «пан-Армении» в качестве буферного государства. 61 статья Берлинского конгресса рассматривается как «смертный приговор» Турецкой Армении. Пустые обещания реформ возбуждающе подействовали на «горячие головы». Национальный «шовинизм» обусловил возникновение гайдукского движения, использованного османским правительством для кровавой расправы. Зулум (подавление, угнетение — арабск.) рассматривается как следствие несостоятельности «мечтательной идеологии» армянской молодежи и политических партий. Бессмысленной жертвой представляется западноармянский народ⁸⁵. Концепционный подход историка основан на недостаточно корректных аргументах, игнорировании причин и следствий, приписывании нации экстремизма в условиях подавления освободительных чаяний. Не развита позиция Петербургского двора в контексте мировой политики. Главным же виновником зулума являлся кровавый режим султана Абдул Гаида.

По мнению Е. А. Кургина, Россия и в девяностых годах XIX в. являлась «главной силой» в решении армянского вопроса в силу актуальности интересов на Ближнем Востоке. Главный вид политики царизма усмотрен в «использовании» малых народов для «захвата проливов и навечного утверждения». Отмечено наличие тактических изменений отношения самодержавия к борьбе армянского народа после 1878 г. Однако содержание ближневосточных устремлений России представлено неизменным: «захват проливов и выход в Средиземное море»⁸⁶. Умалчивается, что дальше разработки и обсуждения захвата проливов проекты не зашли. Слабая Османская Турция использовалась в качестве стража проливов

от поползновений Великобритании. Исследователем Киняпиной показано противодействие османского правительства нововведениям в Западной Армении, разработавшего программу решения армянского вопроса «путем истребления армян». Начало 90-х годов позволило Османской Порте, вследствие «пассивности» ведущих стран, перейти к «осуществлению планов геноцида». Англия использовала обострение армянского вопроса для утверждения попавшегося влияния после захвата Египта в Османской Турции. Деятельность Великобритании поддерживала Итальяния. Отказ от активных демаршей в армянском вопросе Петербургского двора объясняется активизацией политики на Дальнем Востоке. Этот подход представлял тождественным видам Франции. Различие интересов побуждало Россию, Францию и Германию ограничиваться «дипломатическим давлением» на султана Колебательной представляется позиция Австро-Венгрии. Не раскрыта связь политики самодержавия в армянском вопросе с внутридержавными потребностями⁸⁷.

На взгляд А. Д. Киракосяна, кайзеровская Германия потворствовала антиармянской политике Абдул Гаида. Союзница Австро-Венгрия выступала за сохранение Османской империи. Статус-кво отвечал интересам Франции. Россия осуществляла прогрессивную миссию в судьбе армянского народа, но «реакционное правительство» Николая II проявило «исобычное равнодушие» к армянской политике султана. Руководство Великобритании, в отличие от английской общественности, «не было озабочено» положением армян Турции, а всего лишь собственными интересами⁸⁸. Преступной находит роль кайзеровской Германии в погромах армянского населения С. С. Степанян. Половинчатость мер европейских держав сыграла отрицательную роль в судьбе западноармянского народа. Откровенно захватнические планы вынашивала Англия, провал которых побудил ее представить армян Турции султану как агентов России по захвату Анатолии⁸⁹. Английские ученые Д. М. Ланг и К. Дж. Уокер армянские волнения 90-х годов трактуя ответной волной на организацию отрядов «гамидие», призванных терроризировать гражданское население. Обездоленные армянские массы должны были прибегнуть к самозащите, возглавляемой армянскими партиями. Исследователи, признавая право армян на самоопределение и самозащиту, главную вину за зулум возлагают на султанский режим. Косвенно обвиняется руководство армянских партий, предоставивших безответственными действиями Абдул Гаиду удобные возможности для расправы с безоружным армянским населением. Втуне оставлена политика Великобритании⁹⁰. Р. Г. Саакян характеризует внешнюю политику Франции накануне и в годы массовых погромов в

Западной Армении как пассивную⁹¹. Академик М. Г. Персиян специальное внимание уделил развенчанию мифа о стремлении России уничтожить западных армян и захватить их страну («Армения без армян»). Двойственной представляется внешняя политика царизма. С одной стороны, враждебное отношение к армянскому освободительному движению и политическим партиям. С другой стороны, обуздание политики Абдул Гамида по осуществлению массовых погромов армянского населения Турции⁹².

В целом, после Берлинского конгресса Россия выступила с доктриной «политического равновесия» в Малой Азии. Удалось парировать посягательство Великобритании на ведущую роль в регионе. Русско-французский союз укрепил позиции Петербургского двора в Османской Турции. Получено право прохода русского флота через черноморские проливы. Кровавый султан, используя противоречия между великими державами, приступил к открытому геноциду против армян Турции, начав с массовых погромов в начале девяностых годов при помощи отрядов «гамидие» и регулярных частей. Армянские волнения являлись следствием политики Абдул Гамида. Сасунские события обусловили декларирование майских реформ в армянских провинциях Ближательной Порты. От участия в преобразованиях вначале устранились страны тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия и Италия), попустительствовали антиармянской политике османского режима. Торпедирование реформ руководство Оттоманской Порты осуществило полным воплощением режима зулума. Внешний курс самодержавия в армянском вопросе имел связь с внутридержавными задачами и позицией европейских стран. На всем протяжении армянских волнений самодержавие учитывало значение русско-армянских союзных отношений и принимало меры по ограничению преступной деятельности режима Абдул Гамида. Сдержанность в армянских требованиях исходила из опасения европейской войны.

Создание армянских партий означало организацию новой силы в решении армянского вопроса. Деятельность выдающихся и значительных личностей по возрождению нации стала сочетаться с партийным подходом. Проблема существования этноса — сохранение исторического ареала, прекращение распыления генофонда, реализация самоопределения получила кристаллизацию сквозь призму интернационализации борьбы против Османской империи. Целью национальных устремлений в Османской Турции являлось достижение самоуправления в форме привилегированной провинции либо автономного образования, позволившего бы консолидировать национальные силы. Естественное стремление армянского народа распоряжаться своей судьбой столкнулось с имперскими

интересами великих держав в Малой Азии. Султанская Турция всемерно использовала державные усилия по разрублению гордиева национального узла: недопущение освобождения последнего христианского народа в лице армян; потеря Армянского плоскогорья и сужение границ в Анатолии до размеров первоначальных завоеваний османов. Использование Османской Турцией государственного терроризма и тактики лавирования, незаинтересованность ведущих держав в формальном изменении существующей расстановки политических сил, разобщенность армянских усилий по освобождению сказались на национальном движении. Годы зулума обернулись широкомасштабной армянской трагедией — протогоцидом, когда на алтарь самоопределения было положено 300 тыс. жизней.

Геополитика

- ¹ Местное обозрение.— Новое обозрение. 1884, 3 января.
- ² Иностранное известие.— Там же, 17 октября.
- ³ Г. Лазян. Лица армянского освободительного движения. Каир, 1948, с. 5, 6.— На арм. яз.
- ⁴ Геноцид армян..., № 9, с. 17.
- ⁵ Письма из Турции.— Мшак. 1887, 18 апреля.— На арм. яз.
- ⁶ С. Татищев. Политическое обозрение.— Русский вестник. 1890, т. 206, с. 274; Современная летопись.— Там же, 1885, т. 180, с. 1081—1087; Политическое обозрение.— Там же, 1893, т. 225, с. 383.
- ⁷ Дж. С. Киракосян. Буржуазная дипломатия..., с. 131.
- ⁸ Восточный вопрос..., с. 254, 255.
- ⁹ С. Татищев. Политическое обозрение.— Русский вестник. 1892, т. 223, с. 443.
- ¹⁰ Константинополь.— Кавказ. 1886, 18 августа.
- ¹¹ Современное политическое положение.— Там же, 9 октября.
- ¹² Дневник Д. А. Милюгина, т. 4, с. 7.
- ¹³ Н. С. Киняпина. Внешняя политика..., с. 212, 213.
- ¹⁴ ЦГИА АР, ф. 113, оп. 2, д. 105, л. 10.
- ¹⁵ Там же, л. 24—31.
- ¹⁶ Г. Лазян. Армения и армянский вопрос..., с. 74.
- ¹⁷ ЦГИА РФ, ф. 821, оп. 139, д. 34, л. 21.
- ¹⁸ А. В. Елисеев. Значение Малой Азии для России.— Исторический вестник. 1888, т. 32, с. 142.
- ¹⁹ Там же, с. 143.
- ²⁰ Иностранное известие о России.— Русский вестник. 1889, т. 201, с. 92.
- ²¹ Г. Лазян. Лица армянского освободительного..., с. 35.
- ²² Сирвард. Великий Мурад. Ер., 1991, с. 7.— На арм. яз.

- 23 **М. Варданян.** История армянской революционной партии Дашнакцутюн. Ер., 1992, с. 34, 53—61, 74.— На арм. яз.
- 24 Геноцид армян..., № 12, с. 19.
- 25 Там же, № 13, с. 20.
- 26 **С. Татищев.** Политическое обозрение.— Русский вестник, 1890, т. 211, с. 372.
- 27 То же, 1891, т. 213, с. 370.
- 28 То же, 1889, т. 211, с.
- 29 ЦГИА РФ, ф. 1022, оп. 1, д. 60, л. 4.
- 30 **С. Татищев.** Политическое обозрение.— Русский вестник, 1891, т. 213, с. 303.
- 31 ЦГИА РФ, ф. 1022, оп. 1, д. 60, л. 10 об.
- 32 Там же, л. 11.
- 33 **С. Ю. Витте.** Воспоминания. М., 1960, т. 1, с. 311.
- 34 ЦГИА РФ, ф. 1022, оп. 1, д. 60, л. 12.
- 35 Там же, л. 14.
- 36 Там же, л. 10—14.
- 37 Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966, с. 149.
- 38 **С. Татищев.** Политическое обозрение.— Русский вестник, 1891, т. 216, с. 390.
- 39 Там же, с. 389—391.
- 40 **Я. Д. Лазарев.** Причины бедствия армян в Турции. Тифлис, 1895, с. 29.
- 41 Архиепископ Хорен Нарбей де-Нузинян.— Тифлисский листок, 1892, 6 февраля; Кавказские вести.— Кавказ, 1892, 28 августа.
- 42 **В. Н. Ламздорф.** Дневник 1891—1892. М.—Л., 1934, с. 289.
- 43 Общая хроника.— Тифлисский листок, 1892, 6 сентября.
- 44 Телеграммы.— Кавказ, 1892, 28 ноября.
- 45 **В. Хвостов.** Проблема захвата Босфора в 90-х годов XIX в.— Историк-марксист, 1930, № 20, с. 107.
- 46 Из жизни и печати.— Русский вестник, 1892, т. 219, с. 376.

Сасун

- 1 **А. Д. Киракосян.** Великобритания и Армянский вопрос. Ер., 1990, с. 36, 37.
- 2 Восточный вопрос..., с. 260.
- 3 ЦГИА РФ, ф. 821, оп. 140, д. 21, л. 167.
- 4 Там же, л. 173 об.
- 5 Там же, л. 173 об., 174.
- 6 Там же, л. 173.
- 7 Там же, л. 174.
- 8 Там же, л. 182.
- 9 Там же, л. 182—184.
- 10 **М. Варданян.** История армянской..., с. 95, 96.
- 11 Геноцид армян..., № 17, с. 24.

- 12 Там же, № 18, с. 26.
- 13 ЦГИА АР, ф. 56, оп. 17, д. 51, л. 10, 15.
- 14 **Г. Лазян.** Лица армянского..., с. 36.
- 15 Геноцид армян..., № 24, с. 30—41.
- 16 Судебный процесс Талаат паша. Под ред. С. С. Степаняна. М., 1992, с. 12.
- 17 Геноцид армян..., № 21, с. 27.
- 18 Там же, № 24, с. 32.
- 19 Там же, № 25, с. 41.
- 20 Местное обозрение.— Тифлисский листок, 1894, 13 ноября.
- 21 К Сасунским событиям.— Там же, 30 ноября.
- 22 То же, 1 декабря.
- 23 Восточный вопрос..., с. 264, 265.
- 24 **В. Н. Ламздорф.** Дневник 1894—1896. Под ред. В. И. Бовыкина. М., 1991, с. 89.
- 25 К Сасунским событиям.— Тифлисский листок, 1894, 4 декабря.
- 26 **Е. А. Кургинян.** Европейская дипломатия и армянский вопрос в 90-х годах XIX в.— В кн.: Уч. зап. Московского об. педагогического ин-та им. Н. К. Крупской. М., 1968, т. 191. Выпуск 9, с. 216.
- 27 **В. Н. Ламздорф.** Дневник..., с. 93, 107, 176.
- 28 С берегов Темзы.— Новое обозрение, 1897, 27 февраля.
- 29 Восточный вопрос..., с. 262.
- 30 Литературные новости.— Кавказ, 1894, 6 июля.
- 31 Заграничные вести.— Там же, 25 декабря.
- 32 К Сасунским событиям.— Тифлисский листок, 1894, 4 декабря.
- 33 **В. Н. Ламздорф.** Дневник..., с. 122.
- 34 Телеграммы.— Тифлисский листок, 1894, 24 декабря.
- 35 Геноцид армян..., № 30, с. 58.
- 36 Общая хроника.— Тифлисский листок, 1895, 17 февраля.
- 37 **Е. А. Кургинян.** Европейская дипломатия..., с. 214.
- 38 **В. Н. Ламздорф.** Дневник..., с. 108.
- 39 Восточный вопрос..., с. 2.
- 40 К Армянскому вопросу.— Тифлисский листок, 1895, 23 февраля.
- 41 Судебный процесс Талаат паша..., с. 12.
- 42 К Армянскому вопросу.— Тифлисский листок, 1895, 23 февраля.
- 43 Телеграммы.— Там же, 24 февраля.
- 44 Геноцид армян..., № 29, с. 57.
- 45 Там же, № 24, с. 34; № 28, с. 53, 54.
- 46 ЦГИА АР, ф. 421, оп. 6, д. 4, л. 1.
- 47 Там же, ф. 56, оп. 14, д. 46, л. 1, 1 об.
- 48 Там же, оп. 17, д. 55, д. 47—54.
- 49 Заграничные вести.— Кавказ, 1895, 13 февраля.
- 50 ЦГИА АР, ф. 57, оп. 3, д. 23, л. 1.
- 51 Там же, ф. 56, оп. 17, д. 59, л. 39.
- 52 Там же, оп. 14, д. 50 л. 8.

- 53 Там же, ф. 421, оп. 6, д. 4, л. 4 об.
 54 Там же, л. 5.
 55 Там же, ф. 56, оп. 17, д. 55, л. 66—78.
 56 Там же, ф. 421, оп. 6, д. 4, л. 5 об.
 57 **В. Н. Ламздорф** Дневник..., с. 170.
 58 ЦГИА АР, ф. 421, оп. 6, д. 4, л. 3.
 59 Там же, л. 7.
 60 Там же, л. 1—7.
 61 Там же, ф. 56, оп. 14, д. 30, л. 36.
 62 **Лео**. Идеология революции армян Турции. Ер., 1994, т. 1, с. 179.— На арм. яз.
 63 **С. С. Маркосян**. Положение западных армян в конце XIX в. Ер., 1968, с. 191—214.— На арм. яз.
 64 **Сирвард**. Великий Мурад..., с. 13.
 65 **С. С. Маркосян**. Положение западных армян..., с. 273.

Майские реформы

- 1 Армения в документах..., № 8, 9, с. 130—147.
 2 Армения и отношение к ней русского народа.— Тифлисский листок. 1895, 2 сентября.
 3 Заграничные вести.— Кавказ. 1895, 3 мая.
 4 **В. Н. Ламздорф**. Дневник..., с. 178.
 5 Там же, с. 176—178.
 6 ЦРИА АР, ф. 56, оп. 1, д. 9022, л. 107 об.
 7 Телеграммы.— Тифлисский листок. 1895, 3 июня.
 8 ЦГИА АР, ф. 56, оп. 17, д. 51, л. 23—24.
 9 Телеграммы.— Тифлисский листок. 1895, 4 июня.
 10 Речь католикоса.— Там же, 11 июня.
 11 **В. Н. Ламздорф**. Дневник..., с. 214.
 12 Там же, с. 217, 218.
 13 Заграничные вести.— Кавказ. 1895, 4 июня.
 14 К Армянскому вопросу.— Тифлисский листок. 1895, 7 июня.
 15 Телеграммы.— Там же, 10 июня.
 16 **В. Н. Ламздорф**. Дневник..., с. 224.
 17 Там же, с. 235.
 18 ЦГИА РФ, ф. 1022, оп. 1, д. 60, л. 5 об.
 19 **А. Д. Киракосян**. Великобритания..., с. 138.
 20 Доклад жандармского управления о революционном движении армян.— Норк. 1929, кн. 5—6, с. 431, 432.— На арм. яз.
 21 Тифлис.— Тифлисский листок. 1895, 28 июня.
 22 Болгария.— Кавказ. 1895, 18 июня.
 23 **В. Н. Ламздорф**. Дневник..., с. 236.

- 24 **С. С. Маркосян**. Положение..., с. 286.
 25 Сборник материалов по Азии..., с. 1—22.
 26 **Е. А. Кургинян**. Европейская дипломатия..., с. 214.
 27 **В. Н. Ламздорф**. Дневник..., с. 231.
 28 Общая хроника.— Тифлисский листок. 1895, 9 августа.
 29 Обзор печати. Там же, 15 августа.
 30 Обзорение иностранных журналов.— Русский вестник. 1895, т. 238, с. 295.
 31 То же, т. 239, с. 290.
 32 Обзор печати.— Тифлисский листок. 1895, 15 августа.
 33 Обзор нашей печати.— Кавказ. 1895, 26 августа.
 34 Восточный вопрос..., с. 266.
 35 К Константинопольским событиям.— Тифлисский листок. 1895, 3 октября.
 36 Восточный вопрос..., с. 267.
 37 **В. Н. Ламздорф**. Дневник..., с. 252.
 38 Местный отдел.— Тифлисский листок. 1895, 14 октября.

Статус-кво

- 1 **В. Н. Ламздорф**. Дневник..., с. 264, 267—269.
 2 Там же, с. 272.
 3 Телеграммы.— Тифлисский листок. 1895, 17 октября.
 4 К Константинопольским событиям.— Там же.
 5 С берегов Темзы.— Новос обозрение. 1897, 4 марта.
 6 ЦГИА АР, ф. 56, оп. 14, д. 46, л. 36.
 7 Турция.— Кавказ. 1895, 28 октября.
 8 **В. Н. Ламздорф**. Дневник..., с. 264, 284, 286.
 9 К событиям в Турции.— Тифлисский листок. 1895, 1 ноября; Положение дел.— Кавказ. 1895, 10 ноября.
 10 ЦГИА АР, ф. 56, оп. 4, д. 145 б, л. 14.
 11 Там же, л. 14 об.
 12 Там же, л. 15.
 13 Там же, ф. 57, оп. 1, д. 299, л. 6.
 14 Заграничные известия.— Кавказ. 1895, 25 ноября.
 15 Кавказские вести.— Там же, 6 ноября.
 16 **А. В. Амфитеатров**. Армянский вопрос.— В кн.: Армяне. Ер., 1991, с. 177.
 17 Там же, О. Г. Затикиян. Карин. Ер., 1992, с. 212.— На арм. яз.
 18 Англия.— Кавказ. 1896, 20 февраля.
 19 **В. А. Теплов**. Князь А. Б. Лобанов-Ростовский.— Русский архив. 1896, кн. 3, с. 617.
 20 **В. Н. Ламздорф**. Дневник..., с. 309.
 21 Там же, с. 310.
 22 Положение дел.— Кавказ. 1895, 10 ноября.
 23 Телеграммы.— Там же, 11 ноября.

- 24 Заграничные вести.— Там же, 17 ноября.
- 25 Турция.— Там же, 12 ноября.
- 26 А. Д. Киракосян. Великобритания..., с. 76.
- 27 Заграничные вести.— Кавказ. 1895, 28 ноября.
- 28 То же, 19 ноября.
- 29 В. Н. Ламздорф. Дневник..., с. 326.
- 30 Там же, с. 329.
- 31 Там же, с. 329, 330.
- 32 Там же, с. 332, 334, 341, 343.
- 33 А. Д. Киракосян. Англо-турецкие отношения и вопрос о реформах в Западной Армении.— Вестник архивов Армении. 1987, № 3, с. 60.
- 34 Там же, с. 61.
- 35 Там же, с. 62.
- 36 Там же, с. 63.
- 37 Телеграммы.— Тифлисский листок. 1895, 12 декабря.
- 38 В. Н. Ламздорф. Дневник..., с. 350.
- 39 Заграничные вести.— Кавказ. 1895, 13 декабря.
- 40 Телеграммы.— Тифлисский листок. 1895, 25 декабря.
- 41 В. Н. Ламздорф. Дневник..., с. 325.
- 42 Последняя почта.— Новое обозрение. 1896, 13 января.
- 43 Константинополь.— Там же, 31 января.
- 44 Турция.— Там же, 18 февраля.
- 45 ЦГИА АР, ф. 56, оп. 14, д. 46, л. 45.
- 46 Там же, оп. 17, д. 59, л. 5.
- 47 Там же, л. 5.
- 48 Заграничные вести.— Кавказ. 1895, 12 декабря.
- 49 ЦГИА АР, ф. 56, оп. 14, д. 46, л. 51 об.
- 50 Там же, л. 51—52.
- 51 Там же, оп. 17, д. 59, л. 8.
- 52 Там же, д. 51, л. 28.
- 53 Там же, л. 30.
- 54 Там же, л. 31.
- 55 Там же, л. 31 об.
- 56 Там же, л. 32.
- 57 Там же, л. 32, 32 об.
- 58 Там же, л. 33.
- 59 Там же, л. 34.
- 60 Там же, л. 29—38.
- 61 Там же, оп. 17, д. 59, л. 8, 14, 20.
- 62 Там же, оп. 14, д. 52, л. 6.
- 63 Там же, оп. 17, д. 51, л. 35.
- 64 В. А. Теплов. Князь..., с. 619.
- 65 С. Татищев. Политическое обозрение.— Русский вестник. 1896, т. 243, с. 371.

- 66 Там же, с. 372.
- 67 Обзор печати.— Новое обозрение. 1896, 20 июня.
- 68 Турция.— Там же, 8 июля.
- 69 Последняя почта.— Там же, 25 июля.
- 70 То же.— 17 августа.
- 71 В. Н. Ламздорф. Дневник..., с. 382.
- 72 Современная летопись.— Русский вестник. 1885, т. 180, с. 428.
- 73 Турция.— Новое обозрение. 1896, 22 августа.
- 74 В. Н. Ламздорф. Дневник..., с. 391.
- 75 Там же, с. 392.
- 76 С берегов Темзы.— Новое обозрение. 1897, 6 марта.
- 77 В. Н. Ламздорф. Дневник..., с. 393.
- 78 Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата. М., 1991, с. 112.
- 79 Ф. А. Ротштейн. Международные отношения в конце 19 в. М.—Л., 1960, с. 306.
- 80 С. Ю. Витте. Воспоминания..., т. 1, с. 321, 411; т. 2, с. 100—103.
- 81 В. Н. Ламздорф. Дневник..., с. 400, 404.
- 82 М. Р. Кочар. Армяно-турецкие общественные политические отношения и Армянский вопрос. Ер., 1988, с. 41.
- 83 Последняя почта.— Новое обозрение. 1897, 23 января.
- 84 С берегов Темзы.— То же, 6 марта.
- 85 Лео. Идеология..., с. 50, 51, 55, 56, 72, 121, 164, 168, 179.
- 86 Е. А. Кургинян. Европейская..., с. 212—215.
- 87 Восточный вопрос..., с. 258—267.
- 88 А. Д. Киракосян. Великобритания..., с. 198.
- 89 С. С. Степанян. Армения в политике..., с. 37, 57, 58.
- 90 Д. М. Ланг, К. Дж. Уокер. Армяне. Ер., 1992, с. 22—24.— На арм. яз.
- 91 Р. А. Саркисян. Армянский вопрос..., с. 155.
- 92 М. Г. Нерсисян. О некоторых вопросах..., с. 25, 26, 29, 30.

Глава 4. НАЦИОНАЛЬНОЕ БЕДСТВИЕ

Распутье 23 марта 1899 г. главноначальствующий Кавказа

Г. С. Голицын в отношении к министру внутренних дел высказался за секуляризацию имущества армянской церкви для подрыва движения за самоуправление Армении. Конкретно им указывалось «о необходимости правительственного надзора за всеми вообще имуществами Армянской церкви, находившегося почти в безраздельном владении духовенства, служившего нередко орудием в руках светских армянских деятелей в деле проведения ими идей автономной Армении»¹. Голицынский режим на Кавказе проводил узкодержавную политику нивелирования местного населения. Представители армянского и грузинского народов уда-

лялись от общественной деятельности как разсадники «крамольных» взглядов. Русские чиновники с раздражением воспринимали «самодурство» главы региона, «смотревшего на управляемый им край, как на неприятельский лагерь, а на туземцев, как на замаскированных врагов, ищущего вечно и всюду «крамолу» и каких-то заговоров, которые надо поскорее «подавить» и при этом раздражительного и вспыльчивого до потери сознания»². Армянское духовенство рассматривалось как «тайный агент» лондонских и швейцарских революционных комитетов. Просьбы Хримяна о содействии в облегчении участи западных армян отвергались под предлогом занятости Европы и России боксерским восстанием в Китае³.

Настойчивость главноначальствующего обусловила предписание царя от 13 мая и 17 июня 1899 г., 24 февраля 1900 г. о создании специального комитета стат. секретаря Э. В. Фриша. В состав комитета вошли министр финансов, земледелия, иностранных и внутренних дел, юстиции, главноначальствующий, статс-секретарь Победоносцев. Предметом обсуждения явилась соответствующая записка министра внутренних дел. В сановной бюрократии имелись различные точки представлений. У некоторой части раздражение вызывала позиция Мкртчича Хримяна в защиту паствы в Османской Турции и внутри державы. Отражением этих настроений явилась «шалость» ген. ад., адмирала Д. С. Арсеньева в мае 1900 г. в ходе проезда персидского шаха через Ереван в Северную Пальмиру: «я решился дать католику маленький урок, так как Армянский католикос ведет себя не совсем прямо относительно нашего правительства. Действуя очень осторожно и, по наружности правильно, он разыгрывает роль Армянского царька, что при нынешнем положении Армян в России, Турции и Персии не совсем удобно и при осложнении вопроса может быть не хорошо»⁴. В ходе затребованной Хримяном аудиенции у шаха, Арсеньев обставил дело так, что он принял верховного католикоса и в качестве одолжения представил повелителю Персии. В подобном духе была оповещена пресса Кавказа. Происшедшее исходило из прямолинейного понимания интересов самодержавия Арсеньевым, сопровождавшего до этого шведско-норвежского принца, королей Сиам и Румынии, принца Сакен-Кобургского герцога Эдинбургского⁵. Благо в высших кругах России имелось значительно больше трезвомыслящих державных деятелей.

Активным образом против мнения Голицына выступил министр финансов С. Ю. Витте. С политической точки зрения оно представлялось катализатором антирусских настроений у русских и зарубежных армян против самодержавия. С этической — принавалось попранием прав древней восточной христианской церк-

ви, «наиболее близкой» к русскому православию. На последней основе Витте удалось убедить влиятельного Победоносцева как обер-прокурора Синода, поддержать собственную позицию⁶. Предложение министра внутренних дел специальный комитет признал «тяжелым ударом» для армянской церкви, могущим породить у русскоподданных и заграничных армян «неблагоприятное отношение» к Российской державе. Поэтому решение задачи эффективного контроля над армянским католикосатом допущено осуществлением четкого надзора над его доходами и расходами, а не изъятием имущества. При этом учитывались внешнеполитические интересы Российской империи: «было бы неосмотрительно без крайней необходимости прерывать вековые связи наши с заграничными армянами, многочисленным христианским народом, обитающим у нашего порога»⁷. Свое обособленное мнение сохранил глава Кавказа. 1 февраля 1901 г. царь Николай II утвердил журнал комитета. Возглавление внутриведомственного ведомства В. К. Плеве, использовавшего национализм для служебной карьеры, вновь обострило ситуацию. Тандему Плеве — Голицын самодержец поручил углубить систему мер, которые «могли бы быть приняты для прекращения противозаконной деятельности в рассматриваемом вопросе армяно-григорианского духовного начальства»⁸.

12 июня 1903 г. заключение по этому вопросу вынес комитет министров. Плеве отстаивал необходимость радикальной меры упреками в адрес руководства армянской церкви по саботажу укрепления «начал русской государственности». Взрыв недовольства секуляризацией ожидался лишь в среде высшего духовенства и гражданских лиц, выступавших против государственного строя. Земледельческая часть армянского населения, составляющая большинство нации, и рядовое духовенство рассматривались индифферентной массой. Будучи далекими от «политических смут», они должны были отнестись к предлагаемым мерам «безразлично». За секуляризацию высказались пять министров (Плеве, Фролов, Голицын, управляющий морским министерством Ф. К. Авелан, министр народного просвещения Г. Э. Зенгер) из семнадцати. Они находили, что государственное управление 250 тыс. дес. земли армянской церкви явится проявлением «заботы» об улучшении ее экономического положения. Активное противодействие линии Плеве-Голицын из двенадцати отказных министров (Витте, Фриш, Чапагов, Мясоедов-Иванов, бывший наместник Кавказа вел. кн. Михаил Николаевич, сенатор Н. Н. Герард, министр земледелия и государственных А. С. Ермолов, гос. сек. В. Н. Коковцев, гос. контролер П. Л. Лобко, товарищ внешнеполитического ведомства кн. В. С. Оболенский-Нелединский-Мелецкий, товарищ главы юстиции С. С. Манухин) высказал министр иностранных дел граф

М. П. Муравьев. Им отвергалась мысль о секуляризации как средстве борьбы против сепаратизма части армянского населения: «движение, которое, если и существует, то во всяком случае в виде открытого против русской власти восстания не проявлялось и к каковому движению армянское духовенство воспримает, по видимому, лишь нравственное сочувствие»⁹. Она подорвала бы позиции католика на Ближнем Востоке, симпатии армян Малой Азии и Персии к России, грозила потерей союзника в лице армян при военных конфликтах. 12 июня 1903 г. царь утвердил мнение пяти министров. Воля самодержца России, поддавшегося сиюминутным тактическим выгодам, обрела силу закона. Все недвижимые имущества армянской церкви передавались в заведование министра земледелия и государственных имуществ, а капиталы министерству внутренних дел с сохранением собственнических прав католикосата. Решение означало лишение экономической базы католикосата для содержания духовных и образовательных установлений, прекращение рассмотрения Эчмиадзина как вселенской церкви, сужение политических возможностей церкви как духовно-светского представителя армянского народа.

Закон 12 июня был встречен отрицательно армянским народом. Католикос Хримян узнал о законе в Александрополе. Многотысячная масса людей потребовала от католикоса не подчинения решению самодержавия и выражения протеста. Прозвучали высказывания об «измене» и предании национальных интересов со стороны духовенства, якобы сотрудничавшего с царизмом. Хримяну удалось удержать ситуацию в цивилизованных рамках. В своем выступлении он заявил, что «эта мера принята без его ведома». Закон охарактеризован проявлением недальновидности Николая II: «Царь был, очевидно, введен в заблуждение своими советниками»¹⁰. Высказано желание поехать в Петербург для отмены высочайшего повеления. Послана телеграмма протеста. В Ереване епархиальный архиепископ Сукиас был схвачен массами и привезен в Эчмиадзин. Здесь затребовано от Синода противодействие царскому решению. В Елисаветполе на манифестантов напала полиция. Пролилась кровь. Повсюду стали создаваться комитеты самообороны. Выдвинут эмоциональный лозунг: «Протестовать против нового закона и показать Правительству, что с армянами оно не может делать все, что ему угодно»¹¹. Кондаком католикоса Хримяна от 4 августа священнослужителям было запрещено передавать собственность церкви в казенное управление.

Вопрос реализации закона 12 июня был рассмотрен комитетом министров России 1 марта 1905 г. Информацию о составе реквизированной собственности армянской церкви за 1904 г. подготовил министр земледелия и государственных имуществ Ермо-

лов. Доход с имущества определен в 250595 руб., поземельных статей 923 руб., а земельных — 210 руб. С этого имущества планировалось получить доход около 350 тыс. руб. В реальности поступила значительно меньшая сумма. Из предусмотренных на Кавказе 300 тыс. руб. удалось собрать лишь 188710 руб. На управление же церковного имущества на Кавказе за 1904 г. казна израсходовала 51567 руб. Стоимость капиталов армянской церкви, захваченных в 1903 г., составила 1775805 руб. Низкий уровень поступлений объяснялся Ермоловым комплексом причин: негативным отношением масс к акции самодержавия; противодействием священнослужителей во главе с Хримяном и, главным образом, деятельностью армянских революционеров. Учитывая общенациональный характер сопротивления, комитет министров постановил предоставить наместнику Кавказа И. И. Воронцову-Дашкову свободу действий по «целесообразности» закона 12 июня. У нового главы Кавказа вызвало опасение перерождение движения в отмену закона 12 июня в борьбу за политическую самостоятельность: «Идея создания самостоятельной Армении с введением в ее состав всех вообще армян, ранее возникавшая, быть может, в умах отдельных лиц, получила сразу значительное распространение на Кавказе»¹². По его ходатайству, Николай II первого августа отменил решение о секуляризации. Отмена собственного решения имела сознательный характер: «Мой покойный отец не раз говорил мне, — указывал царь доверенным лицам, — что менять моей подписи никогда не следует, разве что я имел возможность сам убедиться в том, что я ошибся или поступил сгоряча и необдуманно»¹³. Гибкость державного деятеля Воронцова-Дашкова разрядила напряженность между армянским населением и самодержавием.

В 1907 г. режим султана Абдул Гамида приступил к практическому осуществлению сумасбродно-расистской идеи «освобождения Армении от армян»¹⁴. Был издан указ султана о конфискации имущества покойных армянских иерархов, означавший лишение материальной базы церкви¹⁵. Массовый голод, погромы, насильственное обращение в мусульманство и насилия приняли невиданные масштабы. Сознательно осуществлялось натравливание фанатичной массы мусульманства на армян. Национальная вражда содействовала эмиграции армян Вана, Муша, Битлиса и Диарбекира. Информационные источники сообщали: «Армянские вилайеты в Турции пустеют систематически. Эмиграция принимает эпидемический характер. После конфискации церковных имений необузданность курдских племен в отношении армянской деревни еще более усилилась»¹⁶. Осуществлялось заселение армянских земель мусульманским населением¹⁷. Свою лепту в тяжелейшее положение армянского народа внесло сильное землетрясение, нанесшее

значительный ущерб Битлисскому вилайету¹⁸. Активно способствовало обнищанию армянских масс, эмиграции и физическому уничтожению также постановление султана о взимании «недоимок» с армян за 22 года. Из года в год сборщики налогов исправно собирали налоги, частично проездая и поставляя в казну¹⁹. Формальной основой «недоимок» являлся государственный долг Оттоманской Порты и необходимость ежегодной выплаты 350 тыс. лир контрибуции России согласно Берлинскому конгрессу. Последняя время от времени напоминала о существовании долга Турции в качестве средства воздействия²⁰. Русский вице-консул в Ване сумел дать точную оценку политики османов в донесении послу в Константинополе от 9 апреля: «Внимательное изучение происходящих в вилайете событий приводит к убеждению, что турецкие власти, задавшись целью искоренить армян в крае, избрали вместо задуманного ими в 1895—96 гг. изменения оружием путь экономического и административного угнетения»²¹.

Осуществление геноцида в Стамбульском дворе связывали с необходимостью подавления освободительной борьбы армянского народа, недопущения создания армянской государственности и предотвращения окончательного распада Оттоманской империи. Свою кровавую политику султан Абдул Гамид пытался теоретически обосновать невозможностью существования самостоятельной Армении между сильными сопредельными государствами: «Независимая Армения была невозможностью, — оправдывался тиран спустя четыре года, — особенно на границе с Турцией. Когда такая старая держава, как Персия, трещит по швам, и даже в европейских дворах серьезно проектируют раздел Турции, допустимо ли мечтать о свободной Армении? Кто бы дал ей вырасти и окрепнуть, подобно грибу, в одну ночь? И если даже она выросла, не вырвала бы ее с корнями в одно мгновение Россия?». Побочными факторами армянских погромов признавались политические установки английских политиков и «мечты» армянских революционных комитетов, подталкивающих якобы нацию к «пропасти». Политика «геноцида» обосновывалась необходимостью «спасения» армянского народа от воплощения «мифа» о свободе: «Гонения были необходимы для отрезвления армян и выяснения ими их будущего, их роли в нашей стране». Составными элементами великодержавного курса являлись: преследования национальных лидеров; ограничения сахмандрутюна; цензирование армянской печати для недопущения просачивания компрометирующих факторов в европейские издания; фальсифицирование национальной истории, чтобы армянам «яснее было понимание их исторической миссии в Турции»; подавление деятельности революционных партий; фор-

мирование «истинного практического национализма»; физическое истребление и моральное уничтожение²².

Политика вандализма османов обусловила всплеск национальных эмоций. Газета «Жаманак» осудила константинопольского патриарха М. Орманяна и руководство местной общины за безрезультативность лавирования с руководством Блистательной Порты: «Бесполезными остались изворотливая и угодливая политика патриарха Орманяна и репитильный образ константинопольских буржуазных армян. Враг не умолим и коварен. Пора говорить другим языком!»²³. Революционное движение осуществляло, главным образом, тактику мирного способа борьбы. Сохранялась направленность на привлечение общественного мнения Европы к решению армянского вопроса путем организации чтений лекций, вечеров, выпуска брошюр, посвященных тяжелой участи армян Османской Турции. Однако все возвращалось на круги своя. Обращение за содействием к лидеру социалистов Франции Жоресу, члену палаты депутатов, получило отрезвляющий ответ: «Не надейтесь на других, а надейтесь только на самих себя»²⁴. Деятели в Турции, защищавшие национальные интересы, регистрировались. Ахтамарский католикос, взывавший телеграммами к Орманяну в защиту паствы от фискального гнета, получил предупреждение от ванского губернатора: «если он осмелится еще раз обратиться с телеграммами, то будет наказан»²⁵.

Тяжелая политическая ситуация побудила верховного католикоса Мкртича Хримяна использовать все доступные международные средства во имя защиты своей паствы. 1 июня посол России в Константинополе И. А. Зиновьев заявил протест по поводу преследований армян и их церкви в Османской империи. Абдул Гамид в ходе аудиенции отверг факт угнетений. Им заявлено: «армяне сами выдумывают их в надежде вызвать вмешательство европейских держав»²⁶. Более «содержательным» оказался официальный ответ, сводящий «жалобы армян» к подстрекательской деятельности заграничных революционных политиков. Заявлено о содействии России в «прежнее время» борьбе против революционного движения и необходимости ее возобновления. Разворот в этой сфере приписан русско-английскому сближению по вопросам разграничения интересов в Азии. Подход султана учитывал особенности политики самодержавия в отношении Блистательной Порты, сводящейся к сохранению «дружественных» отношений и требованию проведения реформ в христианских районах. Посол отреагировал заявлением о достоверности фактов и сохранении внимания к этой теме в связи с инструкциями из Петербурга²⁷. Демарш означал активизацию интереса России к «армянским делам»

после русско-японской войны и в преддверии достижения соглашения с Англией.

Незирая на международный резонанс, султан усилил репрессии. Ванский губернатор осуществил карательную акцию, высадив 800 солдат на о. Ахтамар для «наведения порядка» и выявления революционеров. Предварительная бомбардировка и жестокости солдатни обусловили потери среди мирного населения и монахов. Был нанесен значительный урон церковным постройкам²³. В июле столкновения турецких властей с фидаинами, защищавшим армянское население Битниса и Муша, превратилось в кровавый погром армянского населения Турции. Россия и Англия представили султану одинаковые ноты с требованием создания комиссии для расследования событий в Муше и Битлисе при участии их представителей. Затребовано увольнение местного руководства, в частности, Фарит-паши за события в Езинке. Для отрезвления Абдул Гамида Россия потребовала выплаты сумм контрибуции по Берлинскому договору. Совместная акция России и Англии могла привести к установлению их контроля над положением дел в Армении, сходному европейскому надзору в Македонии. Тактически же она облегчала на время положение армянского населения Османской Турции²⁹.

Стремясь добиться включения армянского вопроса в круг международных проблем, Хримян в начале августа обратился с меморандумом ко второй Гаагской международной конференции, посвященной проблемам мира и безопасности. В нем обращалось внимание на угрозу физического уничтожения армян в Турции и бездействие европейских держав: «В 1895 г. по инициативе константинопольского посла Пелидова (председательствующий на конференции — В. Г.) Высокой Порте был представлен меморандум, подписанный посланниками шести великих держав, в котором последние требовали от Порты введения в армянских областях реформ административных, финансовых и судебных. Но однако Турция не ввела ни одной из этих реформ. Напротив, июльские события служат доказательством того, что армянские избиения вступили в новый фазис развития». Уполномоченный католикоса всех армян епископ Г. Утуджян обратил внимание участников конференции на неосуществление 61 статьи Берлинского конгресса, торпедирование майских реформ 1895 г. и массовые избиения армян 1894—1896 гг. Обращаясь к «чувствам справедливости и жалости цивилизованных государств», Хримян лишь достиг определенного обсуждения армянских погромов на страницах газет и их использования в кулуарной политике европейских держав³⁰.

В августе зародилась Антанта. 18 (31) августа Россия и Англия пришли к соглашению по разделу сфер влияния в Азии. Взаим-

ные обиды накопились вокруг столкновения интересов в Тибете, Афганистане и Персии. Англия отказалась от видов на Тибет, а Россия — на Афганистан. Тибет признан находящимся под властью Китая. Афганистану определен статус независимого государства. В Персии оформлены три зоны воздействия: северная — русская, южная — английская и нейтральная³¹. Умудренный реальной политикой великих держав, Хримян обратился за содействием к царю России Николаю II и королю Англии Эдуарду. В обращении к царю от 16 сентября 1907 г. верховный католикос напомнил самодержцу о причастности России к судьбам армян Турции: «Сан-Стефанский договор, Берлинский конгресс, проект реформ 1895 г. всегда будут красноречиво свидетельствовать об этом». Вниманию международной дипломатии к армянскому вопросу, по мнению главы армянской церкви, страдало политическим бессилием: «Но как уже неоднократно и бесспорно было констатировано, Европа никогда не проявляла недостатка в добрых намерениях и в дружеских советах султану. Но чего действительно не доставало — это фактический контроль и систематическая деятельность, которые могли бы напомнить турецкому правительству его элементарные обязанности по отношению к своим подданным». Выход из этого заколдованного политического круга усматривался в создании эффективной системы безопасности: «Пример Македонии — новейшее тому подтверждение. Утомившись продолжительным ожиданием реформ, великие державы принуждены были сами принять за дело умиротворения этого края и назначить для этого своих специальных агентов». Тем временем Западная Армения превратилась в страну кошмаров: «Между тем паства моя в Турции, в особенности в исконных армянских провинциях, претерпевает небывалые страдания. Против армянского населения Малой Азии создана невиданная доселе система мирного уничтожения. Отсутствие правосудия, полное игнорирование администрацией справедливых нужд армянского населения предали его в полную власть недобросовестных чиновников, курдских беков и конницы гамидиев³². Описав тяжелое положение армян Ближневосточной Порты, Хримян запросил у самодержца христианского заступничества: «Доброе слово Твое, Государь, не может быть отвергнуто заинтересованными христианскими державами»³³.

Итогом обращения явилось уведомление министра иностранных дел А. П. Извольского русским дипломатическим представителям принять содействие по «облегчению участи страдающего народа»³⁴. Акция Петербургского двора не встретила «понимания» у султана. В ноябре Абдул Гамид заявил послу Зиновьеву о выходе христианской державы Севера за пределы рамок дружественных взаимоотношений: «Россия не отвечает взаимностью на его

благожелательную политику в ходе войны с Японией и русской «смуты»³⁵. Осуществлено сближение Турции с Австро-Венгрией, позволившее избежать воплощения идеи судебных реформ для армянских провинций, усилившее обострение отношений великих держав³⁶. Россия соглашениями с Австро-Венгрией 1897 г. и 1903 г. обязывалась «не искать в пределах Турции территориальных выгод или преобразований»³⁷. Взамен Петербургский двор надеялся получить согласие Вены на проведение реформ для христианских районов преимущественно Европейской Турции. Австрия же подготавливала окончательную аннексию Боснии и Герцеговины, обещая призрачное содействие Зимнему дворцу в надзоре над черноморскими проливами³⁸. Положение осложнялось кончиной католика Мкртича Хримяна и голодом в армянских вилайетах. Пресса сообщала: «Есть места, где люди мрут, не найдя куска черствого хлеба. Не везет этим несчастным пасынкам судьбы»³⁹. Весной 1908 г. русское посольство в третий раз обратило внимание Блистательной Порты на критическое положение армянского населения в Ване, ожидавшего резни. Получено традиционное заверение турецкой стороны о соблюдении порядка. Ситуацию под контролем помог также сохранить английский консул, заявивший губернатору Редиф-наше о предании его суду в случае беспорядков⁴⁰.

Приход младотурок к власти в июле 1908 г. мало изменил сущность правящего режима, хотя была восстановлена конституция 1876 г. и провозглашены лозунги братства, свободы и равенства. Понимание различия между декларативностью конституции и сущностью националистической власти проявил посол Зиновьев. Ему принадлежит меткая характеристика переворота как косметического камуфляжа по спасению Османской империи: «Я решительно не верю в маргаритовую турецкую конституцию, от нея скоро и следа не останется и все пойдет по старому. Не спасут Турцию и младотурки»⁴¹. Между тем политики приветствовали перемены в Блистательной Порте. Смаковались первые либеральные мероприятия и выдавались оптимистические векселя на будущее: «После недолгих недоразумений, — писал русский аналитик, — выяснилось, что младотурки — националисты, но не в французском, одиозном оттенке, а в лучшем смысле этого слова. Их лозунг не «Турция для турок», как одно время хотели думать некоторые, но «Турция для всех турецких граждан без различия национальности и вероисповедания»⁴². Опьяненные эфемерными надеждами на улучшение положения конституцией «легковерные» армяне начали брататься с турками, сваливающими вину за кровавые расправы на «наемных» курдов. Критически настроенный к младотурецкому режиму посол Зиновьев был заменен в конце 1908 г. более гибким Н. В. Чарыковым, отстаивавшим идею рус-

ско-турецкого сближения⁴³. Произошли сдвиги в соотношении сил на Балканах. Россия и Англия пришли к соглашению о реформах в Македонии⁴⁴. Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину без содействия России в стратегическом вопросе о черноморских проливах⁴⁵. Германии удалось напряженность между Австро-Венгрией и Турцией⁴⁶. Ситуацию использовала Болгария, добившаяся в апреле 1909 г. признания независимости от Турции. Благожелательную позицию в этом вопросе заняли Англия, Франция и Россия⁴⁷. Кратковременный контрреволюционный переворот в Турции в начале 1909 г. привел к гибели в Адане и Алеппском вилайете 40 тыс. армян. В июле 1909 г. Чарыков начал свою деятельность с поздравления в адрес младотурецкого комитета за успех в подавлении заговора. Место тирана Абдул Гамида занял слабовольный конституционный монарх Махмуд У.⁴⁸

Для сохранения репутации младотурецкого режима в глазах Европы министр внутренних дел Талаат-наша предпринял меры по наказанию участников аданского погрома. Главный официоз младотурок г. «Танин» стала обеливать «кровавое пятно» новой власти пропагандой идеи «объединения» турок и армян⁴⁹. Либеральные круги Национального собрания были удовлетворены акциями властей. Константинопольский патриарх Дурьян в начале 1910 г. заявил: «Мы, армяне, не имеем особых сепаратистских требований»⁵⁰. Цель устремлений армян виделась в развитии культурно-просветительских учреждений и осуществлении судебных реформ для уравнивания прав с мусульманским населением⁵¹. Заигрывание младотурок с подвластными народами получило отражение в подготовке проекта нового административного деления по примеру Франции. Удваивалось число вилайетов с 32 до 65—70, имеющих структуру французских департаментов. Основу вилайетов должны были составить санджаки, наподобие французских округов. Упразднилась «каза» (сельский участок) и намечалась община (коммуна). Реализация проекта с учетом культурно-национального деления могла облегчить положение армянских масс⁵². Состоятельность надежд на цивилизую жизнь оказалась в зависимости от сущности младотурецкого режима, стремившегося лишь к спасению Османской державы.

Обострение армянского вопроса

Отсутствие административного опыта управления, расхождение между конституционными положениями и националистическими мерами, социальная опора на армию и заговорщические приемы в правлении подтачивали младотурецкий режим. Вооруженные силы осуществляли смену министров, национальное равенство «хромало на обе ноги», либераль-

ные декорации не оправдывали себя¹. Усиливалась нетерпимость новой власти против национальных меньшинств и окружающих народов, добивавшихся расширения прав и закрепления независимости. Нарастала напряженность в отношении с армянским населением. Армянские партии требовали легализации митингов в церквях². «Дашнакцутюн», добившись соглашения с младотурками, предъявила в 1911 г. ряд требований правительству: официальное осуждение антиармянских действий режима Абдул Гамида с 1890 г.; восстановление прав армянского населения на землю; рассмотрение земельных споров между мусульманами и армянами смешанной комиссией; оказание государственной помощи армянам, по примеру мухаджиров, покинувших родные места в результате ползучего геноцида и вернувшихся в страну после революции 1908 г.; назначение представителей правительства в армянских деревнях из армян. Воплощение требований облегчило бы положение армянских масс, содействуя закреплению в родных местах. Общая нацеленность получила негативную реакцию в турецком обществе: «Напрасно дашнакцаканы воображают, что одно соглашение с партией «Единение и прогресс» даст им возможность создать обособленную армянскую область с армянскими чиновниками»³.

Ответом конституционного правительства явились традиционные аргументы: обещание, запугивание, погромы и лавирование. Резко возросла психологическая напряженность в обществе. Вали Аданы в декабре 1911 г. телеграфировал в Константинополь о переселении местных армян на о. Крит из-за боязни повторения резни⁴. Правительство Англии заявило великому везиру Ахмед-Ризе об осуждении насилий в армянских вилайетах⁵. Расширился процесс захвата церковных имений, в частности, Агабака, Арджеша и Варака⁶. В январе 1912 г. армянские депутаты турецкого парламента подали записку великому везиру об избиениях армян в вилайетах Вана, Эрзерума, Битлиса и Харберда. Правительству предлагалось принять решительные меры для обеспечения жизни армянского населения. Надеждой на перемены рассматривалось назначение вали вилайетов из армянских чиновников, поскольку курды и турки использовали суды и полицию в собственных видах. Специальная министерская комиссия — военного, внутренних дел, полиции и земледелия признала справедливым содержание депутатской записки. Правительству рекомендовалось увеличить численность жандармерии, количество армян на государственной службе в вилайетах, наказать судебных и полицейских чиновников за расправы над мирным населением, прекратить насилия и оказать помощь бедствующим. Заключение комиссии должен был рассмотреть Совет министров, но очередной министерский кризис

и нежелание заниматься этим вопросом похоронили заключение в бюрократических дебрях⁷.

В западноармянской среде стали усиливаться прорусские настроения. В феврале на заседании армянского прогрессивного союза в Константинополе выступил доктор Айвазян с докладом «О положении армян в России». Анализ реалий позволил сделать положительный вывод: «Наши братья, российские армяне, под покровительством России сделали большие успехи на пути культурного развития, как в экономическом, так и духовном отношении, и составляют теперь самую цветущую и счастливую часть армян. Поэтому вся армянская нация питает к русскому народу и русскому правительству чувства любви и благодарности. Есть все основания к тому, чтобы верить в то, что русский и армянский народы, связанные искренними чувствами братства, целые века проживут вместе»⁸. Определенное удовлетворение во всех слоях армянского народа вызвало завершение напущенного процесса по делу партии «Дашнакцутюн» в России, связанного с борьбой против самодержавия. Громкий процесс под конец оказался практически низведен до частного случая в русско-армянских отношениях. Происшедшее вызвало поляризацию мнений. Редакция г. «Дрошак» сделала заключение о продолжении борьбы. Другой подход высказала консервативная г. «Оризон»: «Армянский народ может себя поздравить с тем, что справедливость еще раз восторжествовала. Он может быть доволен тем, что высшая государственная судебная инстанция показала, что правосудие может отличить отдельные сообщества от всего народа»⁹.

Весной 1912 г. царь утвердил верховным католикосом Геворка Суреняна, подведя черту под борьбой различных сил вокруг Эчмиадзинского престола¹⁰. Новоизбранный глава церкви являлся прагматическим деятелем, учитывающим опыт развития нации и существующий расклад политических сил. В ходе июньского визита в Петербург Геворк V в сенсационном интервью г. «Новое Время» заявил о недопустимости в армянской среде революционного движения, расходящегося с характером нации и ее политическими интересами. Лучшая будущность народа связывалась с Россией¹¹. При встречах с министром внутренних дел А. А. Макаровым и руководителем юстиции И. Л. Щегловитовым затронутым оказался вопрос облегчения участи осужденных дашнакцаканов. На аудиенции у царя отмечено тяжелое положение турецких армян. Информация принята к сведению. Выражена высочайшая благодарность за изъявление дружеских чувств от всего армянского народа¹².

Улучшение русско-армянских отношений вызвало тревогу в правящих кругах Турции, учитывающих сложную международную

обстановку. Агрессивность позиции к Черногории побудила Россию напомнить младотуркам о статьях Берлинского трактата с автономиями для христианских областей¹³. Для сохранения статус-кво на Балканах Петербургский двор стремился создать балканский союз — Сербия, Черногория, Болгария, Греция с привлечением к нему Турции. В правящем эшелоне Турции имелись сторонники союза с Россией, как гаранта ее целостности и мирного развития. Возможность союза обосновывалась противодействием Петербурга Австро-Венгрии и Германии на Балканах, наличием здесь у России якобы лишь экономических интересов¹⁴. Практическое разграничение зон влияния Англии и России в Персии, занятие русским отрядом Тавриза вызвали шоковое состояние в Стамбуле. Турецких державников напугала перспектива гибели Османской империи: «переход Персии в руки Англии и России есть пролог великой политической драмы, которая должна разыграться на мусульманском Востоке»¹⁵. Возобладала точка зрения ставки на Германию, недонущения укрепления союза армян Турции с Россией, подавление национальных устремлений. В турецкой печати появились публикации об «угнетенности армян» в России и готовности к восстанию против самодержавия¹⁶. Младотурецкая г. «Хааки» подвергла критике интервью Геворка V г. «Новое Время», осуждавшего наследников османов в армянском вопросе. Обыгрывались отдельные факты, такие, как армяно-татарское столкновение на Кавказе, посылка революционеров в Сибирь, секуляризация, опускалась политическо-экономическая защищенность армянской нации в России. При этом, естественно, умалчивались турецкие зверства¹⁷.

17 августа константинопольский патриарх И. Аршаруни лично представил министру внутренних дел Таниш-бегу докладную о критическом положении армянского населения в Ванском вилайете. Запрошено содействие высшей власти в пресечении ожидаемой резни. В ответ прозвучала успокоительная сентенция: «Все это ведь такие простые вещи, что даже не следует протестовать против них». Спустя два дня курды уничтожили два армянских селения в Ване. Новое обращение завершилось уверением министра об обращении к местной сильной личности Али-Камбу для сдерживания курдов. Нецелым являлось то, что главным организатором погромов являлся сам Али-Камбу¹⁸. 18 сентября константинопольский патриарх и представители Национального собрания подали в отставку из-за отказа младотурок прекратить избиения армян в Малой Азии и привлечь виновных к ответственности. Основой конфликта являлось требование возвратившихся на родину армян вернуть захваченные у них земельные участки.

Требование патолкнулось на великодержавное сознание: «По привычку турка не может жить рядом с ним христианское население, пользующееся равным с ним правами на существование. Воспитанный с давних пор в таком духе, — считал аналитик, — турок в начале будет противиться введению какой-либо реформы, боясь за свое существование, как нижестоящий в культурном отношении по сравнению с своим соседом христианином»¹⁹. В противоречие вступили интересы армян, турок и курдов. Турок беспокоила общая целостность Османской державы, курдов — сохранение захваченных земель, а армян — выживание. Во главе антиармянского движения находился курд Мусин-бей, один из организаторов зулума²⁰.

Бездействие турецких властей побудило константинопольского патриарха обратиться к Геворку V о покровительстве духовной пастве в Ближневосточной Порте. Два представителя тифлиссских армян 19 сентября оповестили верховного католикоса о зверствах турок над беззащитным армянским населением Вана, Битлиса, Харберда и Диярбекира. Изъявлялось желание о подаче Айрапетом прошения царю в защиту турецких армян²¹. Обращение тифлиссских армян диктовалось озабоченностью судьбой Западной Армении. По мнению Ам. Аракеляна, редактора г. «Мшак», спасение зрело в вмешательстве великих держав, которые, по примеру разрешения македонского и албанского вопросов, могли предоставить Турецкой Армении автономию. Намечалось привлечение внимания мировой общественности: «Нужно повсеместно в христианских странах организовать митинги и собрания протеста»²². Новым являлось требование предоставить право армянскому населению носить оружие и осуществлять самооборону. Высказанные меры предлагалось рассматривать как объединительную программу армянского народа и Национального собрания. Верховный католикос дал согласие на организацию собраний армянских обществ России для поддержания турецких армян и деятельность в защиту паствы, но с проявлением необходимой осторожности²³. Понимание армянских интересов проявил наместник Кавказа граф Воронцов-Дашков, публично заявивший об их уважении: «армяне благодарные друзья России и в наших пределах и за рубежом»²⁴.

2 октября Геворк V обратился к главе Кавказа с просьбой санкционировать поездку в Петербург для вручения царю доклада константинопольского патриарха о положении армян в Турции и принятию мер по облегчению их критического положения²⁵. 9 октября 1912 г. началась Балканская война, последовательно втянувшая в боевые действия против Турции Черногорию, Сербию, Болгарию и Грецию. Младотурки стали осуществлять призыв в армию национальных меньшинств, вызвавший протесты греческого

и армянского патриархов, болгарского экзарха и еврейского великого раввина²⁶. В мере властей усматривалось желание иметь добавочное пушечное мясо и уменьшить возможность сопротивления инородцев политике правящих верхов. Война преобразила содержание международных отношений на христианском Востоке.

10 октября Воронцов-Дашков доложил царю об отклонении идеи поездки католикоса в Петербург и предложении предоставить ходатайство на высочайшее рассмотрение. С согласия председателя Совета министров В. Н. Коковцева, ознакомленного с содержанием прошения Геворка V, правитель Кавказа изложил свое мнение. Политика России со времен Петра Великого до славянской войны 1877—1878 гг. рассматривалась «доброжелательной» к армянскому народу, оказывавшему содействие русским формированиям в ходе боевых действий. Выделена политика Николая I, создавшего из Эчмиадзинского престола «Армянский Рим» для всех армян. Вершиной попечительной политики России к армянскому народу представлена 16 статья Сан-Стефанского договора, обязывающая Блистательную Порту провести реформы в Западной Армении под «угрозой русского оружия». На взгляд наместника, «исконная политика» России претерпела изменения в 90-х гг. XIX в. Квинтэссенцией перемен признавался голицынский режим. Личные усилия Воронцова-Дашкова, санкционированные монархом, внесли изменения в общую направленность армянской политики. Предлагалось окончательно закрепить традиционные начала: «Я полагаю, государь, что теперь настало время вернуться к исконной русской политике покровительства турецким армянам и настоятельно необходимо изыскать лишь те формы, в которые оно должно в данный момент вылиться»²⁷. Для сохранения исторической инициативы заступничества рекомендовался демарш Турции о необходимости исполнения 61 статьи Берлинского конгресса. Предлагалось ограничиться лишь рамками политической защиты: «Делая это категорическое выступление, в то же время мы должны, по-моему, особенно подчеркнуть, что оно отнюдь не вызывается стремлением к территориальным приобретениям от Турции, чтобы не смущать умов не только турок, но и армян, жаждущих присоединения к России»²⁸.

Ответ на прошение верховного католикоса и представление Воронцова-Дашкова несколько затянулся. В центре внимания Петербургского двора до середины октября находилась тяжелая болезнь престолонаследника. Председатель Совета министров Коковцев «не решался беспокоить» царя. Лишь улучшение состояния здоровья цесаревича позволило дать ход накопившимся делам²⁹. 19 октября самодержец ознакомился с представлением главы Кав-

каза. Проявлено «сочувствие» и желательность инициативы заступничества от России. Однако обращалось внимание на тяжелое положение Турции: «теснимая победоносными армиями ея противников и совершенно обезсиленная в внутреннем своем управлении», — недопускавшее получить практический эффект от дипломатического демарша. Акция признавалась противоречащей также обязательству концерту европейских держав действовать совместно в балкано-турецком конфликте и связанных с ним осложнениях. Высказано желание отложить заявление России к моменту подведения итогов балканской войны и установления новых взаимоотношений: «В эту пору обсуждаемое заявление Российского правительства, без сомнения, могло бы рассчитывать на больший, чем ныне, успех, причем инициативу выступления в пользу турецких армян, как правильно описано, наместником, желательно было бы удержать за Россией»³⁰. В армянском вопросе рассчитывалось получить поддержку великих держав, в том числе Германии строящей Багдадскую железную дорогу через малоазиатские провинции Турции. Соображения монарха Коковцев 31 октября довел до сведения министра иностранных дел С. Д. Сазонова с предложением представить заключение для выработки окончательной платформы русского правительства³¹.

Председатель Совета министров и глава внешнеполитического ведомства в третьей декаде октября имели встречи с уполномоченным верховного католикоса епископом Месропом, уточняющим позицию армянской стороны. Испрашивалось применение реформ к Западной Армении не по 61 статье Берлинского конгресса, открывшей «дверь для уничтожения армян», а по 16 статье Сан-Стефано. Предложение означало контроль за преобразованиями возложить на Россию. Сазонов заверил о возможности рассмотрения армянского вопроса на будущей мирной конференции по урегулированию Балканского кризиса и желательности обеспечения армянской стороной содействия их интересам другими государствами. Коковцев заверил о симпатии царя к просьбам по облегчению положения турецких армян, хотя представленные факты были сочтены не достаточно «убедительными». Желательным сочтено привлечение внимания Англии к армянскому вопросу на предстоящей мирной конференции, «всегда симпатизировавшей ему», а также Германии. По мнению председателя Совета министров, Берлинский двор не мог рассчитывать на содействие турок и курдов в эксплуатации Багдадской железной дороги. Интерес Германии к армянскому народу усматривался в репутации торговой нации, деятельной и энергичной. Турция характеризовалась державой, несущей свой крест до конца. Отвергнув европейский совет перед балканской войной осуществить преобразования в христи-

анских районах, она должна была в результате поражения сохранить за собой из европейской части страны лишь г. Константинополь³².

Итоги поездки в Петербург епископа Месроп изложил верховному католикосу шестого ноября. Представителями армянских общин России было создано Национальное бюро для помощи главе церкви в трех целях: содействие решению армянского вопроса; консолидация усилий русских и турецких армян; формирование русского общественного мнения. Лейтмотивом воззрений Национального бюро являлось желание иметь единую программу преобразований, учитывающую точку зрения России как гаранта предстоящих реформ³³. Членами бюро являлись: А. Хатисян, С. Арутюнян, А. Калантар, О. Аракелян, А. Погосян, О. Туманян, П. Ахбальян, К. Степанян, А. Джамалян³⁴. Создан был мозговой центр русских армян.

Министерство иностранных дел России затребовало от посла в Константинополе представления умопостроений турецких армян. 26 ноября посол М. И. Гирс оповестил Сазонова, что все армяне (Ван, Баязет, Битлис, Эрзерум, Трапизонд) без исключения симпатизируют России. Обращение верховного католикоса к наместнику Кавказа признавалось отвечающим чаяниям армян Турции. Возможность реального содействия ставилась в зависимость от необходимости подготовительной деятельности. Отмечалась подготовка обращения константинопольских армян к великим державам за помощью в предверии мирной конференции. Посол высказался за заверение главы армянской церкви и константинопольского патриарха об активной позиции российского правительства в решении армянского вопроса. Общая постановка позиции, по мнению Гирса, позволила бы проводить обтекаемую армянскую политику. Ввод русских формирований в армянские вилайеты сочтен ранневременным: «русская оккупация армянских вилайетов, о которой мечтают многие армяне, представляется в настоящий момент преждевременной». В то же время подобный исход событий не исключался: «При этом нужно, однако, считаться с возможностью, что при существующей ныне в Турции анархии, реформы не внесут ожидаемого успокоения, и быть готовым к тому, что вступление наших войск в эти области окажется, быть может, необходимым»³⁵. При следовании курсу преобразований предлагалось не забывать печальный опыт проекта майских реформ 1895 г., оставшихся «мертвой буквой». Реализация реформ ставилась в зависимость от реального контроля европейских стран либо от надзора России³⁶.

30 ноября Сазонов попросил посла доверительно посоветовать министру иностранных дел Турции подумать о необходимости

реформ в Западной Армении, поскольку их игнорирование могло привести к серьезному вмешательству европейских держав и породить различные осложнения. Рекомендовалось расселять переселенцев с балканского театра войны вдали от христианских районов Малой Азии. Местом, имеющим значительные свободные земли, указывалась Месопотамия. Такой подход позволил бы спокойно разрешить проблему мухаджаров. Советовалось дружески обратиться внимание руководства Турции, становящейся преимущественно малоазиатской страной, на желательность сохранения приятных отношений с Россией. В соседских взаимосвязях главным, представлялось избежание различных расхождений по интересующим проблемам, в том числе и по армянскому вопросу³⁷. 4 декабря состоялась встреча Гирса с министром иностранных дел Габриел-эфенди Норатункяном в инструктированном духе. Затребовано, частным порядком, прекращение преследований и расправ с армянским населением³⁸.

Кровную заинтересованность в происходящих событиях проявляла западноармянская сторона. Национальное правление Национального собрания образовало комиссию безопасности из восьми членов: константинопольский патриарх Аршаруни — председатель, бывший патриарх Е. Дурян, архимандриты Г. Палакян и Г. Калемкарян, С. Караян — председатель Национального правления, Оскан Мартикян — министр почт и телеграфов, представители правления — В. Папазян и проф. Тер-Акопян. Комиссия имела сходные цели с Национальным бюро в Тифлисе: разработка проекта реформ, ведение переговоров с представителями европейских держав, информационное освещение положения дел в Турецкой Армении. 13 ноября константинопольский патриарх и депутат парламента Г. Зограб изложили послу Гирсу видение пути улучшения участи турецких армян в виде прогрессивных европейских реформ: «Для нас, армян, одно ясно, — заявил Аршаруни, — что наше спасение во всяком случае не от турок. Мы убеждены, что лучшие условия быта. Единственная наша надежда на великую христианскую державу, которая могла бы устроить нашу судьбу хотя бы так, как обставила Австрия Герцеговину»³⁹.

В создании единства вокруг реформ имело важное значение заявление представителей фракции «Дашнакцутюн» в Национальном собрании в декабре о присоединении к «требованиям дня». Заявление подготовила встреча доктора Я. Х. Завриева с послом Гирсом 12 декабря. Русскоподанный Завриев, возглавлявший врачебный отряд России по оказанию медицинской помощи населению Турецкой Армении в 1905 г. и кристально чистый революционер, вернулся из малоазиатских провинций. Болячками

армянского общества представлялись: несовершенство судопроизводства, отсутствие прав и гарантий личности, расхищение земельных участков. «И одна Россия,— по словам Завриева,— может уврачевать эти язвы, либо непосредственно, либо путем давления на Оттоманское Правительство». На вопрос о предпочтительности революционного либо дипломатического путей развития событий, посол счел нужным мирный. «Важно,— отметил Гирс,— чтобы в глазах всей Европы армяне оставались жертвами турецкого произвола, а не превращались в политических революционеров, желающих воспользоваться турецкими военными неудачами для осуществления своих национальных устремлений. Поэтому армянам не следует задирать турок, ни тем паче поднимать восстание; не следует им также представлять Европе какие либо политические требования»¹⁰.

Члены комиссии безопасности сумели установить контакты с представителями различных стран. 24 декабря проф. Тер-Акопян имел встречу с английским послом Д. Лоутером, прошедшую в прохладных тонах. Заявление о насилиях курдов были отвергнуты послом безоговорочно: «Курды, в действительности, мирный и послушный народ, как же это они бесчинствуют?». Разъяснения профессора о бездействии турецких законов и вооруженности армянского населения не произвели впечатления. Желание же армян Турции почитать права «последнего англичанина» вызвали отрицательную реакцию: «К сожалению, английские суда не могут приплыть к Вану и Мушу,— указал Лоутер,— и потому, какое значение могут иметь все разговоры о реформах, о гарантии и проч.». Лишь заявление Тер-Акопяна о просьбе константинопольского патриарха сообщить правительству Англии о желательности ее вмешательства в решение армянского вопроса подействовало отрезвляюще. Возможность ориентации турецких армян на Россию, при отказе содействия Англии, было воспринято скептически: «из руки черта ринуться в море (т. е. из огня да в полымя)»¹¹. Тональность аудиенции определялась раздражением английских кругов от самостоятельности турецких армян и ориентации на Россию.

В канун встречи в английском посольстве маневрировала турецкая дипломатия. В Константинополе под руководством министра внутренних дел Рашид-паши был разработан проект реформ для четырех вилайетов — Ван, Битлис, Диарбекир и Мануретургазис (Харберд). Руководство предоставлялось генеральному инспектору и специальной комиссии из шести лиц (трое мусульман, двое армян и один халдей). Председателем полиции намечался иностранец, знающий местные особенности, состоящий на турецкой

службе. Генеральному инспектору, назначаемому Портою, разрешалось утверждать и смещать чиновников. Проводимые меры генеральный инспектор обязывался обсуждать со специальной комиссией. В круг обязанностей инспектора входила реорганизация судебной и финансовой систем, повышение благосостояния жителей, сохранение мира между подчиненным населением и обеспечение прав личности. Срок служебной деятельности определялся в пять лет. Проект был обсужден 8 декабря¹² с бывшим константинопольским патриархом М. Орманияном, редактором турецкой г. «Сабах» Т. Калекяном, знаменитым ювелиром П. Кюлпенкяном и доктором Тангаваряном. Высказанные замечания сводились к необходимости международных гарантий реформ, руководству жандармерии иностранцем и распространению реформ на Эрзерумский вилайет. Последнее замечание министр внутренних дел признал обоснованным¹³.

Турецкому проекту отводилась роль дымовой завесы. Общую установку младотурок четко выразил Рашид-паша в середине декабря, заявив через г. «Икдам» об иллюзорности армянских надежд: «Автономная Армения — несбыточная фантазия». Армянской стороне предлагалось довольствоваться представляемым, отказаться от выхода к морю и признать суженные границы армянских вилайетов. Великим державам адресовалось утверждение о не признании решений предстоящей конференции послов в Лондоне по балканскому кризису, поскольку Турция туда не была приглашена¹⁴. Приглашение к обсуждению проекта реформ определенных деятелей, символизировало возможность его реализации в собственной трактовке и с помощью коллаборационистов вызвало тревогу в армянской среде. Константинопольский патриархат выразил возмущение экспертизой проекта неуполномоченными лицами. Верховный католикос заявил об отсутствии у архиепископа Ормания права представлять интересы армянского народа. Встретив отпор проекту, младотурки в печати стали говорить о внесении изменений: распространении на шесть армянских вилайетов, разделяемых на две зоны с различной степенью преобразований. При каждом из руководителей зон — генеральных инспекторов намечалась комиссия из шести членов (2 армянина, 2 турка и 2 европейца). Решалась задача ублажить армян, но не допустить главного — европейского контроля¹⁵. Кабинет Кямил-паши стремился обеспечить за Турцией инициативу и надзор за содержанием преобразований.

31 декабря состоялся прием во французском посольстве Константинополя. Там не скрыли желательности согласия по армянскому вопросу между Англией и Россией. Проект реформ, разработанный комиссией безопасности на базе опыта 1895 г., сочтен

удовлетворительным. Внесено предложение вместо единого правителя либо комиссара для армянских вилайетов добиваться европейского надзора. Интерес проявлен к державе, долженствующей стать гарантом реформ. На то был получен ответ, что им может стать любая держава, в том числе и Россия¹⁶. Франция имела жизненно важные интересы в Османской Турции. В экономику Турции она вложила свыше 2 млрд. франков, в четыре раза больше, чем Германия. Из полученных Турцией 1 млрд. 204 млн. займов французская доля составляла 846 млн. франков. Объектом приложения капитала являлись железные дороги: Смирна-Кассаба — 71 млн., Яффа-Иерусалим — 18 млн., Дамаск-Гали — 121 млн., Багдадская дорога — 5 млн.⁴⁷ Зона интересов Франции охватывала преимущественно Сирию, Ливан, Палестину и Киликию. Армянский вопрос так или иначе затрагивал экономические и политические виды Франции в Турции.

Контакты с министром иностранных дел Австро-Венгрии Л. Бертхольдом осуществил аббат венской конгрегации мхитаристов вместе с архимандритом Гнелом Калемкаряном. В ходе беседы аббат, «по наивности», выложил информацию о переговорах верховного католикоса с правительством России. Удивленный Бертхольд заявил о не предусмотренности армянского вопроса ни для повестки конференции послов, ни для мирной конференции по урегулированию балканского кризиса. Тем не менее министр нашел возможным его рассмотрение при настоянии армян и желании участников. Проявлена дипломатическая вежливость. Малопродуктивной оказалась встреча архим. Гнела с венгерским министром-президентом Лукачом, имевшим армянское происхождение, посоветовавшим добиваться расположения Великобритании. Противоположный совет до этого архимандриту пришлось выслушать от болгарского царя Фердинанда, направившего посланца комиссии безопасности к самодержцу России⁴⁸.

В декабре завершилась выработка окончательной позиции правительства России. Министр иностранных дел Сазонов циркулярно поставил в известность дипломатические представительства страны за рубежом о заинтересованности в «улучшении быта» турецких армян, осуществление которого представлялось возможным после балканского кризиса⁴⁹. Точка зрения получила обстоятельное развитие в отношении Воронцова-Дашкова к верховному католикосу от 22 декабря 1912 г.: «Императорское правительство считает, однако, совершенно не соответствующим интересам самих же армян обсуждение армянского вопроса в Турции концертом держав на предстоящей для урегулирования Балканского кризиса конференции, так как имеет полное основание сомневаться в единодушии европейских государств при разрешении жизнен-

ного для армян вопроса. Между тем, отсутствие такого единодушия у держав и возникновение, в связи с этим, разногласий создадут, как это доказал печальный исторический опыт, весьма благоприятную обстановку для уклончивого отношения местной турецкой администрации к делу улучшения положения армян»⁵⁰.

Разъяснения главы Кавказа о необходимости терпения не встретили понимания у верховного католикоса. В заготовленном послании от 24 декабря Воронцову-Дашкову сообщалось о давлении «паствы», требующей обращения к великим державам за облегчением судьбы турецких армян. Правитель Кавказа был поставлен в известность о назначении Погос Нубар-паши 10 ноября представителем верховного католикоса для подготовки армянского вопроса, вкупе с духовными и светскими лицами, к предстоящей мирной конференции⁵¹. Акция рассматривалась в контексте советов Сазонова и Кокоевцева, данных епископу Месропу. Сообщалось о пребывании представителя в Париже, подготовке им обращения к великим державам, ожидавшего специальной инструкции главы армянской церкви⁵². Миссия Погос Нубар-паши получила к этому времени резонанс в печати. 21 декабря г. «Закавказская Речь» обнародовала информацию из Парижа: «Армянский вопрос принимает выгодное направление. Нубар-паша действует энергично. Франция берет на себя инициативу и выдвигает армянский вопрос официально»⁵³. Инициатива с деятельностью Погос Нубар-паши представлялась Геворком V потребностью времени: «Я полагаю, что подобное обращение не противоречило бы указаниям Вашего Сиятельства относительно нежелательности никаких новых обращений армян к иностранным державам». Однако, не желая осложнять взаимопонимание, глава церкви запрашивал разъяснений: «но не желая оставить в этом вопросе и тени сомнения или недоразумения, — я бы просил Ваше Святейшество дать мне в этом вопросе ясные указания»⁵⁴. Заинтересованность в дипломатической активности первосвященник мотивировал ухудшением положения армянского населения в Анатолии.

Письмо не было отправлено. По зрелому размышлению руководитель армянской церкви счел нужным в тот же день довести свое мнение до наместника Кавказа посредством делегации в составе членов Эчмиадзинского Синода епископа Месропа, правителя канцелярии и ректора духовной академии Баграта, председателя армянского благотворительного общества на Кавказе С. Арутюнова и городского головы Тифлиса А. Хатисова⁵⁵. Весо-мость состава делегации должна была придать значение мнению верховного католикоса. В ходе встречи делегации с Воронцовым-Дашковым 26—27 декабря состоялось вручение памятной

записки по армянскому вопросу и изложение позиции Геворка V. Мнение главы Кавказа свелось к необходимости рассмотрения положения турецких армян на Балкашской конференции⁵⁶. Результат обсуждения, доведенного до сведения правительства, сказан был скоро. 16 января 1913 г. верховный католикос поставил в известность правителя Кавказа об инструкции Погос Нубар-паше ограничиться подготовкой общественного и политического мнения европейских держав в пользу реформ в Турецкой Армении. Отменялось обращение к лондонской конференции послев⁵⁷.

Проект реформ В конце ноября 1912 г. в Петербурге была создана временная комиссия («Армянский кружок») из видных деятелей армянской общины России для содействия миссии верховного католикоса. В нее вошли: член Гос. Думы М. С. Аджемов, проф. Варданян, бывший член Гос. Совета, бывший депутат И. Сагателян. Целью провозглашалось составление материалов, докладов по армянскому вопросу и осуществление контактов с видными деятелями России. В созванном совещании комиссии, при участии закавказских армян, обсуждено положение армян Османской Турции. Численность армянского населения в вилайетах Западной Армении приблизительно определена в 22—23%, а в отдельных уездах доходящей до 70%. Сведения страдали неточностью. Для преодоления информационного голода было решено послать представителей комиссии в Константинополь и Турецкую Армению для выяснения истинного положения дел. За основу автономного устройства предполагалось взять проект майских реформ 1895 г., предусматривающего назначение христиан-губернаторов в армянских вилайетах и проведение преобразований под европейским надзором. Намечалось значительное внимание уделить разъяснению армянского вопроса в Думе и прессе. Сочтено желательным привлечь к обсуждению положений армян Турции лидера партии конституционных демократов П. Н. Милюкова, известного как специалиста по христианскому Востоку¹.

В конце декабря 1912 г. и начале 1913 г. представители «Армянского кружка» посетили Константинополь. Ознакомление с умонастроениями позволило выявить различные точки зрения. Преобладающей являлось понимание необходимости реформ при содействии европейских стран и решающей роли русской инициативы. Только такая программа действий характеризовалась жизнеспособной: «Полное отчаяние в отношении турецкой государственности, — указывалось в отчете, — ее способности реформироваться и что-либо реформировать, искание опоры для необходимых армянских реформ в понудительном давлении на Турцию со стороны европейских держав и, в особенности, во вмешатель-

стве России — таковы основные начала названной программы. Русофильская тенденция... ныне является доминирующим настроением во всем армянском обществе». Центристскую позицию занимала комиссия безопасности Национального собрания: «требовать и добиваться осуществления реформ, признанных самой же Турцией»². Суть позиции заключалась в стремлении избежать обвинений армянской стороны в сепаратизме, осуществлении легальных и санкционированных преобразований, разжигания эксцессов. Значение имело туркофильство высших государственных служащих. Ими выдвигались аргументы о необходимости недопущения кризиса в сторону России, могущего сказаться на самостоятельности развития армянского народа, привести к новым погромам и разрухе. Выразителем этих настроений являлся министр иностранных дел Габриел-эфенди Норатункиан. Проблему реформ он связывал с реорганизацией управления всей Турцией, перепевая тактическую уловку еще Абдул Гамида.

В отчет представителя «Армянского кружка» вошли сведения о численности всего населения армянских вилайетов Турции (Эрзерум, Ван, Битлис, Харберд, Диарбекир, Сивас), составляющего 2615000 чел. По вероисповеданию оно разделялось на три категории: христиане 1183000 — 45,2%, мусульмане 1178000 — 45,1%, различные исповедания 245000 — 9,6%. Состав христиан имел следующий вид: армяне — 1018000, несториане — 123000, греки и проч. — 42000. Соотношение турок, курдов и других кочевых племен в структуре мусульманского населения не показывалось. Данные, представленные комиссией безопасности Национального собрания, показывали ужасные последствия политики режима Абдул Гамида, приведшего к резкому сокращению армянского населения в коренной территории³. Численность армян в шести вилайетах, по данным Константинопольского патриархата Берлинскому конгрессу, в 1878 г. составляла 1330000 чел.⁴ За прошедшие 44 года оно должно было, по крайней мере, удвоиться, но этого не произошло. При этом данные комиссии безопасности приводились полностью лишь по Эрзерумскому вилайету. Вне статистики оказались территории с незначительным количеством армян: Хакиари в Ване, южнее Сгерта в Битлисе, Бишкерик в Диарбекире, перед Малатией в Харберде и северо-западная часть Сиваса⁵. Сведения, следовательно, имели относительный характер. Они приобрели официальный характер, поскольку константинопольским патриархатом были представлены России⁷. Общая численность армян, согласно документам посланным Германию, определялась в 3,6 млн. чел.: Турции — 1895000 и России — 1650000⁶.

Приятное впечатление на представителей армян Петербурга оставила издательская работа комиссии безопасности в пропаган-

дистском плане. Были опубликованы ведомости о земельных захватах в четырех выпусках на армянском языке и два выпуска о состоянии армянских провинций на французском языке. «Объективные данные ведомостей,— отмечено в отчете,— ярко рисуют и документально свидетельствуют о злостном банкротстве турецкой государственности, о вопиющем господстве анархии и кулачного права под номинальной властью турецкого правительства, а часто и при прямом и заведомом попустительстве»⁹. Издана работа депутата турецкого парламента Г. Карапетяна «Земельный вопрос в вилайетах, населенных армянами». Опубликована статистическая таблица армянского населения шести вилайетов. При этом деятельность комиссии безопасности являлась предметом внимания «журналчи», в частности Т. Келекяна, редактора правительственного официоза «Сабах», старавшихся доносить о всем происходящем в армянском обществе турецким властям¹⁰.

Просачивание информации о русско-армянских переговорах вокруг реформ в Турецкой Армении, пребывание Погос Нубар-паша в Париже и Лондоне, настороженность великих держав побудили самодержавие публично осветить сложившуюся ситуацию. Русский посол во Франции Извольский изложил официальную позицию правительства в г. «Таймс» от 4 января 1913 г. Заявлено о продолжении Россией традиционной политики покровительства турецким армянам и необходимости облегчения их участи проведением реформ. Во избежание разногласий великих держав, обеспечение реальных интересов армянского народа указывалось на поднятие вопроса преобразований в ходе заключительных переговоров по урегулированию балканского кризиса: «Этот важный и острый вопрос будет внесен в порядок дня сейчас же после окончания войны, как только политическое положение потеряет свою напряженность. До окончания балканского кризиса поднимать армянский вопрос не удобно, ввиду того, что это может среди великих держав создать разногласия и разлад, что, конечно, может повредить делу»¹¹. Соответствующее разъяснение указывалось в заявлении, было дано верховному католикосу всех армян. Приоткрыта дипломатическая завеса над переговорами о реформах, утвержден приоритет России, определено направление решения армянского вопроса. Заявление побудило делегацию Погос Нубар-паша на время отложить обращения к великим державам и сосредоточить внимание на разработке проекта реформ, формировании европейского общественного мнения вокруг чаяний турецких армян¹².

Между тем подспудно шел процесс шлифования позиций великих держав к будущему разделу зон влияния в Турецкой державе: Франция — Ливан и Сирия, Италия — часть Смирнского ви-

лайета, Англия — Палестина и Аравия. Германия — Киликия, вилайеты Ангоры и Конии. Экономические интересы Германии имели связь с Багдадской железной дорогой, состоящей из четырех участков: 1. от пригорода Константинополя до гор Тавра; 2. от вершины Тавра до гор Аман; 3. от Амана до Ефрата; 4. от Ефрата до Багдада. Второй участок проходил по равнинам Киликии. В 1912 г. состоялось открытие железнодорожного подотна в 150 километров, завершение которого планировалось к 1915 г. Руководство Багдадской железной дороги с удовольствием принимало армян на работу, видя в них элемент, содействующий эксплуатации стальной магистрали и расширения влияния в прилегающих районах¹³. Германские консулы в Киликии, учитывая вестер перемены, установили контакты с местным епархиальным руководством для выявления потребностей армянского населения. Обещалось содействие правительства Германии в проведении реформ¹⁴.

Экономическая активность Германии в Стамбуле рассматривалась как вспомогательное средство по оживлению хозяйства, но не более. Стратегическую позицию османов выразил Абдул Гамид в мемуарах, опубликованных немецким ж. «Север и Юг»: «против промышленного оживления Анатолии при содействии немцев я, конечно, ничего не могу возразить, но германские газеты требуют уже заселения немцами полосы территории вдоль Багдадской железной дороги. Что воображают эти газетчики? Не думают ли они, что мы отдадим германским колонистам страны, которые наши предки купили ценою стольких жертв и усилий? К сожалению, мы упустили время и позволили чужому элементу вторгнуться к нам, в этом все наше несчастье. Но в Анатолии мы хотим и должны остаться одни. Слава Аллаху, что у нас осталось, по крайней мере, это последнее убежище для наших единоверцев и единоплеменников, которых теснят со всех сторон»¹⁵. Младотурки тактически стремились использовать Германию в качестве противовеса России. В ней виделся временный политический союзник, от содействия которого можно было отказаться при удобном случае. Двойственная тактика младотурок осознавалась Германией, но геополитические интересы побуждали к патронированию. В январе 1913 г. политический резонанс вызвал депутатский запрос в рейхстаге о возможных планах стран Тройственного соглашения по разграничению влияния в Малой Азии. 16 (29) января германский посол в Константинополе Г. Вангенхейм, на обеде в честь рождения Вильгельма II в клубе «Тевтония», заявил о неизбежности видов Берлина на Малую Азию: «Германия никогда не позволит России оказать давление на Турцию. Об этом было бы наивно и думать. Для того чтобы предоставить свободу действий кабинету Сазонова, Германия никогда не подумает принести в жертву свои

жизненные интересы в Анатолии. Ни сейчас, ни в будущем мы никому не позволим положить руку на Анатолию»¹⁶.

В начале февраля 1913 г. в Париже состоялось совещание видных армянских деятелей вокруг реформ в Турецкой Армении. Присутствовали Нотас Нубар-паша, Минас Чераз — председатель Национального собрания, епископ Утуджян, Артин-паша, Мостигян и редактор либеральной г. «Мишак» А. Аракелян. Столкнулись две точки зрения. Западноармянские деятели отстаивали традиционный подход к преобразованиям, заключающийся в предоставлении меморандума великим державам для осуществления 61 статьи Берлинского конгресса. Представитель кавказских армян Аракелян решение участи турецких армян связывал исключительно с Россией как страной, «кровно» заинтересованной в положительных сдвигах. Решающее воздействие оказало мнение русского посла Извольского во Франции, высказавшегося за равновременность официальных обращений к европейским странам до окончания балканской войны. Деятельность совещания сконцентрировалась на составлении проекта реформ. Лейтмотивом являлось улучшение положения в Западной Армении на основе «майских реформ» 1895 г. Представленный проект болгарских армян наметал автономии под протекторатом России¹⁷. Отложено поднятие армянского вопроса на предстоящей в Лондоне конференции послов по Балканскому кризису. Заключение по имеющимся проектам решено было предоставить верховному католикосу¹⁸.

Военные неудачи Турции на Балканах побудили Германию проявить инициативу в защиту стратегических интересов. 17 апреля посол Вангенгейм привлек внимание министра внутренних дел Турции к облегчению положения армянского населения, чтобы не допустить вмешательства стран Тройственного соглашения. Рекомендовалось осуществить преобразования в Армении, Месопотамии и Сирии, отказаться от насилий над христианским населением. Немецкая пресса стала пропагандировать армян как культуртрегерский элемент на Востоке, способный отстаивать интересы Германии в Анатолии. Сообщалось о намерении правительства при армянских погромах ввести войска в Малую Азию. У Мерсины, на расстоянии 67 километров от Аданы, дрейфовали три немецких судна: Гебен — 1013, Страссбург — 370 и Гайерс — 160 чел. Железнодорожный путь между Мерсиной и Аданой принадлежал немцам, способным высадить десант и овладеть Киликией¹⁹. Ориенталист доктор И. Ленсиус развернул активную проармянскую кампанию в Германии. В книге «Христианский Восток» приводилась численность армянского народа: в мире — 3665300, Турции — 1895400, России — 1579500, Персии — 80400, Америке — 50000,

Египте — 15000, Болгарии — 4000, Западной Европе, Индии и проч. — остальные. Сведения были получены из Константинопольского армянского патриархата²⁰.

Озабоченность Берлина диктовалась усилением напряженности в Анатолии. Взрывоопасность ситуации побудила 27 апреля армянскую делегацию (епископ Месроп, председатель Армянского благотворительного общества Арутюнов, Хатисов, Пападжанов и редактор г. «Мишак» Калантар) обратиться к помощнику наместника Кавказа по военной части ген. инфантерии Н. П. Шагилову с просьбой о выдаче оружия казной для самообороны армян Турции от усиливавшихся насилий. 2 мая Воронцов-Дашков просьбу армянской делегации представил министру иностранных дел Сазонову. Разгром Турции Балканским союзом представлялся обоснованной тревогой за судьбу мирного армянского населения, так как турки и курды традиционно рассматривали весну временем расправ. Отсутствие реформ характеризовалось благоприятным сигналом для расправ с армянским этносом. Усугублялось положение ожидаемым посланием мохаджиров из Македонии на армянских территориях. Предоставляя правительству сделать выводы, наместник Кавказа счел желание армянской общечественности обоснованным: «Положение турецких армян действительно становится критическим, и они, быть может, не без основания боятся, что им предстоит в ближайшем будущем пережить еще более тяжелое время, чем они пережили до сих пор...»²¹. Верховный католикос уведомлен о точке зрения руководителя Кавказа²².

5 мая 1913 г. Национальное бюро представило Геворку V проект реформ для Армянской области Анатолии, разработанный первым драгоманом русского посольства в Константинополе. А. Мандельштамом на основе «майских реформ» 1895 г. Армянская область составлялась из шести вилайетов — Эрзерум, Ван, Битлис, Диарбекир (Тиграпакерт), Харберд и Сивас. Из граничной области исключались «береговые части» вилайетов с малой численностью армян: Хакияри, Сгерт, Бишкерик, ниже Малатии и северо-западная часть Сиваса. Руководство администрации вверялось генерал-губернатору, при котором состоял Административный совет. Законодательная власть предоставлялась Обласному совету в равном представительстве от мусульман и христиан. Всего насчитывалось 36 статей. Автономная Армянская область под надзором стран Тройственного соглашения получила возможность полноценного развития²³.

30 мая 1913 г. состоялось подписание мирного договора в Лондоне, подведшего итоги первой балканской войны. Разгром Турции принудил ее уступить европейскую часть страны по линии Мидия-Этнос. Пресловутое статус-кво на Балканах оказалось от-

брошенным. Греция получила Крит, а Болгария—выход к Эгейскому морю. Территориальные приращения расширили границы Черногории и Сербии. Самостоятельность приобретала Албания. Однако между балканскими союзниками имелись серьезные противоречия вокруг Македонии и других территорий. Свою долю жаждала получить Румыния²⁴. Новый политический расклад на Балканах обострил взаимоотношения стран Тройственного союза и Тройственного соглашения. Каждая из сторон стремилась усилить позиции на Балканах, привлечением на свою сторону бывших союзников. В повестку дня становилась судьба азиатской части Турецкой державы. 6 июня правительство России предложило великим державам заняться выработкой проекта реформ для Турецкой Армении²⁵. Россия следовала заранее намеченному курсу по облегчению участи турецких армян.

30 июня в Ени-Кейсе открылось совещание послов, призванное рассмотреть проект Мандельштама из 22 статей²⁶. Представители Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия и Италия) затребовали обсуждения также турецкого проекта преобразований. Требование носило характер тактического сюрприза²⁷. 2 июля великий везир представил Гирсу проект реформ в Малой Азии, представляющий собой перелицовку «закона о вилайетах» 1881 г. Турецкая империя подразделялась на шесть секторов без упоминания имени Армении. «Восточные вилайеты» входили в состав двух секторов с неопределенными границами. Разночтения с русским проектом заключались в отвержении единой Армянской области, общего областного собрания и европейского генерал-губернатора, эквивалентности должностей между мусульманским и христианским населением²⁸. Различия подходов двух проектов обусловили создание согласительной комиссии из представителей шести посольств, прекратившей деятельность спустя месяц. Итог явился следствием настороженности Англии, негативно относящейся к доминированию российских служащих в единой армянской провинции, противодействием австрогерманской и турецкой стороны. Финансовыми интересами в Анатолии не желала поступиться Франция. Русская дипломатия оказалась вынужденной искать соглашения с Германией²⁹.

В начале августа доктор Лепсиус предложил компромиссный вариант для Берлина и Петербурга. Турецкая Армения делилась на два сектора: первый — Трапизонд, Сивас, Эрзерум и второй — Харберд, Битлис, Диарбекир. Выражено согласие на назначение двух иностранных инспекторов во главе секторов с согласия великих держав. Намечено применение принципа равенства мусульманского и христианского населения к замещению должностей в государственных учреждениях за исключением мусульманских

районов. Маневр осуществили младотурки. Министр внутренних дел Талаат-паша предложил проект реформ сделать достоянием переговоров лишь между армянской и турецкой сторонами, поскольку, якобы, «русским нельзя доверять»³⁰. Ставилась цель использовать осложнения, возникшие в ходе подведения итогов второй балканской войны между перессорившимися союзниками. Бухарестским миром 10 августа Османская Турция возвратила себе Адрианополь и значительную часть Восточной Фракии. Произошло значительное перераспределение территорий между бывшими победителями. Россия сумела противопоставить австрийской экспансии сильную Сербию, в союзе с Грецией и Черногорией, и привлечь Румынию. Болгария, из-за потери южной Добруджи, полностью перешла в стан Тройственного союза³¹. Из поля зрения великих держав не выпадала Малая Азия. Расчет Турции на изолирование армянского вопроса оказался несостоятельным. Германия учитывала роль армян в Малой Азии и стремилась сохранить воздействие на Стамбул. Россия же последовательно проводила линию на защиту интересов турецких армян. 23 сентября послы Гирс и Вангенхейм в Константинополе достигли соглашения из шести пунктов о реформах в Турецкой Армении, на основе предложения доктора Лепсиуса³².

Осенью 1913 г. переговоры между Германией и Россией вступили в решающую фазу. Вояжи в Берлин и Петербург осуществил Погос Нубар-паша. В Германии он заверял, что реформы пойдут на пользу Турции. Деятельность энергичного христианского населения в северо-восточной части Анатолии представлялась залогом процветания местных вилайетов. Успех преобразований рассматривался стимулом для ввода преобразований Турцией в оставшейся части страны. Сочувственное отношение к чаяниям армянского народа от имени России проявил председатель Совета министров Коковцев. В Берлине проявлена заинтересованность пойти на мировую, поскольку Сазонов заверил об отсутствии желания у России присоединять армянские области, а армянская сторона отвергла предположения о стремлении отделиться от Турции и принять протекторат Петербурга³³. Достижению соглашения между обеими странами содействовали армянские деятели. 18 ноября в Париже на конференции комитетов друзей армянского народа Погос Нубар-паша заявил, что армянский вопрос «не только армянский, но и европейский», в решении которого должны были проявить внимание ведущие державы. Внесено предложение устроить исполнительную власть в реформируемых вилайетах по европейским канонам, а контроль держав за ходом преобразований осуществлять непосредственно на месте³⁴.

26 января (8 февраля) 1914 г. состоялось русско-турецкое сог-

лашение об армянских реформах. Намечалось создание двух секторов в Восточной Анатолии: А — Эрзерум, Трапизонд, Сивас и В — Ван, Битлис, Диарбекир. Сектора возглавлялись генеральными инспекторами, контролирующими правосудие, полицию, жандармерию, рассматривающими земельные споры и увольняющими служащих. Отряды гамидие заменялись резервным ополчением. Предусматривался равный выбор депутатов в общие собрания вилайетов Вана, Битлиса и Эрзерума, а в оставшихся — пропорционально численности армянского и мусульманского населения. Достигнутое соглашение уступало позитивным основам проекта Мандельштама: территории с армянским населением не составляли компактного целого, сектора включали части с чисто мусульманским населением, общие собрания вилайетов имели ограниченные права. Несмотря на суженность, однако, соглашение имело прогрессивный характер: генеральные инспектора должны были быть иностранцами, прохождение военной службы намечалось в родных местах, отряды гамидие утрачивали свое значение из-за лишения права ношения оружия, предусматривалось выделять суммы на просвещение из бюджета вилайетов в соответствии с пропорциональностью платимых налогов, фиксировалось равное представительство мусульман и христиан на должностях в полиции и жандармерии, санкционировалось использование местных языков. Важнейшим фактором являлась ответственность Турции перед Россией в процессе осуществления реформ, означающее определенное воссоздание 16 статьи Сан-Стефано³⁵, позволяющее надеяться турецким армянам на приобретение основ самоуправления. Дипломатический успех России получил высокую оценку верховного католикоса. В письме к Сазонову от 16 апреля 1914 г. выражена искренняя благодарность России за заступничество в пользу турецких армян: «армянский народ вновь призывается на историческую арену, как единственный элемент, способный проводить в Азиатской Турции начала европейской духовной и материальной культуры»³⁶.

Русские деятели и пресса

Тяжелое положение армян Османской Турции обусловило внимание русской общественности, стремящейся получить достоверную информацию с места событий. Обострение армянского вопроса усилило интерес лидера либеральной партии «октябристов» Ал. Ив. Гучкова, председателя Государственной Думы (1910—1911), к восточной политике России. Еще в 1895 г. он предпринял объезд ряда вилайетов Османской Турции в период разгула кровавого режима Абдул Гаида для ознакомления с положением армянского населения. Историческое воспитание, участие

в политической жизни России стимулировали внимание к проблемам Ближнего Востока. В частном письме 1908 г. Гучков, описывая пребывание в Стамбуле, отмечал свой интерес лишь к политическим перипетиям: «Вчера пробыл весь день в парламенте... Никак не могу вырваться из заколдованного круга политических интересов»¹. Назревавшая балканская война побудила Гучкова в начале 1912 г. посетить Константинополь, где он имел встречи с известным армянским деятелем Григором Зограбом, адвокатом и депутатом турецкого парламента. Громкую известность принесло участие в расследовании Аданских событий, заставившее молодого участника считаться с приобретенной им популярностью. Зограбом были начаты переговоры с русским послом Чарыковым в Константинополе об оказании Россией содействия армянским реформам в Турции.

С этой же целью состоялись две встречи с Гучковым. В ходе первой выявилась настороженность лидера октябристов к чаяниям армян, характеризовавшего устремления русских армян аргументом Абдул Гаида «бейлик» (власть)². Сказывалось воздействие известного выступления черносотенца В. М. Пуришкевича в Государственной Думе о сепаратизме армян, вызвавшего бурю возмущения армянского населения Российской державы³. Зограбу понадобилось известное «красноречие», чтобы рассеять у Гучкова сомнения вокруг представлений русских и турецких армян. «Главная наша опора в Армянском вопросе — Россия, по праву соседства и по степени заинтересованности. России, — считал депутат, — необходимо обеспечить свое влияние в прилегающих к ее пределам турецких областях; ей нужно даже утвердиться там, как на важном этапе при ее поступательном движении к открытому южному морю. На этом пути ее единственные друзья, наиболее надежный оплот — армяне... Россия со своей стороны должна им обеспечить возможность мирного культурного, национального развития»⁴. Сведения о жизни русскоподанных армян были получены от доктора Завриева, а знатоком условий быта турецких армян являлся сам Зограб. Итог встречи был расценен обоюдно как расширение круга взаимопонимания русских и армянских политических деятелей⁵. Свои впечатления о балканском кризисе, в том числе и армянском вопросе, Гучков представил внешнеполитическому ведомству. В начале марта 1912 г. произошла сенсационная отставка посла Чарыкова за «туркофильскую» политику, содействовавшую уменьшению влияния России на Босфоре⁶.

Весомым политическим деятелем являлся П. Н. Милоков, руководитель конституционно-демократической либеральной партии. Как знаток христианского Востока Турции, он учитывал совпадение интересов армянского народа и Российской державы. В редак-

тирусмой им столичной г. «Речь», игравшей заметную роль в общественной жизни России⁷, всемерно развенчивался миф о сепаратизме армян⁸. Осенью 1912 г. начались принципиальные выступления Милюкова в защиту армянского населения Османской Турции. Учитывалась близость значительной части армянской интеллигенции как Аджемов, Пападжанов и Хатисов взглядам конституционных демократов. Проявлялось понимание державных интересов России. «Из всех кавказских народностей армяне, несмотря на жестокие обиды, нанесенные старой русской администрацией их национальному сознанию, остались наиболее верны России. Они участвовали активно во всех русских войнах с Турцией». Пребывая длительное время в Болгарии, Милюков имел возможность получить представление о темных сторонах турецкого режима. «В противоположность европейским христианам Турции, турецкие армяне жили далеко от глаз Европы, и их положение было сравнительно малоизвестно. А между тем в течение сорока лет турки и в особенности курды, среди которых они жили,— дикая народность, жившая в примитивном быту, подобно албанцам в Европе,— систематически громили их, как бы проводя принцип, что «решение армянского вопроса, состоит в поголовном истреблении армян»⁹. 12 декабря 1912 г. Милюков затронул злободневность армянского вопроса в Государственной Думе: «положение армян в Ванском санжаке и в соседних местностях, сплошь или в большинстве населенных армянами, нам безразлично быть не может. Местности эти важны и экономически, как рынок сбыта, и стратегически». Сделан призыв восстановить истоки традиционной политики: «Уже в Сан-Стефанском договоре мы не только выговорили себе известное влияние в этой местности, но даже граница наша проходила значительно западнее той, которая была установлена на Берлинском конгрессе, захватывая верховья Ефрата»¹⁰.

Выступление лидера кадетов позволило члену партии, видному публицисту А. К. Дживелегову¹¹, опубликовать в либеральной г. «Русские ведомости» прогностическую статью «Армянской вопрос в Турции». Балканский кризис показывался следствием близорукостью политики младотурок, разрывающихся между необходимостью создания федералистических структур и защитой националистических установок, поскольку доминирующая нация составляла всего лишь 25%. Сделан прогноз об обострении борьбы внутри Османской Турции между турками и арабами после потери Триполи и Балканского полуострова. В предстоящей кровавой драме греки Малой Азии и армяне рассматривались осужденными на уничтожение. Признавалась ответственность Европы за тяжелое положение армян в Турции: «Право на жизнь имеют всякие на-

циональные организации, и даже лицемерие европейской дипломатии никогда не доходило до отрицания этого права. Европейская дипломатия слишком поторопилась сдать в архив армянский вопрос». Путь спасения армян виделся в установлении «коллективного протектората» европейских держав над пятью армянскими вилайетами (Ван, Битлис, Диарбекир, Эрзерум, Адана и часть Ангоры), призванного содействовать проведению реформ христианскому генерал-губернатору¹².

Выступление Милюкова в Государственной Думе получило большой резонанс. «Кавказское Армянское издательское общество» пригласило главу кадетов в Тифлис для прочтения двух лекций о восточном и армянском вопросах¹³. 31 января 1913 г. г. «Речь» поместила обзорную статью о положении дел в Турецкой Армении. Распространение слухов о реформах представлялось detonатором обострения национальной вражды со стороны мусульман (турки, курды, черкесы) к армянскому населению. Сообщалось о «сгущении туч» в армянских местностях, создании отрядов погромщиков для расправы в праздник курбан-байрам, отмененного приказом свыше. Тем не менее приводилось высказывание высокопоставленного опального сановника Неждид-паши о сложности ситуации в Турции: «И резня будет и все будет». Пристальное внимание уделено армянской самообороне: героизму 250 фидаинов в монастыре св. Григория на горе Сенух и готовности масс дать вооруженный отпор в Каракилисе. Явные признаки подготовки к резне отмечались в Баберде, где бездействовала полиция и администрация, а армянское население запросило вооруженный отряд из Эрзерума для защиты. Возможность вступления русских войск в армянские вилайеты представлялась беспокоящей правящий режим во главе с Энвер-пашой, из-за отсутствия в них достаточных турецких сил¹⁴.

Внимание русской прессы привлекла тема самоуправления Турецкой Армении, поднятая в армянских изданиях. Газета «Оризон», поместившая статью «Вопрос об автономии Армении», сложность вопроса усматривала в демографической ситуации. Численность населения Армянского плоскогорья определялась в 1525000 чел. Из них: армяне — 550000, курдов — 530000, турок — 400000, греков и айсоров — 25000. Армяне, по этим данным, составляли на этнородине 35% всех жителей. Их общее число в Турции приводилось в 1,5 млн.: Армянское плоскогорье — 550000, Малая Азия и Сирия — 800000, Константинополь и Балканский полуостров — 200000. Сведения приводились на основе трудов Х. Ф. Б. Линча, Адо и Кинга, имевших лишь общий ознакомительный характер из-за отсутствия точной турецкой статистики¹⁵. Тема получила развитие в г. «Русская Молва», поместившей в начале мая редакторскую

статью «Россия и армянский вопрос». В ней отвергалась мысль о предоставлении автономии Турецкой Армении из-за отсутствия значительного большинства у армянского населения. Присоединение Западной Армении к России, как следствие желания армян, признавалось несоответствующим раскладу видов великих держав на Малую Азию. Будущее Западной Армении ставилось в зависимость от борьбы ведущих стран за рынки Азиатской Турции. Стратегический интерес России усматривался в обладании сферой влияния над армянскими вилайетами, а Германии — в Киликии. Кризис младотурецкого режима сочтен закономерным катализатором симпатий армян к России. Ей предлагалось обеспечить безопасность жизни и имущества армянского населения введением в состав местной администрации русских чиновников и поручением надзора за жандармерией русским офицерам. Рационализм и минимум державных осложнений являлись лейтмотивом публикации¹⁶.

Политический аспект самоуправления в конце мая поднял орган правого лагеря г. «Русское Знамя». Претензия на армянскую автономию отвергалась в виде недопущения «создания особой армянской Албании рядом с нашей кавказской границей». Осуждалась деятельность кавказской администрации во главе с Воронцовым-Дашковым, побуждавшая якобы западных армян к организации выступлений против турецких властей, как политическая близорукость: «для нас в настоящее время, да и в будущем решительно нет оснований допускать ножар рядом с нашим складом взрывчатых веществ». Другой причиной негативности позиции являлась полемика с официозом правительства г. «Новое время», высказывавшейся в защиту России прав турецких армян. В геополитических видах предлагалось к решению армянского вопроса не подпускать Англию и Германию, сохранять существующее статус-кво в Малой Азии. Конечный вывод о положении армян в Турции был безрадостен: «Нельзя сомневаться ни на минуту, что все разговоры о насилиях над армянами со стороны турок или совершенно вымышленны или раздуты невероятно». Отпечаток на тон публикации отложила легенда голицынского режима о стремлении армян к созданию «Великой Армении» за счет армянских земель Кавказа и Малой Азии. Воспоминания о революционной деятельности армян в ходе борьбы за возвращение церковного имущества, армяно-татарского столкновения и акции против самодержавия явились также поводом для создания искаженного образа национальных чаяний армян: «Вполне естественно, что армянские комитеты очень хотели бы создать свое государство, покорить себе пол мира и стать в главе всех народов»¹⁷. Статья Кви-

са призывала спасать державные интересы от инородцев. Однообразие воззрений автора являлось аномалией для русской прессы.

Тревожным набатом положения дел в Западной Армении являлись публикации корреспондента г. «Биржевые Ведомости» Т. Ольгенина. Представитель рунора деловых кругов России в начале 1913 г. предпринял затяжное путешествие по армянским вилайетам Турции. 27 мая в зале «Артистического общества» Тифлиса состоялась публичная лекция Ольгенина «Исчезающая Армения», обобщившая опубликованные статьи и высказывания четырехмесячной одиссеи¹⁸. Лекция, по сообщению г. «Закавказская Речь», началась тезисом о критическом положении в армянских вилайетах: «что происходит в Турецкой Армении, иначе, как ее исчезновением — назвать нельзя, но это еще не значит, что она исчезла. Пока не поздно — нужно взяться за дело и спасти ее». Осуществление исторической миссии спасения возлагалось на привительство России. Обращалось внимание на курдский фактор, вносящий диссонирующую роль в жизнь армян Турции. По мнению лектора, армяне преобладали в двух-трех армянских вилайетах, составляя в других одну треть населения. Депопуляция признавалась катастрофическим бедствием: «Процесс уменьшения численности армянского населения принимает угрожающие размеры и если ему не положить конец, то Армения совершенно исчезнет!». Общая численность армянского населения определялась в 600—800 тыс. чел. Случаи расправ над армянским населением сочтены несколько преувеличенными. По сообщению Ольгенина, в 1912 г. в Диарбекирском вилайете число убитых и раненых армян составило 16 мужчин и одна женщина, тогда как в Елисаветпольской и Ереванской губерниях число таких происшествий превышало в «десять» раз.

Отношение младотурецкого режима к армянскому населению охарактеризовано проявлением белого геноцида: «Вся политика турецкого правительства ведет к тому, чтобы жизнь армян сделать невыносимой и тем самым ослабить их экономически и физически и, надо отдать справедливость, туркам удалось в этом направлении очень многое!». Представлены факты захвата армянских земель курдами, возвышение фискального гнета с $\frac{1}{3}$ либо $\frac{1}{4}$ урожая до половины либо двух третей. В большинстве вилайетов армяне лишились 90% земли, перешедшей в распоряжение турецкого правительства и курдов, «а в одном, пограничном с Россией, округе, Эрзерумском вилайете, благодаря этой системе, нет ни одного армянина-землевладельца». Доступность банковских ссуд для улучшения экономического положения армян признавалась лишь теоретической. Судебная система учитывала интересы только мусульман. Создавшиеся условия меняли этнокультурный ландшафт

Западной Армении: «Эмиграция принимает настолько широкие размеры, что через лет десять говорить о турецких армянах и не придется, ибо их будет там слишком незначительное число»¹⁹.

Сообщение о лекции Ольгенина г. «Закавказье» сосредоточила преимущественно на прогностических рекомендациях. Предлагалось России принять активное участие в создании самоуправления армянского населения: «После балканской войны Турция проснулась в смысле крайнего шовинизма, опасного для России. Армянский вопрос тесно связан с интересами России, и, собственно говоря, нет армянского вопроса — есть вопрос исключительно русский»²⁰. Реформы предлагалось проводить исключительно под наблюдением России, чтобы не допустить их обесхолощивания со стороны турецкой администрации. Наличия каких-либо революционных эксцессов армян в России не предвиделось в силу традиционной ориентации и «привязанности». Миссию России должны были воплощать русские советники и служащие. Политические и экономические интересы Англии и Франции в Малой Азии, на взгляд Ольгенина, диктовали им собственные подходы к армянскому вопросу. Россия же во имя геополитики должна была в будущем присоединить Турецкую Армению с Курдистаном. Курды рассматривались «осадком народных движений, давно закончивших свою миссию», с которыми приходилось считаться. На данном этапе предлагалось ограничиться созданием протектората: «Для России имеет громадное значение, чтобы между ней и Турцией была создана автономная провинция Армения, даже вместе с Курдистаном, хотя-бы с каким-нибудь курдским князем во главе!»²¹. Затронутым оказался вопрос взаимоотношений армянских партий, положительно относящихся к России; столкновение руководства которых между собой ослабляло их роль в борьбе против турецкого правительства за национальные права²².

Уточнению акцентов текущей политики России посвятил речь Миллюков 6 июня в Государственной Думе. Окончание первой балканской войны рассматривалось переворотом в содержании восточного вопроса, требующим внесения корректив в политические установки. Армянский вопрос представлялся актуальнейшей проблемой, «ибо в противном случае им займется Германия». Обращено внимание на ответственность России в проведении реформ в Турецкой Армении по Сан-Стефано и Берлинскому конгрессу. Совместная деятельность с Англией в этой сфере показана малоэффективной из-за боязни «армянской революции». Лояльность армянского населения на Кавказе к России, указывалась лидером кадетом, отмечалась неоднократно русскими государями. Деятельность партии «Дашнакцутюн» рассматривалась опасной лишь для дореформенной Турции. Текущий момент для осуществления ре-

форм признавался очень благоприятным: «Все армяне тяготеют к России, и это положение чрезвычайно благоприятно для нашего непосредственного вмешательства в армянский вопрос»²³. За основу преобразований предлагалось взять рекомендации румельской комиссии 1879 г. и султанский закон о вилайетах 1880 г. В тот же день выступил депутат Пападжанов, представитель «Армянского кружка» Петербурга, развивший ряд положений Миллюкова. В речи указывалось на наличие в императорском титуле наименования «государь Армянской области», христианских взаимосвязей между армянами и русскими, отсутствие армянского вопроса внутри державы и необходимости России стать гарантом преобразований в Турецкой Армении²⁴. Выступление Миллюкова-Пападжанова являлось собой ответ г. «Русское Знамя», последовательную защиту державных интересов России и выражение принципиальной позиции в армянском вопросе. Высказанная точка зрения получила поддержку официоза окраины г. «Кавказ», номестившей благодарственный адрес армян г. Вана вице-консулу И. П. Олферьеву по случаю отъезда на родину²⁵.

Завершение второй балканской войны позволило Ольгенину в начале сентября выступить с аналитической статьей «Россия, Европа и Армяне» в г. «Биржевые Веромости». Обосновывалась мысль о серьезном воздействии на текущую политику России двух факторов: публикации всеподданнейшего отчета наместника Кавказа, положительно оценивающего деятельность «Дашнакцутюн», и избрание в августе нового константинопольского патриарха Завена Тер-Егияна²⁶. Новым аспектом армянского вопроса признавалось появление в германской печати статей о положении армян в Малой Азии, проповедующих необходимость учета их культурного и экономического влияния в регионе. Развитие событий представлено требующим внимания России: «Вот это-то неожиданное и несколько подозрительное со стороны немцев пробуждение интереса к армянским делам заставляет предполагать, что вслед за окончательной и близкой уже ликвидацией балканских недоразумений армянский вопрос будет действительно поставлен Россией на очередь». Русский читатель ознакомился с историей инициативы России по осуществлению реформ в Турецкой Армении. Проект Мандельштама, на основе меморандума 29 апреля 1895 г., представлен основой для возникновения двух тенденций в ходе совещания первых драгоманов европейских посольств. Первая заключалась в осуществлении преобразований во всей Турции, а вторая — лишь в армянских вилайетах.

Одним противостоянием Германии объяснено торпедирование русского проекта. Корень русско-германского противостояния,

на взгляд Ольгенина, выразила статья австрийского генерала Герстнера в г. «Цайт». В ней генерал, вопреки здравому смыслу, обвинял Россию в гегемонистических установках в районе Средиземного моря и ущемлении естественных интересов Германии: «Всего 800 верст,— отмечал Герстнер,— отделяет сейчас русскую границу от той гавани Средиземного моря, которая была бы лучшим выходом России к теплему морю, к коему она исторически стремится. Это гавань — Александрета! Но Александрета в настоящее время станция германской железной дороги, это сфера экономического, политического и колонизационного интереса Германии и немецкая пристань — это будущий «Гамбург» Средиземного моря!»²⁷.

Политические страсти вокруг Киликии касались судьбы значительного количества армян. По сведению турецкого правительства, там проживало 100000 армян, константинопольского патриархата — 411062, а по результату путешествия студента петербургского технологического института М. Цициняна—388000. Самым плодородным вилайетом признавался Сис, площадью в 8200 кв. км²⁸. Сумев показать наличие столкновения интересов Германии и России, Ольгенин также удачно подошел к обещаниям германской печати, в частности «Возише Цейтунг», содействовать развитию армянской науки, искусству, промышленности и торговли. Все эти обещания показаны пустоцветом во имя сиюминутных целей: «Можно ли говорить об этом серьезно с людьми, вся жизнь которых выходит в кошмаре безправия, насилия и смерти! Ведь это все равно, что подать умирающему от голода человеку вместо куска хлеба — букет цветов». Выдвинута проблема путей развития армянского вопроса в случае окончательного провала русской инициативы, поскольку Турция не хотела и не могла дать улучшений, а Россия и Германия могли оказаться в патовой ситуации. «Неужели примириться со своим постепенным национальным исчезновением,— писал Ольгенин о судьбе турецких армян,— споконечно ждать конца процесса медленного вымирания или, наоборот, ускорить этот конец во взрыве героического, но безнадежно го восстания?». Разрешение жизненного вопроса существования армян связывалось с покровительственной миссией России и самоорганизаторской деятельностью армян: «На Россию надейтесь, но работайте сами!».

Выражался оптимизм в благое будущее армян: «Исчезающая Армения»—дал я заглавие тем письмам, из которых, как их горных четок, взял я ожерелье армянских сграданий. Но ведь «исчезающая» не значит «исчезнувшая». Мотивацию своей публикации Ольгенин видел в соединении усилий русского правительства, ответственности и армянского народа в осуществлении сдвига в воп-

росе преобразования для Турецкой Армении: «цель моих теперешних статей — доказать и русскому общественному мнению, что так называемый «армянский вопрос», благодаря общеевропейской обстановке, вступил сейчас в тот фазис своего существования, который требует не только самого неусыпного к себе внимания русского народа и русского правительства, но еще более активной, энергичной и вдохновенной работы самих армян»²⁹.

Сходную позицию занял Аргус статьей «Армянский вопрос и Германия» в г. «Новое Время», переданной из Лондона 9 (22) сентября. Проявив озабоченность вниманием Германии к армянам и грекам, автор провел историческую параллель с ее политикой к бурам в Южной Африке, Марокко и Турции. Активизация Германии, по мнению автора, быстро повлияла на изменение прохладного отношения Парижа и Лондона к теме армянских реформ, создавая благоприятный фон для их воплощения. Другим положительным фактором сочтен прагматизм армянских деятелей. «Меня всегда поражала,— указывал Аргус,— непрактичность в политике этих удивительно ловких и умелых во всем другом дельцов». Революционный радикализм прошедшего представлялся уступившим место трезвой оценке возможностей нации, состоящему в достижении возможно из предложенных великих держав. Заострялось внимание на демографической статистике. Население Азиатской Турции определялось в 17 млн.: 12 млн. мусульман и 5 млн. христиан. В мусульманском населении численность турок исчислялась в 4—5 млн., а оставшуюся часть составляли арабы, сирийцы и курды. Количество армянского народа определялось приблизительно из-за неточностей турецкой статистики. Аргус, преувеличивая данные, приводил общую численность армян Турции в 3 млн. Из них в Константинополе и Турецкой Фракии проживало 200000, азиатской части страны — 800000, «древней» Армении (Эрзерум, Мамурес-Азис, Битлис, Ван, Диарбекир) — ок. 2 млн.³⁰. Сведения о населении «древней» Армении не учитывали итогов истребительной политики османов.

Призыв русских деятелей к самоорганизации армян не был гласом, вопиющим в пустыне. В этой связи представляет интерес частное письмо корреспондента Р. Ивановича, командированного в Турецкую Армению для информирования бакинских изданий, от 16 сентября 1913 г. из Вана: «Источник бодрости — неожиданное открытие, что армяне здесь отнюдь не так угнетены, как я склонен был думать издали. Вместо безсловесных тварей, покорно склоняющих шею под ярмо, я нашел здесь крепких и сильных людей, твердо решивших добиться права на человеческое существование. Культ оружия стал, по видимому, всеобщим; идея самообороны, идея борьбы за права проникла, кажется в наиболее

робкие сердца; ружье, револьвер и патронташ стали предметом такого же вождения, каким были до сих пор буйволы или волы»³¹. В дипломатическом плане важным для привлечения внимания международной общественности к проблеме реформ явилась ноябрьская конференция в Париже комитетов друзей армянского народа, где представителем русского являлся Милюков. Под председательством Погоса Пубар-паша осуществлено рассмотрение предшествовавших проектов реорганизации управления Турецкой Армении и одобрен компромиссный план реформ для шести вилайетов без отрезков, населенных преимущественно мусульманским элементом³².

Тема армянских преобразований послужила основой для сведения счетов во внутриполитической жизни России. Содержание нашумевшего всеподданнейшего отчета наместника Кавказа оказалось затронутым в статье «Автономная Армения» анонимного автора («Местный») в г. «Земщина» от 13 октября. Оспаривалось утверждение Воронцова-Дашкова, что армяне «искренние друзья» России. Критике подвергся тезис правителя окраины об искусственности процесса «Дашнакдзютюн», создавшего излишнюю напряженность и задевшие национальные чувства армян. Обращалось внимание на завершение в 20-х числах сентября порайонного съезда закавказских организаций дашнакцаканов и представителей либералов — «мшакистов», призвавших оказать содействие русскому правительству в реформировании Турецкой Армении. Ставя под сомнение принятый курс, аноним указывал на якобы «крайнее сочувствие» младотурок к идее автономной Армении. Радикальность замысла «автономной Армении» подчеркивалась сбором в трех закавказских губерниях 31600 руб. пожертвований, указанном в отчете порайонного съезда, как на невероятное явление: «цифра неслыханная для наших левых партий». Наводя тень на плетень, автор статьи запрашивал мнение кавказской администрации: «Интересно знать, известен ли наместнику Кавказа этот съезд и примет ли во внимание граф Воронцов-Дашков его резолюции?»³³. По сути дела ревизировалась политика гибкого державного деятеля, известного своим искренним служением самодержавию и делу России. В министерском кабинете С. Ю. Витте всегда находились портреты царя и Воронцова-Дашкова. «С молодых лет, — говорил Витте посетителям о портрете графа, — питаю к нему особую симпатию, а с годами еще более стал очарован его рыцарской натурой»³⁴. Если аноним не осмелился затронуть развенчанную наместником Кавказа легенду в рапорте царю, приписывающую армянскому народу идею создания армянского царства до Ростова или Воронежа³⁵, то окольным путем ее коснулся редакционный комментарий г. «Земщина»³⁶.

С внешнеполитических позиций критику правительственного курса и позицию друзей Армении осуществил А. Тамарин в статье «Турция и Армения», помещенной в г. «Закавказская Речь» 11 декабря 1913 г. Опубликованные газетой выдержки из корреспонденций Милюкова о Парижской конференции подверглись скептическому восприятию: «Послушать Милюкова — значит почти поверить, что турецкие армяне спят и во сне видят, что настает то благословенное время, когда оттоманские армяне посылают проклятие османлисам и скажут России: «Приходите и владейте нами»³⁷. Недостаточно дальновидным представлялись усилия русской дипломатии в защиту турецких армян. Мнение подкреплено выдержкой из г. «Тасфир-и-Эфсар» (орган младотурок), сообщавшей о встревоженности России миссией генерала Лимана фон Сандерса и поместившей обращение ряда азиатских армян. В нем заявлялось голословно о намерении России заполучить Восточную Анатолию в свое обладание: «Никогда, — указывали обращенцы, — мы не согласимся сделаться подданными России. Мы предпочтем оставить все наше имущество и эмигрировать в другие азиатские провинции. В течение шестисот лет турки и армяне жили в этих провинциях, как братья, и мы никогда не согласимся на наше отделение от Турции». Заверение в лояльности конституционному правительству в Стамбуле, стремящемуся якобы провести преобразования в «наших вилайетах», перемешивалось с утверждением о лучшей участи армян после режима Абдул Гамида³⁸.

Тамарин стремился к сенсационности, но не к пониманию явления, что в Турции имелась прослойка финансово служилого слоя армян, заинтересованных в сохранении своих привилегий. Кровные интересы диктовали стремление отмежеваться от доминирующей массы турецких армян, связывающих свое освобождение с Россией. Инцидент с бригадным генералом Сандерсом имел международную подоплеку. Осенью кайзер Вильгельм II решил его как главу германской миссии назначить на должность генерального инструктора турецких войск, взамен фон-дер-Гольц-паша, с руководством вторым турецким корпусом в Константинополе. Ставилась двоякая цель: сохранение германского влияния над турецкой армией и установление контроля над проливами. Затягивание конфликта привело к разногласиям в высшем руководстве России вокруг содержания восточной политики. 14 января 1914 г. состоялось совещание Совста министров о возможности занятия проливов, Трапезунда и Баязета. Возобладало понимание сдержанности для предотвращения «мирового пожара»³⁹. Непосредственный инцидент улажен назначением Сандерса генеральным инструктором с правом инспектирования турецких частей.

Заключение январского русско-турецкого соглашения о реформах в Западной Армении получило освещение в г. «Русское Слово». В аналитической статье «Реформы в Армении» обращалось внимание на суженность характера преобразований: «Новый проект реформ не устанавливает настоящей автономии Армении. Прежде всего вилайеты, населенные армянами, не будут объединены в одну провинцию, а Армения по-прежнему останется лишь географическим термином». Подчеркивалась неясность взаимоотношений генеральных инспекторов из европейцев с турецким правительством, т. е. являются ли они «постоянным оком» Европы либо будут проводником политики турок. Местное самоуправление сочтено не достаточно обширным. Общая оценка проекта клонилась к представлению армянскому населению «культурной автономии». Прогноз развития событий был довольно пессимистическим: «В конечном счете, ценность новой победы русской дипломатии определится именно тем, что будет достигнуто на деле, а не только подписанным в Константинополе. Все еще впереди»¹⁰. Содержательный анализ ситуации дал Милюков в московской лекции «Армяне в Турции и политика великих держав». На его взгляд, раньше ведущие страны проводили политику медленного экономического завоевания Малой Азии. Изменение европейской обстановки после балканских войн выдвинуло задачу ее раздела на сферы влияния. Соглашение 24 января характеризовалось положительным сдвигом в армянском вопросе, окончательное разрешение которого зависело от международного положения России¹¹. «Закавказская Речь» приветствовала проект как стимул в развитии «национального сознания» армян¹².

Большая политика Реализация русско-турецкого январского соглашения, могущего осложнить взаимоотношения армян и турок¹, стало злободневностью текущей политики. 23 февраля 1914 г. состоялась встреча уполномоченной партии «Дашнакцутюн» доктора Завриева с министром иностранных дел Сазоновым. Рефреном явилось понимание сложности воплощения достигнутой договоренности. «Реформы, — заявил Сазонов, — это первый шаг на пути к улучшению положения армян, дальнейшее же зависит как от русского правительства, так и от самих армян»². Доверие России к дальновидности армянских деятелей выразилось в поручении Погосу Нубар-паше представить четырех кандидатов на должности генеральных инспекторов армянских секторов Турции. Намеченные кандидаты оказались не совсем подходящими. Из двух бельгийских представителей один оказался майором, вручение которому власти над турецким губернатором представлялось несоответствующим восточному мышле-

нию, а другой сам отказался. Предусматривались также два голландца, фигуры которых рассматривались предпочтительными из напряженности взаимоотношений Голландии и Германии. Министром выражено желание о принятии армянскими деятелями усилий для экономического и культурного развития Турецкой Армении. Почином представлялось основание банковских учреждений под руководством русскоподданных армян, привлечение Русско-Азиатского банка, имевшего отделения в Константинополе, Смирне и Салониках, открытие эмиссионного и земельного банков для сохранения землевладельцев. Перспективным направлением экономического развития признавалось строительство железных дорог, рассматриваемых как дело не столь отдаленного времени. Министром высказано пожелание иметь двух генеральных инспекторов из Бельгии и Голландии как представителей нейтральных стран³.

Россия и армянские деятели искали противодействия политике турецких властей по вытеснению армянского населения. Младотурки создали Земельный банк, скушавший по возвышенной цене земли у армян с последующим предоставлением мухалжирам⁴. Политика генеральных инспекторов к происходящему представлялась важной. Этим вопросом занималось и французское правительство, высказавшееся за избрание инспекторов из норвежцев. Отсутствие информации о кандидатах и необходимость сбора дополнительных сведений побудили Сазонова обратиться с просьбой к французскому правительству повременить с подбором конкретных лиц⁵. Битлисские кровавые события, вызванные нападением курдов на армянское население, побудили Завриева еще раз запросить мнение Сазонова о текущем моменте. В ходе встречи 28 марта Сазонов расценил происшедшее как эксцесс, случайно вышедший из-под контроля турецкой администрации. Завершено о принятии всевозможных средств к их предотвращению: «Отдельные вспышки на местах мы предупредить не можем и армяне потому могут несколько пострадать, но разрастись событию мы безусловно не позволим и имеем на это возможность. Эту нашу политику мы будем продолжать и впредь»⁶. Отмечена желательность встреч армянских деятелей с великим везиром, министром внутренних дел и другими турецкими сановниками для облегчения процесса преобразования. Разрешено сослаться на мнение Сазонова об отсутствии у России завоевательных намерений: «Убеждайте их, что Россия не имеет намерения аннексировать Турецкую Армению или образовать буферное государство или автономную провинцию, чтоб армян не угнетали»⁷. Подход главы внешнеполитического ведомства, определяемый как проявление «реальной политики», был санкционирован государем. Важной новостью явилось сооб-

щение о согласии Турции назначить бельгийского военного губернатора г. Эльжеа Де Гиса в сектор А (Трапезунд, Эрзерум и Сивас) и норвежского майора Гоффа в сектор Б (Ван, Битлис и Диарбекир)⁸. В начале апреля Блистательная порта выбрала из пяти кандидатов на посты генеральных инспекторов, представленных Россией, голландца Вестененко, взамен отказавшегося Де Гиса, и норвежца Гоффа⁹.

Формально содействуя реформам, младотурки по сути занялись ее выхолащиванием. На должности аппарата управления Гоффа получили назначение чиновники, известные преданностью правящему режиму. Должности инспекторов по судебной и сельскохозяйственным частям заняли два «доверенных» армянина. Заведующим канцелярией и инспектором по гражданской части стали ультра националисты, причем первый одновременно состоял директором бюро по распределению мухаджиров. В июне представители Национального собрания Бастермаджян и Врамян посетили великого везира, Халил-бея и Талаат-пашу. Председатель турецкого парламента Халил-бей сообщил о решении младотурецкого руководства проводить реформы «сообразно своему пониманию». Жалоба на отсутствие равенства в национальном представительстве в аппарате Гоффа получила холодную отповедь: «Мы не так понимаем принцип равенства, как армяне желают это толковать. Это означает лишь вообще равенство всех оттоманов». Выявились стремление турок иметь служащих исполнителей, но не мыслителей. На предложение Врамяна назначить Бастермаджяна одним из помощников Гоффа последовал отказ: «Он очень умен. Мы не хотим иметь таких чиновников». Не менее обескураживающий прием Бастермаджяну оказал Талаат-паша: «На что вы жалуетесь? Вы хотели получить реформу при помощи Европы. Вот вам и реформа»¹⁰. Знакомство армянских деятелей с генеральными инспекторами, подчеркивающими зависимость от турецкого правительства, не вызвало воодушевления. Блеклую им характеристику дал Завриев: «Это лица не первого сорта, не орлы. Впрочем — будем терпеливо ожидать»¹¹. Разочарование имело основание. Вестененко, после подписания контракта в мае в Константинополе, доверительно в частной беседе заявил: «армяне не должны негодовать если, для выгоды самих же армян, мне придется иногда применять меры против армян. Это придется мне делать, имея в виду настроения Порты»¹².

Обскурантизм младотурок реформам резко усилился после объявления войны Германией России 19 июля 1914 г. В изданном на следующий день манифесте царь Николай II определил задачи России: покарать Германию за нарушение «добраго соседства» и

сохранить целостность страны среди великих держав¹³. В течение трех дней в военное противостояние с Берлином вступили Франция и Англия. Началась первая мировая война. Важное значение для России имела безопасность южных границ. 27 июля великий везир заверил посла Гирса о сохранении Турцией «полного нейтралитета». Подспудно начала вестись подготовка к военным действиям. Через пролив Дарданеллы прошли крейсера «Гебен» и «Бреслау», номинально закупленные у Германии. Вначале Гирс считал, что это не скажется на «дружеских взаимоотношениях» обеих стран¹⁴, но уже 30 июля забил тревогу. Внешнеполитическому ведомству доложено: «Приход «Гебена» и «Бреслау» изменяет положение здесь не в нашу пользу. С военной точки зрения, он значительно усиливает боевую готовность Турции, а с политической — несомненно имеет самые серьезные последствия, сильно поднимая дух турок, и может побудить их пойти на самые безразумные выступления»¹⁵.

Камуфляж политических целей младотурок сошелся с определением отношения к странам Тройственного союза и Антанты. 2 августа Германия и Турция подписали союзный договор, направленный против России. На другой день к нему присоединилась Австрия, а Турция публично подтвердила нейтралитет¹⁶. 6 августа министр финансов Джавед-бей заверил Гирса с возможности достижения соглашения с Антантой в обмен на признание полной экономической независимости Турции и отмены капитуляций, предоставлявших льготы иностранным странам. Военный министр Эвер-паша предложил военному агенту Петербурга в Константинополе заключить военный союз между Россией и Турцией, призванный предотвратить выступления мусульман на Кавказе и армян в Турецкой Армении. Обещалось предоставить в распоряжение России 150—200 тыс. армией, с правом целевого использования. Между тем 6 августа состоялось подписание дополнительного соглашения между Германией и Турцией. Берлин обещал, признать отмену капитуляций, «исправить» границы на Балканах при согласии Болгарии, и на Кавказе в пользу Турции¹⁷. Султан и военный министр отдали распоряжение о подготовке мобилизационных предписаний. В страну стали прибывать германские военнопослужащие. Лишь в Эрзерум явилось 15 немецких офицеров для сооружения фортификаций. 27 августа Блистательная Порта вручила ноту послу Гирсу об отмене с 1 октября режима капитуляций. Россия выразила возможность признаний этой акции в обмен на «безусловный нейтралитет» Турции. В середине сентября Турция осуществила общую мобилизацию и ввела военное положение. Из Германии поступило золото для стимулирования младотурок начать войну против России¹⁸. 16 октября турецкий флот

обстрелял Новороссийск, Феодосию, Севастополь и Одессу¹⁹. Спустя четыре дня Россия объявила войну Турции. В царском манифесте происшедшее рассматривалось следствием политики Германии и Австрии, провозглашалась цель покарать дерзкого врага, прогнозировался ход событий. «Мы непременно верим, — говорилось в манифесте, — что пыншнее безразсудное вмешательство Турции в военные действия только ускороит роковой для нея ход событий и откроет России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря»²⁰.

Успешность наступательных операций Германии, занятость международной общественности собственными проблемами позволили младотуркам приступить к давно желаемой мечте — уничтожению армянского народа: «Нет нации — нет вопроса». Еще в 1910 г. в Салониках была принята конфиденциальная резолюция иттихада о создании этнически однородной турецкой державы путем ликвидации христианских народов²¹. Публично ее выразил Талаат: «В Турции может идти речь о равенстве перед законом только тогда, когда завершится тюркизация всех элементов населения»²². Попустительскую позицию занимала Германия. В феврале 1914 г. на заседании германо-турецкого комитета выступил Гольц-паша, бывший генеральный инспектор турецких сил, представивший доверенным дипломатическим и предпринимательским кругам Берлина соображения по решению армянского вопроса. Был выдвинут тезис об использовании Россией христианских народов на протяжении века для расчленения Оттоманской империи. Бикфордovým шнуром для подрыва власти младотурок Петербургом, после освобождения Балкан, характеризовалось положение армян. Предлагалось осуществить массовую депортацию армян со своей родины: «Необходимо для избавления Турции от новой беды раз навсегда удалить проживающих поблизости от русско-турецкой границы, в намстничествах — Ванском, Багешском и Эрзерумском, полмиллиона армян и переместить на юг, в сторону Алеппо и Междуречья»²³. Загодя было определено место интернирования — пустыня Тер-Зор. Естественно, что ни о каких гарантиях прав, чести и достоинства выселяемому населению не могло быть и речи. Реализация предложения означала бы физическую расправу над пионером христианской цивилизации.

Армянский фактор как для Турции, так и для Германии имел внутренний и внешний политический аспекты. Приходилось учитывать нахождение значительного армянского населения в составе Российской державы, что могло бы стать причиной международных осложнений в будущем. Задействован тактическое маневрирование. Для камуфлетации армян в глазах России, нейтрализации антитурецких настроений и завоевания определенных сим-

патий уполномоченные младотурок в августе 1914 г. представили руководству партии «Дашнакцутюн» в Эрзеруме предложения о возможных совместных действиях по следующим направлениям: подготовка антирусского восстания на Кавказе, единая политика за границей, вознаграждение армян автономией за счет Русской и Турецкой Армении²⁴. 15 августа уполномоченный Беаздин Шакир оповестил центральный комитет партии «Единение и прогресс» об отказе армян участвовать в боевых действиях против России: «Мы не можем в открытую сотрудничать с турками. В случае войны останемся нейтральными»²⁵. Спустя два дня Шакир-бею было поручено «успокоить» турецкоподданных «армянских соотечественников» уважением их позиции и гарантиями безопасности жизни в условиях войны²⁶. В Ване генерал-губернатор Касим-бей и другой посланец центрального комитета младотурок Наджи-бей убеждали местных армян создать этнические отряды для участия в войне против России. Упирая на политическое значение выступления армян, они соглашались на организацию чет в количестве нескольких сот с казенным довольствием. Наджи-бей рисовал миружи турецкой победы в Закавказье, образования там Армянской, Грузинской и Татарской автономных областей. Армянская область, якобы, планировалась за счет Русской Армении, Ванского и части Эрзерумского вилайетов. Расчет на перемену ориентации армянских масс и руководства оказался несостоятельным²⁷.

Заигрывание младотурок диктовалось нескрываемой заинтересованностью Германии в выступлении армян против России. Среди бюргерских кругов царили радужные надежды: «Как было бы хорошо, если бы армяне Кавказа восстали... армяне предприимчивый, деятельный, смелый народ. Если они восстанут, то 12 миллионов исламистов последуют примеру армян и накличат большую беду на голову России»²⁸. 15 октября 1914 г. заседание центрального комитета иттихадистов рассмотрело армянский вопрос. Министр внутренних дел Талаат заявил, что успех Германии в войне позволит ей в дальнейшем опереться внутри Турции на «деятельных армян». Армянский этнос был назван дестабилизирующим фактором для Турции в свете планов теперь уже возможной победительницы Германии, которая установила бы новый порядок в международных отношениях. Армяне как культуртрегерский народ представлялся необходимым элементом управления и господства тевтонов. Было предложено депортировать и уничтожить армян. Эксперт партии по национальным отношениям доктор Низам мотивировал эту точку зрения потребностью упразднения армянского барьера на пути подчинения Кавказа. «Необходимо полностью решить армянский вопрос уничтожением армян»²⁹. Внесенное предложение утверждено большинством голосов.

Единственный аргумент одного из присутствующих о лояльности армян правительству оставлен без внимания³⁰. Реализация постановления возлагалась на созданную «Особую организацию» (Тешкилят-и-махсусе), в деятельности которой приняли участие видные младотурки: генеральный председатель центрального комитета партии «Единенный и прогресс» Мидхат Шюкри-бей, члены ЦК Бехаэдин Шакир, Риза-бей, доктор Назым, председатель меджлиса Халил, руководитель общественной безопасности Азиз-бей, военный комендант Стамбула Джавад-бей, министр просвещения Шюкри-бей, делегат от Анкары Атиф-бей. «Особая организация» подчинялась министру внутренних дел Талаату. Ей были приданы специальные отряды, составленные из преступных элементов, выпущенных из тюрем, сотрудничавших на местах с жандармерией, вспомогательной полицией и добровольцами из мусульманского населения. Под названием «Тешкилят-и-махсусе» действовала еще одна секретная организация, осуществлявшая диверсионную работу в среде мусульман Кавказа против России. Руководил ею Сулейман Аскер-бей. Подчинялась она военному министерству³¹.

Надежды армянского народа получили отражение в обращении верховного католикоса от 5 августа 1914 г. в письме к наместнику Кавказа Воронцову-Дашкову, выразившем желание ускорить процесс реформ в Турции: создание Армянских областей из армянских провинций; назначение главой администрации христианина по усмотрению России; введение основ самоуправления как для христианского, так и для мусульманского населения; надзор над реформами предоставить лишь России. В условиях подготовки Турции к вступлению в первую мировую войну запрашивалось воздействие России на Турцию по защите жизни армянского населения³². 2 сентября Геворк V получил обнадеживающий ответ Воронцова-Дашкова, сообщившего реакцию премьер-министра Горемыкина и министра иностранных дел Сазонова: «Ныне статс-секретарь Горемыкин уведомил меня, что русским правительством ни в коем случае не будет сделано уступок на почве армянского вопроса, в смысле произведения в армянских областях Турции реформ по первоначальной русской программе и под исключительным контролем России»³³. Для поддержания правительства, в результате совещания у наместника Кавказа, было решено создать армянские дружины в качестве вспомогательной силы по четырем главным направлениям наступления Кавказской армии. Местный фронт традиционно играл соподчиненное значение для России в ходе одновременных боевых действий на европейском и турецком направлениях. После известия о нападении турецкого флота Сазонов заявил французскому послу М. Палеологу следующее: «Его величество решил не отвлекать ни одного человека с германского

фронта. Прежде всего нам нужно победить Германию. Поражение Германии неизбежно повлечет за собой гибель Турции. Итак, мы ограничимся меньшей завесой против нападений турецких армий и флота»³⁴. Россия планировала выставить на Кавказском фронте 800 тыс. солдат³⁵. В сентябре-октябре были созданы четыре армянские дружины: первая, возглавляемая народным героем Андриаником, состояла из 1200, вторая, под руководством Дро, насчитывала 382, третья во главе с хмбанетом Амазаспом, имела 430, четвертая, под командою Кери, из 470 чел.³⁶.

Вступление Турции в войну против России побудило царя в конце ноября предпринять ознакомительную поездку на Кавказ, позволившую армянским деятелям представить свое понимание решения армянского вопроса. Восьмого ноября верховный католикос сообщил правителю Кавказа, что «переживаемый исторический момент» требует обнародования императорского манифеста к турецким армянам о решении их судьбы в форме автономии: «армянскому народу в пределах, объединенных в одно организационное целое, шести вилайетов Турецкой Армении (Ванского, Эдзерумского, Битлисского, Сивасского, Диарбекирского и Харпутского) с нераздельной частью ее — Киликией будет дарована великой Россией автономия, чем завершится ее историческая миссия освобождения христианских народностей, веками томившихся под игом Турции»³⁷. Позиция Айрапета диктовалась умонастроениями в армянском обществе. Известный деятель Х. Вермишев поднял вопрос о созыве национального съезда для определения «плана действий» в связи с вступлением Турции в войну. Многим казалось, что «мечты о возрождении Армении близки к осуществлению»³⁸. Писатель и общественный деятель Гр. Чалхушян выступил с размышлениями в печати о насущных задачах национального развития. В статье «Историческая минута» говорилось: «Взойдет ли завтра яркое солнце и своей улыбкой обрадует ли нас или будет все ночь, ночь без конца? О, если бы было возможно разорвать эту завесу, которая застилает от нашего взора будущее! Поверить ли в ближайшее возрождение, или же нет? ...Наша родина — те шесть вилайетов, которые окрашены и омыты нашей кровью, они наши, наши!»³⁹.

Патриотизм и оптимизм армянских деятелей в решении армянского вопроса вызвал тревогу в рядах мусульманских наблюдателей. Официоз младотурок г. «Танин» поместила сообщение о якобы имевшем месте обращении наместника Кавказа к армянскому населению следовать примеру генералов Бебутова, Лазарева, Лорис-Меликова, содействовать победе русского оружия, добиться желанной свободы для турецких армян под скипетром царя России. «Танин» выражала надежду на лояльность турецких

армян, исходя из державных интересов: «Мы подозреваем, что обращение наместника Кавказа имеет целью повлиять на турецких армян, которые все же останутся преданными Турции, где они в течение пяти веков сохранили свою национальность, свободу совести, занимали высшие государственные посты». Представив в светлых тонах взаимоотношения армян и турок, газета затребовала выполнения обязанностей гражданина перед государством: «Мы не можем допустить, чтобы это обращение к армянам было направлено против верных оттоманских подданных. Во всяком случае, мы убеждены, что честь свободы и независимости постоянны для всех народностей»⁴⁰. Естественно, что умалчивалась участь, приготовленная младотурками для армянских подданных. Статья Чалхуциана была рассмотрена неким «Наибом» как призыв к восстанию турецких армян либо приглашение стран Тройственного соглашения воевать с Турцией. Давался совет: «Нет, во всяком случае, не теперь время армянам рваться в бой за освобождение родины»⁴¹. Идея создания автономной Армении под протекторатом России стала достоянием широкой гласности⁴².

Виды России о будущем мире волновали и ее союзников. Возможные последствия войны для Турции Николай II изложил французскому послу Палеологу в ходе аудиенции от 21 ноября 1914 г. Представлена была стратегическая цель державы — контроль над проливами Босфор и Дарданеллы. В качестве тактического средства называлось улучшение положения армян: «В Малой Азии я должен буду, естественно, заняться армянами; нельзя будет, конечно, оставить их под турецким игом. Должен ли я буду присоединить Армению? Я присоединю ее только по особой просьбе армян. Если нет — я устрою для них самостоятельное правительство. Наконец, я должен буду обеспечить моей империи свободный выход через проливы». По мнению царя, туркам предстояло окончательно уйти из Европы и принять статус Константинополя в качестве нейтрального города. Гарантировалось уважение мусульманских святынь. Северная Фракия присоединялась к Болгарии, а Босния, Герцеговина, Далмация и Северная Албания — к Сербии. Южная Албания должна была компенсировать территориальные запросы Греции. Пояснительный запрос Палеолога о судьбе Турции коснулся ее будущих границ: «Итак, если я правильно понимаю вашу мысль, турки были бы заперты в Малой Азии, как во времена первых Османидов, со столицей в Ангоре или Конии. Босфор, Мраморное море и Дарданеллы составили бы западную границу Турции». Прозвучал царский ответ: «Именно так»⁴³.

26 ноября 1914 г. Николай II прибыл в Тифлис. В Ванском соборе монарха приветствовал верховный католикос: «Верноподданный народ Гайканский, свято следуя заветам своих предков, и

ныне готов самоотверженно исполнить свой священный долг перед своим царем и отечеством»⁴⁴. Спустя три дня состоялся царский прием армянской депутации⁴⁵. В канун встречи армянские деятели провели совещание о будущих границах автономной Армении. Историк Лео и писатель О. Туманян высказались за обязательный выход к Средиземному морю, вплоть до Мерсины и Александреты. Предлагалось отказаться от желания приобрести черноморское побережье с Трапезундом, чтобы не обострять армяно-грузинские отношения. О. Качазнуни отстаивал необходимость обладания выходом к Черному морю для обеспечения экономического развития Армении. Участники встречи пришли к выводу, что лишь царь разрешит все спорные вопросы⁴⁶. 29 ноября Николай II выслушал просьбы верховного католикоса о разрешении военнопленным армянам из Турции сражаться в рядах русской армии за освобождение родины⁴⁷ и определить участь западных армян в форме автономии. Царь дал положительный ответ на поднятые вопросы, высказав при этом веру, что «Армения в будущем не последует примеру Болгарии» и «армянский вопрос будет разрешен согласно ожиданию армян»⁴⁸. В заключении встречи самодержец обнадежил верховного пастыря перспективой развития армянского этноса: «Передайте Ваней пастве, святой отец, что армян ожидает блестящее будущее»⁴⁹. Наступление турок на фронте сократило пребывание монарха на Кавказе.

Турция сосредоточила на Кавказском фронте 300 тыс. солдат, а Россия противопоставила им Кавказскую армию в 200 тыс. во главе с Воронцовым-Дашковым⁵⁰. Декабрьское наступление турецких сил во главе с военным министром Энвер-пашой завершилось полным разгромом к 6 января 1915 г. Из 90-тысячного состава третьей турецкой армии осталось чуть более десяти тысячи аскеров⁵¹. Боевые действия в Турецкой Армении вызвали насилие в районах Басена и Гасан-кале, приток армянских беженцев в закавказские пределы России⁵². Ситуация была сложной. Газета «Аспарез» писала: «Еще никогда армянский народ не стоял лицом к лицу с такими опасностями, как в данное время. Никогда не было такой ужасной мировой войны, как теперь. Все народы, и великие, и малые, обречены пройти через огненное крещение, и кровь льется рекой. В момент такой мировой катастрофы только тот народ может сохранить право на существование, которое дает вооруженный отпор»⁵³. Победа русской армии означала преграждение пути турок в Закавказье. Разгром Энвер-паши означал для Турции подготовку к весеннему наступлению русской армии в Западной Армении и необходимость «решения» армянского вопроса. За происходящим заинтересованно следили союзники России по Антанте. «Русские нанесли поражение туркам вблизи Сары-

Камыша, — занес в дневник посол Палеолог, — на дороге из Карса в Эрзерум. Этот успех тем более похвален, что наступление наших союзников началось в гористой стране, такой же возвышенной, как Альпы, изрезанной пронастями и перевалами, которые часто превышают 2500 метров высоты; теперь там ужасный холод и постоянные снежные бури. К тому же никаких дорог, и весь край опустошен. Кавказская армия совершает там изумительные подвиги»⁵⁴. В конце февраля союзный англо-французский флот приступил к военно-морской операции по занятию Дарданелл и Константинополя, стремясь опередить Россию и поставить ее руководство перед фактом. Намечалось достигнуть уступок от России в определении зон влияния, но ход военной операции протек вяло и предоставил туркам возможность подготовиться к отпору⁵⁵.

Правительства России, Франции и Англии предприняли разработку планов влияния на Ближнем Востоке и разделе Османской Турции. Армянский вопрос также фигурировал среди соображений политического и экономического порядка. 4 марта 1915 г. доктор Завриев представил министру иностранных дел России конфиденциальный вариант проекта будущего Турецкой Армении, составленный во внешнеполитическом ведомстве Франции. Армянская политика Франции, по мнению министра Т. Делькассе, базировалась на территориальном, административном и охранительном факторах. Намечалось объединить армян и курдов в единую административную единицу: «Добиться географического объединения всех областей Оттоманской империи, где большими группами живут армяне и курды»⁵⁶. Территориально она должна была простираться от Анатолии и персидско-турецкой границы (по линии Мерсин-Мосул-Персия, либо Мерсин-Диарбекир-Персия) до Черного моря (от Синопа до Хопса). Новое административное образование отражало заинтересованность Франции в наличии гаваней на Киликийском побережье: «Территория эта должна получить название «Восточная Анатолия» и иметь в Средиземном море гавани в Мерсине, Айасе и, если можно, в Александриете»⁵⁷. Предусматривались управленческие реформы для избавления населения от «турецкого варварства и тирании». Представители стран Антанты обязывались контролировать эффективность реформ в протекторате и не допускать вмешательства турок в дела Восточной Анатолии⁵⁸. Французский проект отвечал стандартам европейской державы, заинтересованной в колонизации средиземноморского побережья и успокоении общественности видимостью решения армянского вопроса.

Позиция России содержалась в меморандуме министра иностранных дел Сазонова союзникам от 4 марта 1915 г., обосновывающем притязания на Константинополь, проливы и азиатскую

территорию Турции. Союзникам обещалось учесть их интересы в «других районах» Османской империи⁵⁹. 8 марта французский посол Палеолог заявил об учете его правительством желания Петербургского двора. Взамен была запрошена компенсация в виде Сирии и Киликии⁶⁰. 13 марта английский посол Бьюкенен получил инструкцию английского правительства на занятие Константинополя Россией при обеспечении его интересов в Персии, свободы судоходства проливов для коммерческих кораблей и наличия порто-франко⁶¹. В свою очередь, Завриев, вернувшись во Францию, представил русскому послу Извольскому памятную записку о переговорах во внешнеполитическом ведомстве в Петрограде. Предусматривалось создание в составе Турции автономной Армении под протекторатом России, Франции и Англии. В составе Армении намечалось включить шесть армянских вилайетов и Киликию с гаванью в г. Мерсине, со всем Александретским заливом. На запрос Извольского глава иностранных дел Сазонов 5 мая сообщил об «академическом характере бесед» с армянской стороной и непредоставлении Завриеву определенной программы. Желание последнего о включении в состав Армении Киликии было отклонено с указанием о ее отнесении к сфере интересов Франции⁶². Политическое лавирование внешнеполитического ведомства России имело связь с интересами союзников и событиями, происходящими в Малой Азии.

В начале 1915 г. иттихадисты разработали конкретную программу уничтожения армян Оттоманской Турции. Суть происходящих переговоров по Армении между странами тройственного соглашения, очевидно, не укрылась от их взора и катализировала расистские планы. Значение сыграло сарыкамышское поражение и дарданелльская операция. Турки приступили к уничтожению целого народа. 8 апреля началась депортация зейтунцев. Первый караван в восемь тысяч человек был направлен в Конийский вилайет, а второй из шестнадцати тысяч — в пустыню Тер-Зор, куда мало кто добрался. Жители г. Вана 8 апреля подняли восстание. 15 апреля триумvirат руководства младотурок — Талаат, Энвер и Назим направили циркуляр местным властям о расправе над армянским населением. Номинально говорилось о депортации, — «истребив этот чуждый элемент — армян, выселив их в пустыни Аравии»⁶³, — фактически санкционировалась физическая расправа. Постановление вступило в силу «с восхода солнца 24 апреля». В этот день в Константинополе был арестован цвет нации — 225 общественных и политических деятелей. Заработал механизм геноцида армян. Численность армянского населения Османской Турции составляла 2026000 чел. (по другим данным — 3 млн.)⁶⁴. 24 мая Россия, Англия и Франция выразили протест Турции про-

тив варварства в отношении армян, попирающего нормы «человечества и цивилизации»⁶⁵. Отсутствие перемен побудило армянских деятелей обратиться к различным странам, в том числе и Болгарии, чтобы оказали воздействие на турецкое правительство⁶⁶, но безрезультатно.

Все что было темного и зловонного, звериного и утробного в человеке, получило воплощение в армянской трагедии. Попустительскую позицию занимала Германия. Сообщение генералиссимуса Энвера о выселении армянских семейств в Месопотамию получило одобрение германского посла Вангехейма. 31 мая он оповестил Берлин: «Энвер настоятельно просит, чтобы мы не препятствовали ему в этих мероприятиях. Конечно, они таят в себе большую жестокость для армянского населения. Однако я придерживаюсь мнения, что мы можем смягчить форму, но не должны мешать по существу»⁶⁷. Согласно разработанной программе, мусульманскому населению, под страхом конфискации имущества и кары, запрещалось оказание содействия армянам. Осуществлялся лозунг «Армения без армян». В Мушской долине из 120 тыс. армян спаслись всего лишь 5,5 тыс. Из 2915 семей в Хнысе осталось лишь 126, а из 3155 дворов провинции Буланых сохранилась жизнь 300. В Битлисе было перебито 12 тыс. жителей⁶⁸. Отправив вандализм против армянского народа в конце июня опубликовало циркулярную ноту: «во всех областях, входящих в зону военных действий, а также там, где сосредоточены войска, армянское население удалено, дабы не дать ему возможность подпасть под влияние России, обещающей оказать армянам поддержку»⁶⁹. 4 июля Германия секретным посланием одобрила так называемую депортацию⁷⁰.

Трагедия армян Османской Турции получила сильный резонанс в России. Невпопад выступил лишь обозреватель г. «Русские Ведомости» Р. Жаботинский, счелший возможным лишь пожуричь младотурок как беспричинно провинившихся политиков: «Мысли мои о младотурках проникнуты симпатией, грустной и немного насмешливой симпатией. Сидит там, в Константинополе, кучка людей, в конце концов и теперь небольшая, и строит замки. Строит их по всему побережью Африки, от Агадира до Порт-Саида. Это очень смешно, но в то же время грустно. Я видел эту кучку людей близко в медовый месяц их работы, в период 1908—1910 гг., в Константинополе и Салониках. Тогда они еще были любимцами всей Европы; теперь по ним, что называется, собак вешают. Так проходит слава мира сего. За что? Бедные младотурки вправе сказать: мы не изменились за эти шесть лет. И это верно. Они не изменились: ничему не научились и ничего не забыли. Как

шесть лет тому назад или напролом и на провал, лбом об стену, так и теперь со своим увлечением Германией и священной войной»⁷¹. Возмущенная общественность не допустила продолжения публикации. Публичное изложение позиции России сделал министр иностранных дел Сазонов, выступая в Государственной Думе 19 июля, содержащее дань уважения армянскому народу: «Чужа надвигающаяся грозу, турки с особенным ожесточением обрушились на находившиеся еще во власти их христианские народы. Армяне подвергаются неслыханным гонениям, не сломившим однако их духа, и армянские дружины мужественно сражаются вместе с нами против своих угнетателей»⁷². Спасшимся беженцам-армянам стала оказываться организованная помощь⁷³.

Протесты мировой общественности не помешали младотуркам творить черное дело. 7 июля Вангехейм донес рейхсканцлеру о перенесении так называемой депортации из районов, близких к театру военных действий и Аданы, на вилайеты Трапезунд, Харберд и Себастию. В начале августа Талаат отверг заступничество американского посла Г. Моргантау за мирное население: «Бесполезны ваши обоснования, мы уже решили вопрос трех четвертей армян. В Битлисе, Ване и Эрзеруме не осталось ни одного армянина. Взаимная ненависть армян и турок сегодня столь велика, что мы вынуждены покончить с делом армян. Если этого не сделаем, армяне будут мстить»⁷⁴. 31 августа Талаат заявил в германском посольстве об успешной реализации поставленной цели: «Действия против армян в основном осуществлены. Армянского вопроса больше не существует»⁷⁵. Очередной задачей выдвинуто уничтожение «последних остатков армян»⁷⁶. Приняты меры по сокрытию следов преступления. Санкционировано упразднение армянских сирот, помнящих сотворенное злодеяние с родителями и сородичами⁷⁷.

Содеянное младотурками не имело прецедента в новой истории человечества. Лишь постепенно стал вырисовываться размах национального бедствия. 17 января 1916 г. Сазонов предложил Англии и Франции выделить единовременное пособие в размере 1 млн. франков на помощь турецким армянам⁷⁸. Количество потерь армянского народа на это время определялось следующими данными: убитых в Османской Турции — 835600, беженцев на Кавказе — 183800, установленных беженцев в Турции и Персии — 52500⁷⁹. На обращении Сазонова о материальном содействии Франция согласилась выделить одну треть запрошенной суммы, но при согласии английской стороны. Великобритания отказалась присоединиться к этой акции, ссылаясь на наличие многочисленных обращений от коронных поданных и представителей «союзных держав». Целесообразной формой содействия сочтена деятель-

ность частных благотворительных фондов⁸⁰. Туманный Альбион вычеркнул армян из реестра государственных отношений. Выступая в Государственной думе, после взятия Эрзерума 3 февраля 1916 г., Сазонов забил тревогу о политдемографической ситуации в Османской Турции: «Под благосклонным оком союзной Германии турки, по-видимому, намерены осуществить свою давнишнюю мечту о полном истреблении армянского населения, не поддающегося влиянию мусульманской массы и, таким образом, служащего помехой германским планам экономического и политического подчинения себе Турецкой империи»⁸¹. 29 февраля состоялось совещание Сазонова с английским посланцем М. Сайксом. Заслушана записка последнего об армянских событиях: «По его данным, за последнее время было вырезано в Армении и выселено из нее около 800000 человек. Мужское население в возрасте от 18 до 43 лет было целиком вывезено из этой области; женский же элемент направлен в персидские владения и на юг в Месопотамию»⁸². Военной правительством России выделено 2 млн. руб. на помощь беженцам, организовано лазареты, приюты, содействовало созданию комитетов помощи беженцам⁸³.

На межгосударственном уровне стран Антанты осуществлялась выработка единой политики относительно будущего Турецкой Армении. России приходилось учитывать позицию западных союзников. Во всеподданнейшем докладе от 29 февраля 1916 г. Сазонов довел до сведения Николая II англо-французский проект М. Сайкса — Ж. Пико о разделе Малой Азии. Франция забирала Киликию и Сирию, Англия — Арабский Ирак, а России предоставлялась Великая Армения. Он предложил рассмотрение проекта как дела высшей государственной важности вынести на обсуждение особого совещания с участием председателя Совета министров, заместителя на Кавказе, представителей военного, морского и внешнеполитического министерств. 13 апреля Сазонов в памятной записке изложил позицию России французскому послу М. Паллеологу по указанному проекту. Рамки приобретений России в Османской Турции были ограничены областями Эрзерума, Трапезунд, Ван и Битлис. 26 апреля правительство Франции выразило согласие с представлением Сазонова, присовокупив к Киликии часть армянских вилайетов Сиваса и Харберда. 30 мая внешнеполитическое ведомство Англии согласилось на будущие границы России в Турецкой Армении и Трапезунде⁸⁴.

Сазонов подготовил программную записку под условным названием «Армянский вопрос»⁸⁵ для рассмотрения в правительственных верхах. В концептуальном плане Сазонов представил Армянский вопрос с точки зрения противоборства двух подходов: российский и германо-турецкий. Россия исторически ставила перед

собой задачу контроля над проливами Босфор и Дарданеллы, чтобы оградить Черное море от иностранной военной интервенции и обеспечить безопасность южных подступов державы. Армяне виделись естественными христианскими союзниками, сочувствующими русскому делу, жаждавшими добиться освобождения от мусульманского владычества. В геополитическом плане Сазонов считал армян этническим клином, разрывающим восточных и западных тюрок, являвшийся христианским форпостом на Ближнем Востоке. Наличие армянской ориентации на Россию, отказ принять автономию в Турции, готовность к восстанию против османского ига указаны детонатором механизма геноцида. Первая мировая войны, как справедливо указывал министр, позволила Турции приступить к осуществлению плана «Армения без армян». Русская дипломатия поставила задачу воссоздания «армянского клина» против пантюркизма. 27 июня 1916 г. Сазонов запросил мнение заместителя на Кавказе великого князя Николая Николаевича о возможных рамках автономий для армян. Численность армян оптимально определялась как четверть от довоенного уровня. Были очерчены основы культурно-территориальной автономии на занятых Россией армянских вилайетах Великой Армении: независимость церкви и школ, право управления церковным достоянием, использование армянского языка, пропорциональное представительство при выборах в органы городского и сельского самоуправления. Заместитель Кавказа 16 июля выразил согласие с программой благоустройства жизни турецких армян⁸⁶.

К этому времени Сазонов находился в отпуске, готовясь к разстановке акцентов внешней политики России по различным вопросам, в том числе по армянскому и автономии Польши. 20 июля последовала довольно неожиданная отставка Сазонова. По мнению английского посла в Петербурге Дж. Бьюкенена, увольнение министра Николаем II имело связь с защитой «польского дела» для обеспечения симпатии западных славян к России и личных антипатий императрицы Александры⁸⁷. Министерство иностранных дел возглавил протезе императрицы Б. В. Штюрмер, состоящий с февраля 1916 г. в должности председателя Совета министров, известный своими германофильскими настроениями⁸⁸. Бьюкенен попытался предотвратить отставку Сазонова по «нездоровью», напротив телеграмму Николаю II с целью не допустить назначения Штюрмера. Однако его вмешательство цели не достигло⁸⁹. 1 августа Штюрмер выразил согласие с точкой зрения Сазонова и заместителя Кавказа по программе учета чаяний турецких армян. Запрошена санкция великого князя Николая Николаевича на ее изложение Николаю II⁹⁰.

Таким образом, десскуляризация сопровождалась восстановлением попечительной политики самодержавия к армянскому народу. Кровавый султан Абдул Гамид продолжал воплощать расистскую идею «Армения — без армян». Установление конституционной монархии принесло временное послабление турецким армянам. Косметические меры младотурецкого режима оказались отброшенными в результате балканского кризиса. Обострение армянского вопроса обусловило взоры армянского народа на Россию как на единственную державу, могущую осуществить преобразования в Турецкой Армении. Страны Тройственного союза и Антанты отстаивали собственные интересы. Лишь последовательная позиция России обеспечила принятие проекта реформ для армянских вилайетов Турции. Активное содействие России оказывали представители армянских политических кругов. Важную роль в формировании общественного мнения вокруг преобразований сыграли русские деятели и пресса, занявшие благожелательную позицию к чаяниям армянского народа. Первая мировая война представила младотуркам удобный случай решения армянского вопроса путем уничтожения западных армян. Из великих держав одна лишь Россия предприняла отчаянное усилие по спасению турецких армян. Благодаря пассивности оставшихся ведущих держав, младотуркам удалось осуществить геноцид.

Распутье

- 1 ЦГИА РФ, ф. 1032, оп. 1, л. 60, л. 155 об.
- 2 С. У. Кавказская цензура.— Исторический вестник. 1912, т. 128, с. 913.
- 3 Армянский католикос Мкртич I Хримян и князь Г. С. Голицын.— Там же. 1911, т. 124, с. 945.
- 4 Из воспоминаний ген. ад., адмирала Д. С. Арсеньева.— Русский архив. 1912, кн. 1, с. 107.
- 5 Там же, с. 106—108, 259.
- 6 С. Ю. Витте. Воспоминания..., т. 2, с. 208, 209.
- 7 ЦГИА РФ, ф. 1022, оп. 1, л. 60, л. 74.
- 8 Там же, л. 74 об.
- 9 Там же, л. 71.
- 10 Там же, л. 71.
- 11 Там же, л. 76.
- 12 Там же, л. 61.
- 13 В. Н. Коковцев. Из моего прошлого. М., 1992, кн. 1, с. 103.
- 14 Туземная жизнь и пресса.— Закавказье. 1907, 4(17) мая.
- 15 Среди армян.— Там же, 18 февраля (3 марта).

- 16 Около Турецких дел.— Тифлисский Листок. 1907, 11 октября.
- 17 К событиям в Турции.— Там же, 15 июля.
- 18 К положению армян в Турции.— Закавказье. 1907, 6(19) апреля.
- 19 Среди армян.— Там же, 10(23) июня.
- 20 К Армянскому вопросу.— Там же, 10(23) июня.
- 21 Геноцид армян..., № 81, с. 180.
- 22 Признание Абдул Гамида об армянах.— Закавказская Речь. 1911, 12 февраля.
- 23 Туземная жизнь и пресса.— Закавказье. 1907, 4(17) мая.
- 24 Среди армян.— Там же, 18 февраля (3 марта).
- 25 К положению армян в Турции.— Там же, 5(19) апреля.
- 26 А. В. Ипатьев. Внешняя политика России в 1905—1907 гг. М., 1986, с. 291.
- 27 Там же.
- 28 К событиям в Ахтамаре.— Тифлисский Листок. 1907, 22 июля.
- 29 К Армянскому вопросу.— Закавказье. 1907, 5(18) августа.
- 30 Среди армян.— Там же, 8 августа.
- 31 С. С. Ольденберг. Царствование императора Николая II. М., 1992, с. 379, 380.
- 32 М. Г. Нерсисян. Обращение католикоса М. Хримяна к Николаю II (1907 г.) и другие архивные материалы по Армянскому Вопросу (1912—1915).— Историко-филологический журнал. 1993, № 1—2, № 1, с. 167.
- 33 Там же, с. 168.
- 34 Среди армян.— Закавказье. 1907, 3(16) ноября.
- 35 А. В. Игнатьев. Внешняя политика..., с. 292.
- 36 Там же.
- 37 Государственная Дума.— Тифлисский Листок. 1908, 6 апреля.
- 38 В. Н. Коковцев. Из моего прошлого..., с. 289—292.
- 39 Голод в Турецкой Армении.— Тифлисский Листок. 1907, 11 ноября.
- 40 Вести из Малой Азии.— Там же, 1908, 8 мая.
- 41 А. Е. Кауфман. К развалу..., с. 880.
- 42 Иностранная политика.— Русская мысль. 1908, кн. 8, с. 196.
- 43 А. Е. Кауфман. К развалу..., с. 881, 884.
- 44 Дж. С. Киракосян. Младотурки перед судом истории. Ереван, 1986, с. 100.
- 45 В. Н. Коковцев. Из моего..., с. 192, 293.
- 46 Дж. С. Киракосян. Младотурки перед судом..., с. 102.
- 47 Дж. Бьюкенен. Мемуары..., с. 71, 72.
- 48 А. Е. Кауфман. К развалу..., с. 878.
- 49 «Танин» об отставке патриарха Дурьяна.— Тифлисский Листок. 1909, 27 октября.
- 50 К турецко-армянским делам. Там же. 1910, 11 февраля.
- 51 Там же.
- 52 Новый проект административного деления Турции.— Там же. 1911, 4 марта.

Обострение армянского вопроса

- 1 От кризиса к кризису.— Русские ведомости. 1912, 14 июля.
- 2 Турция в 1911 г.— Кавказ. 1912, 3 января.
- 3 Вести с берегов Босфора. Там же, 19 февраля.
- 4 Среди армян.— Закавказская Речь. 1911, 24 декабря.
- 5 О турецких армянах.— Там же, 30 декабря.
- 6 Среди армян.— Там же, 1912, 12 июня.
- 7 Армянская жизнь.— Закавказье. 1912, 21 января.
- 8 Обзор печати.— Кавказ. 1912, 18 марта.
- 9 О приговоре по делу партии «Дашнакцутюн».— Там же, 31 марта.
- 10 Обзор печати.— Там же, 12 апреля.
- 11 Беседа с католиком Кеворком V.— Там же, 26 июня.
- 12 Пребывание в Тифлисе католика всех армян.— Там же, 26 июня.
- 13 Россия и Турция.— Там же, 25 мая.
- 14 Турция и Россия.— Там же, 6 июля.
- 15 Константинополь.— Там же, 1 января.
- 16 Обзор печати.— Там же, 3 мая.
- 17 Армяне в Турции и Персии.— Закавказье. 1912, 23 августа.
- 18 Погромы в Ванском вилайете.— Там же, 6 сентября.
- 19 Введение реформ в Турции.— Тифлисский Листок. 1912, 13 сентября.
- 20 Армянские погромы в Турции.— Закавказье. 1912, 16 сентября.
- 21 По поводу зверств в Турции.— Тифлисский Листок. 1912, 22 сентября.
- 22 Армянская жизнь.— Закавказье. 1912, 20 сентября.
- 23 К положению армян в Турции.— Закавказская Речь. 1912, 28 сентября.
- 24 Мнение Наместника о Кавказских делах.— Там же, 26 октября.
- 25 Война и Балканы.— Русские Ведомости. 1912, 5 октября.
- 26 Геноцид армян..., № 111, с. 233, 234.
- 27 Письма И. И. Воронцова-Дашкова Николаю Романову.— Красный архив. 1928, т. 26, с. 119.
- 28 Там же, с. 119, 120.
- 29 В. Н. Коковцев. Из моего прошлого..., кн. 2, с. 89, 90.
- 30 ЦГИА АР, ф. 113, оп. 3, д. 1172, л. 1 об.
- 31 Там же, л. 1—2.
- 32 М. Г. Нерсисян. Обращение католика..., № 3, с. 169, 170.
- 33 Там же, № 4, с. 171, 172.
- 34 Г. Лазян. Армянский вопрос..., с. 154, 155.
- 35 Будущее устройство Армении. Пет., 1915, с. 7.
- 36 Там же, с. 5—7.
- 37 Армения в документах..., № 14, с. 154, 155.
- 38 М. Г. Нерсисян. Возобновление армянского вопроса в 1912 г.— Историко-филологический журнал. 1992, № 1, с. 200.
- 39 Будущее устройство Армении..., с. 8.
- 40 Реформы в Армении. Пет., 1915, с. 11.

- 41 М. Г. Нерсисян. Возобновление армянского..., с. 203.
- 42 Армения в документах..., № 20, с. 161, 162.
- 43 М. Г. Нерсисян. Возобновление..., с. 208, 209.
- 44 Среди армян.— Закавказская Речь. 1912, 19 декабря.
- 45 Армения в документах..., № 20, с. 162, 163; За границей.— Закавказье. 1912, 20 декабря.
- 46 М. Г. Нерсисян. Возобновление..., с. 202, 203.
- 47 Французские интересы на Востоке.— Русские Ведомости. 1912, 20 октября.
- 48 М. Г. Нерсисян. Возобновление..., с. 200—205.
- 49 Восточный вопрос..., с. 339.
- 50 ЦГИА РА, ф. 57, оп. 5, д. 26, л. 12.
- 51 М. Г. Нерсисян. Возобновление..., с. 207.
- 52 ЦГИА РА, ф. 57, оп. 5, д. 26, л. 8.
- 53 Среди армян.— Закавказская Речь. 1912, 21 декабря.
- 54 ЦГИА РА, ф. 57, оп. 5, д. 26, л. 12 об.
- 55 Там же, л. 8, 12—14.
- 56 Г. Лазян. Армянский вопрос..., с. 157—159.
- 57 ЦГИА РА, ф. 57, оп. 5, д. 26, л. 25.

Проект реформ

- 1 Армянский вопрос и русские армяне.— Закавказская Речь. 1913, 20 января.
- 2 М. Г. Нерсисян. Возобновление..., с. 214.
- 3 Там же, с. 205.
- 4 ЦГИА РА, ф. 57, оп. 5, д. 55, л. 10.
- 5 Германские источники о геноциде армян. Под ред. С. С. Степаняна. Ереван, 1991, кн. 1, с. 9.
- 6 ЦГИА РА, ф. 57, оп. 5, д. 55, л. 10.
- 7 Реформы в Армении..., № 6, с. 289, 290.
- 8 В. А. Микаелян.— Дашнакцутюн в оценке Лепсиуса.— Азатамарт. 1992, № 24, с. 9.— На арм. яз.
- 9 М. Г. Нерсисян. Возобновление..., с. 205.
- 10 Там же, с. 205, 206, 213.
- 11 Россия и армянский вопрос.— Закавказская Речь. 1913, 9 января.
- 12 Там же.
- 13 М. Павлович. Малоазиатские перспективы.— Современник. 1913, кн. 7, с. 310, 312.
- 14 М. Г. Нерсисян. Возобновление..., с. 204.
- 15 М. Павлович. Малоазиатские перспективы..., с. 320.
- 16 Там же, с. 322.
- 17 ЦГИА РА, ф. 113, оп. 3, д. 1172, л. 10.
- 18 Армения в документах..., № 24, с. 168, 169.
- 19 М. Павлович. Малоазиатские перспективы..., с. 311, 312.

- ²⁰ Среди армян.— Закавказская Речь. 1913, 17 июля.
- ²¹ Геноцид армян..., № 123, с. 258.
- ²² ЦГИА РА, ф. 57, оп. 5, д. 9, 13—15 об.
- ²³ Там же, д. 52, л. 9—15 об.
- ²⁴ **Н. С. Русанов.**— Обзорские иностранные жизни.— Русская Беседа. 1913, № 9, с. 325, 326.
- ²⁵ Восточный вопрос..., с. 369.
- ²⁶ Армения в документах..., № 62, с. 209—219.
- ²⁷ Реформы в Армении.— Закавказье. 1913, 17 октября.
- ²⁸ Армения в документах..., №№ 83—89, с. 240—245.
- ²⁹ Восточный вопрос..., с. 370, 371.
- ³⁰ Армения в документах..., № 100, с. 265, 266.
- ³¹ Восточный вопрос..., с. 366.
- ³² Армения в документах..., № 114, с. 276, 277.
- ³³ К проекту реформ в Армении.— Закавказская Речь. 1913, 7 ноября.
- ³⁴ Парижская конференция по армянскому вопросу.— Там же, 7 декабря.
- ³⁵ Армения в документах..., №№ 188, 189, с. 339—352.
- ³⁶ Будущее устройство Армении..., № 30, с. 89, 90.

Русские деятели и пресса

- ¹ А. Н. Боханов. А. И. Гучков.— В кн.: Россия на рубеже веков. М., 1991, с. 82.
- ² **А. С. Шарурян.** Дневник Григора Зограба об армянских реформах 1912—1914 гг.— Историко-филологический журнал. 1990, № 4, с. 204.— На арм. яз.
- ³ Протесты армян.— Речь. 1909, 6 января.
- ⁴ **М. Г. Нерсисян.** Возрождение..., с. 211.
- ⁵ **А. С. Шарурян.** Дневники Григора Зограба..., с. 204.
- ⁶ Отставка Н. В. Чарыкова.— Закавказская Речь. 1912, 9 марта.
- ⁷ **Н. Г. Думова. П. Н. Милюков.**— В кн. Россия на рубеже..., с. 205.
- ⁸ Хроника.— Речь. 1909, 11 января.
- ⁹ **П. Н. Милюков.** Воспоминания. М., 1991, с. 365.
- ¹⁰ **М. Павлович.** Россия и Армянский вопрос.— Современник. 1913, кн. 11, с. 162.
- ¹¹ **Дж. С. Киракосян.** А. К. Дживелегов и его историко-публицистическое наследие. Ереван, 1986, с. 8, 10.
- ¹² Армения и турецкий кризис.— Закавказская Речь. 1912, 16 декабря.
- ¹³ Армянская жизнь.— Закавказье. 1913, 4 января.
- ¹⁴ Иностранные известия.— Речь. 1913, 31 января.
- ¹⁵ О чем пишут другие.— Кавказ. 1913, 5 января: Среди армян.— Закавказская Речь. 1913, 6 января.
- ¹⁶ Русская пресса об армянском вопросе.— Закавказье. 1913, 7 мая.

- ¹⁷ ЦГИА РА, ф. 113, оп. 3, д. 1172, л. 11, 17.
- ¹⁸ См. под. А. А. Закарян. Русские литературы и Армянская действительность (10-е годы 19 в.). Ереван, 1994, с. 8—24.
- ¹⁹ Исчезающая Армения.— Закавказская Речь. 1913, 29 мая
- ²⁰ Закавказье. 1913, 29 мая.
- ²¹ Закавказская Речь. 1913, 30 мая.
- ²² Закавказье. 1913, 29 мая.
- ²³ Государственная Дума.— Там же, 8 июня
- ²⁴ **М. Павлович.** Россия и Армянский вопрос..., с. 164.
- ²⁵ Новости дня.— Кавказ. 1913, 26 июня.
- ²⁶ Среди армян.— Закавказская Речь. 1913, 7 сентября.
- ²⁷ ЦГИА РА, ф. 113, оп. 3, д. 1172, л. 12.
- ²⁸ Армянская жизнь.— Закавказье. 1913, 3 августа.
- ²⁹ ЦГИА РА, ф. 113, оп. 3, д. 1172, л. 12.
- ³⁰ Там же, л. 13.
- ³¹ Там же, ф. 43, оп. 1, д. 311, л. 58.
- ³² **П. Н. Милюков.** Воспоминания..., с. 365, 366.
- ³³ ЦГИА РА, ф. 113, оп. 3, д. 1172, л. 15.
- ³⁴ **Д. И. Исмаил-Заде. И. И. Воронцов-Данков.**— В кн.: Исторические силуэты. М., 1991, с. 58.
- ³⁵ Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом ген. ад. графа Воронцова-Данкова. Спб., 1913, с. 5.
- ³⁶ ЦГИА РА, ф. 113, оп. 3, д. 1172, л. 16.
- ³⁷ Там же, л. 16 об.
- ³⁸ Там же, л. 16, 16 об.
- ³⁹ **В. Н. Коковцев.** Из моего..., кн. 2, с. 173—192, 210—212.
- ⁴⁰ Реформы в Армении.— Закавказская Речь. 1914, 4 февраля.
- ⁴¹ Армянский вопрос в Турции.— Там же, 23 марта.
- ⁴² Армяне России и Турецкие армяне. Там же, 24 июня.

Большая политика

- ¹ **А. С. Шарурян.** Дневник Г. Зограба..., № 34, с. 220, 221.
- ² ЦГИА РА, ф. 43, оп. 1, д. 83, л. 76.
- ³ Там же, л. 76, 76 об.
- ⁴ **А. А. Закарян.** Русские литераторы..., с. 25.
- ⁵ Армения в документах..., № 195, с. 354.
- ⁶ ЦГИА РА, ф. 43, оп. 1, д. 83, л. 78.
- ⁷ Там же, л. 78 об.
- ⁸ Там же, л. 79.
- ⁹ Армения в документах..., № 304, с. 365.
- ¹⁰ ЦГИА РА, ф. 57, оп. 5, д. 28, л. 70.
- ¹¹ Там же, л. 79.

- 12 Там же, л. 108.
- 13 Там же, ф. 91, оп. 1, д. 849, л. 57.
- 14 Переговоры от 19 июля до 19 ноября 1914 г., предшествовавшие войне с Турцией. Пет., 1915, № 13, с. 2; № 16, с. 9.
- 15 Там же, № 21, с. 12.
- 16 **Дж. С. Киракосян.** Западная Армения в годы первой мировой войны. Ереван, 1971, с. 217.
- 17 **Е. К. Саркисян.** Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье. Ереван, 1962, с. 154—156.
- 18 Переговоры от 19 июля..., № 30, с. 16—18; № 39, с. 21—27; № 80, с. 49; № 89, с. 53.
- 19 Нападение Турции на Россию.— Закавказская Речь. 1914, 18 октября.
- 20 ЦГИА РА, ф. 91, оп. 1, д. 849, л. 121.
- 21 **Дж. С. Киракосян.** Младотурки перед судом..., с. 175.
- 22 Цит. по кн. Дж. С. Киракосян. Западная Армения..., с. 85.
- 23 **Г. Палакян.** Голгофа армян. Ереван, 1991, с. 39.— На арм. яз.
- 24 **А. Ширакян.** Памяти павших. Ереван, 1991, с. 32, 33.— На арм. яз.
- 25 Геноцид армян. По документам судебного процесса младотурок. А. А. Папазян. Ереван, 1988, с. 77.— На арм. яз.
- 26 Там же, с. 77, 78.
- 27 Армения без армян.— Русские Ведомости. 1915, 5 сентября.
- 28 **Г. Палакян.** Голгофа армян..., с. 26.
- 29 **А. Гембарски.** Письма миру. Ереван, 1990, с. 81.— На арм. яз.
- 30 Там же, с. 80, 81.
- 31 Геноцид армян. По документам судебного..., с. 37—39, 92, 93, 199, 200.
- 32 Геноцид армян..., № 136, с. 272—274.
- 33 **Дж. С. Киракосян.** Западная Армения..., с. 193.
- 34 **М. Палеолог.** Царская Россия во время мировой войны. М., 1991, с. 123.
- 35 Андраник Озаян. Документы и материалы. Ереван, 1991, № 37, с. 132.
- 36 **М. Г. Нерсисян.** Об Армянском вопросе и армянских добровольцах.— Историко-филологический журнал. 1991, № 2, с. 206, 209.
- 37 Геноцид армян..., № 139, с. 276.
- 38 К армянскому национальному съезду.— Закавказская Речь. 1914, 14 сентября.
- 39 Армяне о себе.— Там же, 30 сентября.
- 40 Последние известия.— Там же, 9 октября.
- 41 По поводу статьи Гр. Чалхушяна.— Там же, 8 октября.
- 42 Армения.— Там же, 14 ноября.
- 43 **М. Палеолог.** Царская Россия..., с. 128.
- 44 Государь Император в Тифлисе.— Закавказская Речь. 1914, 27 ноября.
- 45 От канцелярии заместника с. и. в. на Кавказ.— Там же, 26 ноября.
- 46 **Ц. П. Агаян.** Из истории освободительной борьбы армянского народа. Ереван, 1976, с. 383.— На арм. яз.
- 47 ЦГИА РА, ф. 57, оп. 5, д. 90, л. 1.
- 48 **Дж. С. Киракосян.** Западная Армения..., с. 205.
- 49 **Гр. Чалхушян.** Красная книга. Ростов на Дону. 1919, с. 28.
- 50 **Е. К. Саркисян.** Экспансионистская политика..., с. 181, 182, 185.
- 51 **Дж. С. Киракосян.** Западная Армения..., с. 223.
- 52 Положение армян-беженцев из Турции— Закавказская Речь. 1914, 18 декабря.
- 53 Армяне и война.— Там же, 17 декабря.
- 54 **М. Палеолог.** Царская Россия..., с. 143.
- 55 Там же, с. 166, 168.
- 56 ЦГИА РА, ф. Выписки, д. 61, л. 1
- 57 Там же, л. 1, 1 об.
- 58 Там же, л. 1—2.
- 59 Восточный вопрос..., с. 392, 393.
- 60 **Морис Палеолог.** Указ. соч., с. 168, 169.
- 61 **Дж. Бьюкенен.** Мемуары дипломата..., с. 146, 147.
- 62 **М. К. Арзуманян.** Армения 1914—1917..., с. 669, 670.
- 63 **Е. К. Саркисян.** Экспансионистская политика..., с. 233.
- 64 **А. Ширакян.** Памяти..., с. 43, 47, 62.
- 65 **Дж. С. Киракосян.** Западная Армения..., с. 204.
- 66 София.— Русские Ведомости. 1915, 3 июля.
- 67 **Г. Фирбюхер.** Армения 1915. Ер., 1991, с. 68.
- 68 **Н. Огановский.** Армения без армян.— Русские Ведомости. 1915, 5 сентября.
- 69 Турция и армяне.— Там же, 3 июля.
- 70 Геноцид армян. По документам..., с. 10.
- 71 О младотурках.— Русские Ведомости. 1915, 7 июля.
- 72 Государственная Дума.— Там же, 21 июля.
- 73 Беженцы.— Там же, 26 августа.
- 74 **Г. Моргентау.** Воспоминания американского посла Генри Моргентау и тайны геноцида армян. Ер., 1990, с. 280, 281.— На арм. яз.
- 75 **М. Г. Нерсисян.** Немецкие и турецкие источники о геноциде западных армян.— Историко-филологический журнал. 1986, № 2, с. 34.
- 76 Там же, с. 33, 34.
- 77 ЦГИА РА, ф. 282, оп. 1, д. 40, л. 2, 4, 5.
- 78 Геноцид армян..., № 196, с. 412, 413.
- 79 Русские источники о геноциде армян в Османской империи 1915—1916 годы. Состав: **Г. А. Абрамян, Т. Г. Севан-Хачатрян.** Ер., 1995. Вып. 1, № 74, с. 89—90.
- 80 Геноцид армян..., № 197, 198, с. 413, 414.
- 81 Русские источники..., № 85, с. 106.
- 82 Дневник министерства иностранных дел.— Красный Архив. 1929, т. 1(32), с. 22.
- 83 Русские источники..., № 120, с. 163.
- 84 Там же, № 97, с. 117—119; № 109, с. 142; № 114, с. 152; № 117, с. 156; № 121, с. 164; № 122, с. 165.

²⁵ В. Г. Тунян. С. Сазонов и Армянский вопрос.— Диалог. 1997, № 6, с. 28.

⁸⁶ Армения в документах..., № 229, 230, с. 396—402.

⁸⁷ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., с. 172—174.

⁸⁸ Восточный вопрос..., с. 405.

⁸⁹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., с. 172—174.

⁹⁰ С. М. Акопян. Западная Армения в планах империалистических держав. Ер., 1967; Ц. П. Агаян. Из истории освободительной борьбы армянского народа. Ер., 1976; А. С. Абрамян, С. С. Степанян. Армянский геноцид. Ер., 1995; Р. Саакян, К. Худавердян. Армянский геноцид в свете десятилетий. Ер., 1995; М. С. Карапетян. Армянский геноцид в историографии. Ер., 1993; Л. Хуршудян. Армянский вопрос. Ер., 1995; Армянский вопрос и геноцид армян в Турции (1913—1919). Сборник. Сост. В. А. Микаелян. Ер., 1995; А. Оганджаниян. 1915 год. Неопровержимые свидетельства. Ер., 1997; М. А. Мурадян. Основные вопросы армянской истории в оценке русской историографии. Ер., 1995; В. Г. Тунян. Россия и Армения. 1878—1897. Ер., 1997.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новая история Армении характеризуется бурными катаклизмами, неожиданными поворотами в развитии политических событий, возрождением восточных армян и трагической участью османских. На протяжении XIX и начала XX вв. можно выделить четыре армянских кризиса, связанных с активной политикой ведущих держав Европы на Ближнем Востоке, упадком значения шахской Персии и разложением Блистательной Порты. Трансформационные процессы отражали чаяния и устремления армянского этноса, борьбу за создание национального очага. Политика самодержавия учитывала как интересы армянского народа, так и державы.

Первый кризис охватил первую треть XIX в. Несостоятельные притязания Персии на доминирование в Закавказье, намерение Османской Турции сохранить свое значение в регионе встретили стремление державной элиты России на установление естественной границы по рекам Кура, Рион и Аракс. Начальный этап кризиса отразил желание Петербургского двора добровольно присоединить Армению, замененное активной борьбой с Персией и Турцией. Определенные виды на регион имели Франция и Великобритания. Завершился этап Бухарестским и Гюлистанским договорами 1812 и 1813 гг., включившими в состав России Сомхетию (Грузинскую Армению) и армянские земли Восточного Закавказья. На втором этапе Россия проявляла сдержанность в регионе, но

поддержательская роль Великобритании привела к закавказским войнам второй половины двадцатых годов. Кризис разрешился Туркманчайским и Адрианопольским мирными трактатами 1828 и 1829 гг., обусловившими окончательное образование Русской, Турецкой и Персидской Армении. Освободительные чаяния армянского народа получили воплощение в создании Армянской области в составе Российской державы.

Второй кризис включал начало пятидесятых годов и конец семидесятых. На этапе Крымской войны Николай I допускал освобождение от власти османов Дунайских княжеств, Болгарии, Сербии и определенное удовлетворение чаяний армян в Азиатской Турции. Вмешательство европейских держав привело к включению Блистательной Порты в систему европейской безопасности, передаче от России права покровительства над христианскими подданными султана европейскому надзору, посулам западным армянам лучшей будущности. Проявлением этого процесса, под воздействием Франции и Англии, явилось утверждение султаном «сахманадрутюна» в 1863 г. акта национального самоуправления армян Турции. Стремление добиться полноценного воплощения «сахманадрутюна» оказалось несостоятельным. Неудовлетворенность существующим режимом побудила турецких армян в конце шестидесятых годов во главе с константинопольским патриархом Хримяном поднять вопрос о реальной автономии перед Илдыз-Киоском. Надежды на лучшую будущность отразила 16 статья Сан-Стефанского договора 1878 г., предусматривающая проведение реформ в армянских вилайетах Порты под контролем России. Вмешательство Англии, при открытой поддержке Австро-Венгрии, обусловило возникновение 61 статьи Берлинского конгресса, поставившего процесс воплощения преобразований под европейский контроль.

Борьба за обещанные реформы открыла третий армянский кризис. Требование преобразований от султанского правительства сменилось вооруженной борьбой и активным обращением за помощью в самоопределении к европейским державам. Пестрота их интересов привела к формированию политики статус-кво относительно Блистательной Порты как средства гашения возможной общеввропейской войны, которая могла бы начаться из процесса автономизации Турецкой Армении. Учитывался болгарский опыт: реформы — автономия — независимость — борьба за расширение границ, смена политической ориентации. Режим султана Абдул-Гамида вначале использовал тактику обещаний и угроз (1878—1890), а затем в начале девяностых годов перешел к протогеноциду. Вершиной вандализма явился «зулум» 1894—1896 гг., поглотивший 300 тыс. жизней армян. Свою кровавую политику Абдул Га-

мид пытался теоретически обосновать невозможностью существования самостоятельной Армении между сильными сопредельными государствами. Составными элементами протогеноцида являлись: преследование национальных лидеров, ограничение «сахманадрутона», цензирование армянской печати, фальсифицирование национальной истории, подавление деятельности революционных партий, формирование «истинного практического национализма в духе османизма», физическое истребление и моральное уничтожение.

Четвертый кризис захватил первую четверть 20 в. — от секуляризации имущества армянской церкви до Лозанской конференции. Эпицентр припал на 1915 г., когда младотурецкий режим приступил к решению армянского вопроса путем геноцида. В первой мировой войне Турция решала триединую цель: уничтожение армянского народа, отвоевание Кавказа у России и восстановление утраченных границ османами. Попустительскую позицию занимала Германия. Санкция кайзеровского режима на «депортацию» армян явилась поощрением младотурок к геноциду. Происходящее осудили Россия, Англия и Франция как «преступление» против международного сообщества. Геноцид армян младотурецким режимом был заранее запрограммирован. Возможность его избежания, в зависимости от тактики действий национальных лидеров, практически исключалась в ходе фронтального столкновения Антанты и Тройственного союза. Разрядкой четвертого кризиса явилось образование первой и второй республики Армении на одной десятой части исторической родины. Советский режим подарил Карскую область Турции, а Нахичеван и Карабах — Азербайджану. Итоги подвела Лозаннская конференция (ноябрь 1922 — июнь 1923), отказавшая армянам Турции в создании национального очага.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Россия и Армения		3
Гюлистан	. . . . .	15
Туркманчай	. . . . .	29
Адрианополь	. . . . .	
Глава 2. Россия и Европа		
Восточный кризис	. . . . .	57
Сан-Стефано	. . . . .	70
Национальные деятели	. . . . .	76
Берлинский конгресс	. . . . .	83
После конгресса	. . . . .	91
Русско-английское соперничество	. . . . .	97
Глава 3. Армянские волнения		
Геополитика	. . . . .	115
Сасун	. . . . .	125
Майские реформы	. . . . .	138
Статус-кво	. . . . .	147
Глава 4. Национальное бедствие		
Распутье	. . . . .	171
Обострение армянского вопроса	. . . . .	181
Проект реформ	. . . . .	194
Русские деятели и пресса	. . . . .	202
Большая политика	. . . . .	214
Заключение	. . . . .	238

